

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrus.ru/>

№ 2(7). Декабрь, 2016

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнггрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrus.ru

<http://sthb.petrus.ru/>

Содержание № 2. 2016.

ИСТОРИЯ

Федосов А. В.	Функции полиции Олонецкой губернии в годы первой мировой войны	4 - 26

ПОЛИТОЛОГИЯ

Кадир А.	Высшее образование, глобальные правители и эпистемическое управление (перевод с англ. яз. Ю. М. Килин)	27 - 31

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Ранникко П., Варис Э.,
Пииппонен М.	Койвусельга. Социальная трансформация лесозаготовительного поселка в российской Карелии (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)	32 - 47

ЭКОНОМИКА

Ругачева А. В., Фокина П. А.	Потребительское поведение в Республике Карелия: необходимость государственного регулирования	48 - 55

Рецензии

Серова Е.	Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля)	56 - 66

УДК 94(47)

Функции полиции Олонецкой губернии в годы первой мировой войны

ФЕДОСОВ
Александр
Валентинович

*ведущий специалист-эксперт группы воспитательной работы,
Министерство внутренних дел по Республике Карелия,
Петрозаводск, Россия, muzeymvdpork@mail.ru*

Ключевые слова:

Олонецкая полиция
Олонецкая губерния
Первая мировая война
охрана правопорядка
уголовная преступность
народная милиция

Аннотация:

В статье рассматриваются ранее не изученные аспекты деятельности полиции на территории Олонецкой губернии в период 1914— 1917 гг., во время Первой мировой войны, исследуются дополнительные функции полиции, определенные условиями военного времени в рамках законодательства Российской империи. Автор акцентирует внимание на выполнении полицией конкретных задач на территории губернии, находящейся на чрезвычайном положении, а также сделаны выводы о профессиональности полицейских чинов. На фоне драматических событий Февральской революции 1917 года, сопровождавшихся в России заменой прежней полиции на новую милицию, установлена прямая преемственность последней в продолжении выполнения в губернии полицейских функций охраны правопорядка и общественной безопасности в рамках действовавшего в стране российского законодательства на его последнем этапе.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Вторая Отечественная или Великая война, вошедшая в советскую историографию сначала как Империалистическая, а затем как Первая мировая, стала по своему размаху и масштабу потерь жестоким испытанием для России, воевавшей на стороне Антанты, принявшей на себя основную её тяжесть и последствия.

В этот период на российскую полицию и жандармерию были возложены задачи тылового правоохранительного обеспечения страны. Несмотря на всю сложность выполнения в таких условиях задач по обеспечению правопорядка и безопасности граждан небольшими силами, согласно штатам мирного времени, русская полиция в годы войны каждодневным нелегким трудом поддерживала в обществе нравственное начало благородством своей профессии и честным служением закону. Это в полной мере относится и к полиции Олонецкой губернии, находившейся на достаточном удалении от полей сражений. Её чины до конца и честно выполнили высокий профессиональный долг, переживая наравне со всем народом общие невзгоды, выпавшие на его долю.

Функции Олонецкой полиции в начальный период войны

Формирование Олонецкой полиции в составе территориальных органов управления губернии началось ещё в 1778 г. и к XX в. охрана правопорядка и общественной безопасности обеспечивались штатами 8 полицейских управлений, располагавшихся в губернском городе Петрозаводске, в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Вытегорском, Пудожском, Каргопольском и Повенецком

уездах.

В начале XX в. были сформированы новые структуры — полицейская конная и пешая стража (1903 г.), действовавшая во всех уездах; два конных полицейских отряда дислоцировались в Петрозаводске и Вытегре на случай выполнения специальных задач. При Петрозаводском управлении действовала Школа по подготовке полицейских урядников (1888 г.), Сыскное отделение (1908 г.) и городская пожарная команда.

Накануне Первой мировой войны общая численность городской, уездной и сельской полиции в губернии составляла 636 человек [3; 90], из них одну треть составляли офицерские чины: полицмейстер г. Петрозаводска, 7 уездных полицейских исправников, начальник сысского отделения, брандмейстер, командиры отрядов конно-полицейской стражи, их помощники, а также классные чины, городские и становые приставы. Остальную часть составляли нижние чины — околоточные, надзиратели, городовые, урядники, стражники.

Губернская полиция действовала в соответствии с законами Российской империи и многочисленными уставами, выполняя сложные и многообразные функции и задачи в разных областях общественной и хозяйственной жизни, поддерживая в обществе порядок государственного управления [4; 88—135].

Общее руководство полицией возлагалось на Олонецкого губернатора, осуществлявшего управление через Губернское правление и свою канцелярию. На уровне губернии полиция также руководствовалась обязательными постановлениями её начальника, издаваемыми в рамках местного административного законодательства.

Строительством и развитием полицейских органов ведало МВД Российской империи через свой Департамент полиции, который в свою очередь, осуществлял управление полицией на этой территории через Олонецкого губернатора в форме циркуляров и указаний. По Высочайшему повелению от 7 декабря 1913 г. российская полиция получила свой долгожданный праздник — День полиции во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского [2], празднование которого, начиная с 1914 г., приходилось на 5 октября [89]. Однако последовавшие вскоре за этим события не дали возможности прижиться данному профессиональному празднику.

На случай объявления всеобщей мобилизации Олонецкая полиция была широко задействована в системе губернских мобилизационных планов, разрабатываемых военными присутствиями. Через полицейских исправников осуществлялась рассылка секретных инструкций во все волостные управления в запечатанных красных и синих пакетах, определявших порядок действий в случае начала мобилизации. В инструкциях подробно определялся порядок призыва запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения 1-го разряда, разверстка на конные подводы для перевозки призывников на сборные пункты. На уездных полицейских исправников также были возложены обязанности оповещения волостной власти о начале мобилизации при помощи нарочных и телеграмм, посылаемых в населенные пункты, в которых имелись телеграфные конторы.

С получением извещения сельская администрация обязана была оповестить по схеме всё местное население, организовать сбор призывных и обеспечить подачу конных подвод. При этом на сельскую полицию возлагалась охрана общественного порядка на пунктах сбора, выявление пьяных, подлежащих аресту до вытрезвления при волостных правлениях, а также уклоняющихся от призыва, в т.ч. с обходом и проверкой всех больных, не явившихся на сборный пункт [69; 1—27].

В губернском и уездных городах на сборных пунктах охрану порядка обеспечивали полицейские Петрозаводского городского и уездных управлений полиции. Помимо прочих задач здесь на полицию возлагалось проведение «отдельных осмотров вещей тех призывников, относительно коих возникнет подозрение о нахождении у них прокламаций и запрещенных изданий». При этом определялось, что указанные осмотры «должны быть проводимы с полной осмотрительностью и, по возможности, без излишней огласки – во избежание возникновения со стороны призывных каких либо неудовольствий и столкновения их с чинами полиции» [33; 13].

Война России была объявлена правительством Германии 19 июля 1914 г. [11]. [12] и через 5 дней — правительством Австро-Венгрии [15], после чего на границах империи сразу же начались боевые действия по всей широкой линии фронта.

24 июля 1914 г. Олонецкая губерния вместе с другими субъектами Российской империи была переведена Высочайшим распоряжением на положение чрезвычайной охраны на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 1881 г. [1]. С этого дня все функции управления полностью переходили к губернатору, как «главноначальствующему» лицу.

На этом же основании из общей подсудности изымались административные дела об оскорблении чинов полиции и неисполнении её законных требований, подлежащие упрощенному рассмотрению губернатором с наложением на виновных крупного штрафа или сроков тюремного заключения. В отношении более тяжких преступлений дела подлежали передаче в военные суды [16].

В своем обращении к населению губернатор М. И. Зубовский [5; 123–125] подчеркнул необходимость «дать решительный отпор врагу жестокому, врагу нахальному, потому что на карту поставлены не только честь и достоинство, но и само существование России». При этом он особо подчеркнул, что «если кто в этот грозный час пожелает воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы вызвать беспорядок и смуту, имя тому — изменник и предатель» [9; 6–7].

С началом войны в Олонецкой губернии состоялись стихийные патриотические манифестации, разрешенные местными полицейскими начальниками, не препятствовавшими народному порыву. Они прошли в гг. Петрозаводске, Лодейном Поле, Каргополе [13] и Вытегре [76; 52–53] при большом стечении народа, шедшего по улицам с национальными флагами, портретами царствующих особ, пением национального гимна и молитвами о ниспослании победы над врагами.

Первая мобилизация под контролем полиции прошла организованно и в не менее приподнятом патриотическом настроении. В эти дни все лавки с виноторговлей вблизи призывных пунктов были закрыты полицией на основании правил, утвержденных губернатором еще в 1913 г. [45; 32–34]. Однако начальник Вытегорской полиции, испытывая душевный подъем, в первый же день отправки призванных в армию на личные средства приобрел для каждого новобранца небольшой подарок — бутылку вина, чай, табак, сахар, открытые письма [76; 54].

И хотя во время войны полицейских в армию не призывали, среди чинов нашлось достаточно патриотов, «изъявивших желание вступить добровольцами в ряды действующей армии». Одним из первых добровольцев стал городской младшего оклада Петрозаводской городской полиции Василий Петухов [13]. Позже на фронт ушли чины Лодейнопольской [39; 25], Каргопольской [82; 167–169], Петрозаводской [79; 17] и Олонецкой [6; 104–105] уездных полиций, многие из них за свои подвиги были награждены боевыми наградами.

В условиях чрезвычайной охраны, в Олонецкой губернии для поддержания порядка губернатор продолжил издание обязательных постановлений, определяющих установленный порядок управления в военное время. Доведение этих документов до населения, наряду с правительственными обращениями и указами, возлагалось на городскую и уездную полицию.

С этого времени на Олонецкую полицию, и без того перегруженную многочисленными обязанностями, были возложены дополнительные функции военного времени, обусловленные положением чрезвычайной охраны. И полицейские чины с честью их выполнили, ввиду чего в конце 1914 г. и в последующие годы губернатор уверенно мог докладывать в МВД о том, что состояние настроений среди населения «совершенно спокойное и ни каких внешних проявлений недовольства существующим государственным строем или распоряжениями правительства не замечалось» [67; 1–2].

Полицейское обеспечение действующей Русской императорской армии

С первых дней войны сражавшаяся на фронтах Русская императорская армия не могла обходиться без надлежащей тыловой поддержки, включая вопросы, относящиеся к компетенции правоохранительных органов России.

Первыми среди них стали задачи полицейского обеспечения проведения первой волны мобилизации населения в действующую армию. Для подготовки к последующим её этапам и для контрольной проверки запасных чинов все квартиры станковых приставов при волостных правлениях были превращены в поверочные пункты их сбора [45; 23].

До войны на полицию и жандармерию возлагалось освидетельствование всех новобранцев, призываемых в войска Гвардии, на предмет их «политической благонадежности» [54; 2–19], а также на военные сборы в Санкт-Петербург с учетом возможного присутствия «Высочайших особ на военных сборах и маневрах войск округа» [73; 116]. Во время войны этой проверкой был охвачен уже весь контингент, направляемый и в армейские части [68; 1–13], и в состав вольноопределяющихся военных чинов [70]. Эти проверки проводились параллельно с жандармскими [76; 63].

С 1916 г. в проверочный состав были внесены ссыльные из числа военнообязанных, изъявившие желание идти на фронт и освобождавшиеся ввиду этого от гласного надзора полиции [53; 77, 81]. К ним причислялись и бывшие ссыльные, передаваемые на военный учет после отбытия срока ссылки [77; 10–14, 16]. Имелись случаи отправки на военную службу и арестованных лиц после отбытия административного наказания при полиции [61; 6]. В отношении же тех, кто еще не успел отбыть

полный срок ареста, дела прекращались ввиду ухода на военную службу [61; 62].

По причине острой нехватки младших офицерских кадров, возникшей из-за больших потерь на фронтах, в стране началось открытие школ прапорщиков. В связи с этим на полицию с 1915 г. было возложено проведение проверок по месту жительства солдат из запасных батальонов, изъявивших желание поступить в эти школы [55; 1–2], [58; 16] и юнкерские училища [57; 27], [61; 44, 46], [58; 33], [59; 14, 16], [60; 13].

К числу проверяемых относились и жены новоиспеченных прапорщиков, пытавшиеся выехать к мужьям в действующую армию [72], военнослужащие, поступающие на гражданскую службу после увольнения из армии по ранению [59; 36–37], а также женщины, которыми разные ведомства пытались заменить мобилизованных мужчин [60; 20].

Ввиду многочисленных побегов на фронт несовершеннолетних детей, оставляемых командованием при своих частях, по их запросам полиция проверяла благонадежность родителей [59; 31–32]. К категории проверяемых относились и лица, достигшие 17-летнего возраста, которым Высочайшим повелением от 19 апреля 1915 г. было разрешено поступать добровольцами в армию после выдачи полицией «свидетельств о политической благонадежности» [72; 80].

В 1914 г. Олонецкой губернии был установлен план по пошиву для армии солдатских сапог в кустарных мастерских, что также не обошлось без участия полиции, с помощью которой была создана целая сеть обеспечения поставок. Так в 1914 г. для отправки готового товара в Петроградский интендантский вещевого склад [47] и получения оттуда сырья был задействован Каргопольский уездный исправник, т.к. по территории его ответственности проходила линия Северной железной дороги и имелись две станции — Няндомы и Лепша [8; 2].

Не менее значимую роль играла и водная транспортная Мариинская система, связывающая р. Волга с Онежским озером, имевшая шлюзовой выход в районе г. Вытегра. Ввиду этого на Вытегорского уездного исправника возлагался прием и отправка поставляемых заготовок в другие уезды водным транспортом и санным путем в зимнее время года [48]. Для охраны товара в пути привлекались вытегорские полицейские стражники, сопровождавшие его в 1914–1915 гг. по зимнему пути до Лодейнопольского полицейского управления [50; 1]. Оттуда под контролем местного полицейского исправника груз доставлялся на станцию Званка (ныне — Волховстрой) и далее по железной дороге — в Петроград.

В начале 1916 г. при вводе в эксплуатацию Олонецкой железной дороги от станции Званка до г. Петрозаводска в эту транспортную схему был вписан и уездный исправник Петрозаводского уезда. В его обязанности входил сбор готовых сапог в г. Петрозаводске [50; 5] и их отправка в Лодейное Поле [50; 6, 8]. В Лодейном Поле товар, поступивший из всех уездных полицейских управлений, отправлялся далее в сопровождении полицейского надзирателя поездом в Петроград [50; 24].

В конце 1916 г. в условиях нехватки в армии стрелкового вооружения полицией губернии начался прием от населения старых образцов оружия, предназначенных для вооружения вспомогательных армейских служб [56; 3].

В ходе войны на имя губернатора от командования частей стали поступать боевые награды, Георгиевские кресты и медали, предназначенные для вручения уволенным по ранению солдатам, а также семьям погибших или умерших от ран. Эти функции также были возложены на городскую и уездную полицию с предписанием вручать их «по принадлежности» с возвратом расписок, отсылаемых обратно в воинские части [56; 45]. Если в первый год войны губернатор требовал от полицейских организовывать такие вручения в торжественной обстановке с установлением прав награжденных на пенсии или пособия [40; 56], то при массовом поступлении наград эта процедура стала формальным актом.

На полицию также возлагалось ведение специальных книг учета потерь военнослужащих, призванных из городов и уездов.^[2]

Еще одним направлением полицейского обеспечения армии стала борьба в тылу с уклонением от службы со стороны ратников ополчения и с дезертирством солдат из Действующей армии. При этом на полицию возлагался розыск и передача в военное присутствие всех не явившихся по призыву с привлечением виновных к законной ответственности [80; 6–7]. Для этих же целей руководители полицейских управлений постоянно направляли в газеты Олонецкой губернии казенные объявления «о повсеместном розыске» указанной категории лиц [84]. Иногда среди них встречались имена детей и полицейских чинов [18; 19]. К началу 1917 г., судя по числу объявлений такого рода, проблема уклонистов в Олонецкой губернии приняла угрожающий массовый характер.

Другим способом уклонения от призыва, выявляемым полицией, стало причинение некоторыми

ратниками вреда своему здоровью для признания их негодными к военной службе. При этом в ход чаще шло злоупотребление табачными настойками, вызывающими перебои и болезни сердца [76; 62]. Для предотвращения этого явления полицией стали дополнительно проверяться ратники, признанные не пригодными к службе, с проведением дознания на предмет правильности такого освобождения. Чаще это происходило в отношении зажиточных крестьян и лесопромышленников по анонимному или т.н. «безымянному заявлению», ставшему своего рода формой народного протеста. При всеобщей мобилизации подобные уклонения богатых земляков вызвали «сильное неудовольствие среди местного населения». По возбужденному полицией переосвидетельствованию таких призывников передавали в распоряжение воинского начальства.

Несмотря на это появились новые уловки, связанные с заочным поступлением уклонистов в т.н. «вольные пожарные дружины». Поводом для этого стало решение Совета Императорского Российского пожарного общества от 1 июня 1916 г., предусматривающее для брандмейстеров и некоторых чинов пожарных дружин отсрочку от призыва до конца войны в целях «поддержания надлежащей пожарной охраны в селениях» [66; 1–40].

Затянувшаяся окопная война, разлагающая боевой дух солдат, деморализованных к тому же военными неудачами, вызвала среди нижних военных чинов самовольные отлучки и побег. Среди призванных из Олонецкой губернии такие случаи фиксировались уже с начала 1916 г. Дезертиры, задержанные полицией [81; 1–3], первоначально состояли в категории нижних чинов запасных батальонов [40; 41–42], [56; 4, 37], [61; 57–61]. Затем к ним добавилась категория выздоравливающих после ранения и ожидающих отправки на фронт [40; 33–34], а в конце 1916 г. к своим домам потянулись и солдаты действующей армии [41; 21].

Их розыск возбуждался полицией по указанию губернатора на основании извещений командования воинских частей, при этом семьи дезертиров одновременно лишались казенного пособия [40; 41–42]. Для профилактики дезертирства губернатор требовал от полиции обеспечить жесткое наблюдение за всеми прибывающими военными с тщательной проверкой документов на предмет законности их нахождения в тылу.

С 1915 г. все чаще стали приходить сведения о всероссийском полицейском розыске военнослужащих, дезертировавших из действующей армии после совершения уголовных преступлений, в т.ч. бежавших из-под стражи после приговоров военно-полевых судов. За такими беглецами на территории Олонецкой губернии полицией устанавливалось наблюдение на случай возможного их появления в уездах и городах [71; 1–3].

К началу 1917 г. повсеместно по стране значительно увеличилось количество военнослужащих, намеренно опаздывавших из отпусков под разными предлогами. Этому способствовали, по мнению командования Петроградского военного округа, слабый надзор со стороны местной полиции и сельских властей, не привлечение виновных лиц к ответственности, незаконная выдача не заверенных властями свидетельств о болезни и об амбулаторном лечении. Ввиду этого губернатор предписал полиции тщательно проверять отпускные билеты у всех нижних чинов армии [82; 90].

Контроль со стороны полиции осуществлялся и за уволенными из армии по ранению и болезни — для снятия таких лиц с учета воинские присутствия в обязательном порядке предварительно извещали полицейское руководство для проведения проверки по каждому отдельному случаю [79; 35].

Забота о малоимущих семьях солдат, призванных на войну

Не менее важной стороной полицейского обеспечения действующей армии стала забота о малоимущих семьях призванных солдат. Для их «призрения» по Высочайшему положению, утвержденному на случай войны ещё от 25 июня 1912 г. [9; 7], при земских правлениях были образованы комитеты по оказанию материальной помощи с участием руководителей местной полиции [76; 55]. С началом войны такие комитеты осуществляли проверки материального положения заявителей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. При этом выдаваемые полицией заключения являлись главным аргументом для принятия решения о необходимости оказания помощи [34; 29–30, 33]. Однако вопросы, связанные с размещением детей из бедных семей в приютах, при всем внимании к ним со стороны полиции, чаще всего не решались ввиду их переполнения, а также «вызванного войной уменьшения притока пожертвований» и сокращения всех бюджетов на нужды такого рода [42, л. 123–125].

С целью восстановления социальной справедливости полиция делала все возможное для защиты бедных солдатских семей от притеснений местных купцов и кулаков, использовавших военные трудности в целях личного обогащения [39; 1–3], а также принимала меры для первоочередного выделения им пособий в условиях уравниловки с семьями зажиточных крестьян [76; 67–68].

В 1915 г. в условиях дефицита и резкого подорожания продуктов питания на полицию был возложен контроль за деятельностью земства по вопросам продажи хлеба нуждающимся солдатским семьям по отпускным ценам. Полицию поставили задачу следить за хлебными поставками на станциях и за прохождением на всех этапах денежных перечислений, высылаемых на депозиты губернатора в Петрозаводское казначейство для расчета с поставщиками. Основная тяжесть в этом вопросе в начале войны легла на Каргопольского и Вытегорского уездных исправников, через территорию ответственности которых проходили поставки хлеба по транспортным путям — линии Северной железной дороги и водной Мариинской системы [49; 116, в, г, 14–146, 19–20].

Кроме того, на полицию возлагалось составление списков «наиболее нуждающихся в материальной поддержке семейств убитых георгиевских кавалеров, павших за веру, Царя и отечество» для распределения денежных пособий, поступавших из различных благотворительных фондов [59; 11].

Ввиду развернувшихся общественных инициатив по сбору денежных пожертвований в пользу раненных и больных воинов, поддержки их семей, а также в помощь Сербии и солдатам Действующей армии, на полицию уже с конца 1914 г. было возложено наблюдение за сбором выручки кинематографических театров в Петрозаводске и Вытегре [44; 2–3]. Сбор одного дня в месяц шел на указанные цели [44; 1], а полиция обязана была контролировать своевременное отчисление денег [44; 4–12]. Особые задачи возлагались на неё и при проведении кружечных сборов, ввиду чего кружки для пожертвований, принимаемых от населения, выдавались сборщикам только после их опечатывания полицейскими [44; 52–53].

Кроме того, полиция контролировала благотворительные любительские спектакли [44; 17], концерты [44; 59, 60–66] и лотереи [44; 24–36], выдавая на их проведение разрешения после проверки репертуара, а также проверяя наличие всей поступившей выручки. Губернатор требовал от полиции сверять количество проданных билетов и отчисляемых сумм в рамках выполнения постановления Совета Министров от 22 ноября 1915 г., которым в стране вводился временный налог с билетов на увеселительные мероприятия [84; 21]. На полицию также возлагались обязанности по проведению денежной подписки в помощь больным и раненым солдатам, для чего полицейские чины осуществляли обходы домов с подписными листами [62; 18, 20].

По инициативе чинов Каргопольской уездной полиции [14], поддержанного чинами Петрозаводской городской полиции [83], из сумм денежного содержания всех полицейских ежемесячно отчислялись небольшие средства, которые затем направлялись в Управление общества Красного Креста и его местные учреждения.

Противодействие росту цен и обеспечение продовольствием

Одной из серьезных проблем в России в период войны стал рост цен на продовольствие, обусловленный неподготовленностью и отсталостью сельского хозяйства, нехваткой мужских рабочих рук в связи с мобилизацией, снижением количества и качества посевных площадей. Уже в 1915 г. это привело к резкому сокращению производства продуктов питания и их подорожанию, что в полной мере отразилось на снабжении Олонецкой губернии, не обеспечивавшей себя продовольственным зерном из-за сложных климатических условий Русского Севера.

Для предотвращения противоправных действий со стороны населения и возможных погромов лавок частных торговцев, подозреваемых в «сокрытии товара и искусственном поднятии цен», Департамент полиции в циркулярах неоднократно требовал от губернаторов силами полиции такие ситуации «предупреждать и немедленно прекращать самыми решительными мерами, но при этом отнюдь не прибегать к действию оружием» [38; 6, 10, 29, 30], [59; 27–28].

Для обеспечения Олонецкой губернии продовольствием, а также преодоления продовольственного и фуражного кризиса, угрожавшего голодом [63; 47–48], со стороны губернской власти принимались всевозможные меры, в том числе при участии полиции [38; 7–9], на которую был возложен надзор за закупками и пресечением вывоза продовольствия и фуража за пределы губернии. Виновные в нарушении этих правил после дознаний подвергались большим денежным штрафам и реквизиции продуктов по решению Окружного суда [49; 32, 33–37]. Полиция также решала задачу по пресечению вывоза хлеба за границу, особенно в соседнюю Финляндию, с которой граничили Петрозаводский и Повенецкий уезды [49; 29а].

В 1915 г. по предписанию военных властей полиция обязана была оповещать население об установленных твердых закупочных ценах и условиях реквизиции продовольствия для нужд армии через информирование в газетах и вывешивание объявлений в общественных местах. Кроме того, на полицию губернатором возлагалось и доведение до населения объявлений о ценах на основные местные продукты питания [63; 45], преysкурант на которые вырабатывался уездными совещаниями по

установлению твердой таксы, включая и рыбу сорных сортов, вылавливаемую в многочисленных местных водоемах [63; 52, 56], не говоря уже о скудных запасах производимого продовольственного зерна и фуража [63; 57–59].

Для давления на торговцев, взвинчивавших цены на товары первой необходимости, и пресечения их укрывательства, губернатор обязательным постановлением от 16 ноября 1915 г. возложил на полицию задачи по привлечению виновных к ответственности [40; 1], частные торговцы [51; 14–19] после полицейского дознания в административном порядке подвергались «денежному взысканию в доход Государственного казначейства» [40; 1].

В 1916 г. недостаток и дороговизна продовольствия вызвали в крестьянской среде активизацию кооперативного движения, направленного на открытие в селах т.н. «Обществ потребителей». В связи с этим на полицию была поставлена задача «истребовать от учредителей устав общества в двух экземплярах» с их подписями и оплаченным гербовым сбором [61; 22–24]. После этого потребительские общества получали право самостоятельно закупать товары в Петрограде и в других местах [63; 38], создавая здоровую конкуренцию произволу купцов и торговцев. Но и здесь полицией осуществлялся жесткий контроль на предмет завышения цен, и виновные также подвергались существенному денежному штрафу [41; 1].

На фоне дороговизны хлеба поднялись цены и на корма для лошадей, в связи с чем полиции приходилось также включаться в разрешение конфликтных ситуаций и урегулирование цен на гужевые и извозчицьи перевозки [79; 27–31].

В условиях почти полного бездорожья в Олонецкой губернии, особое наблюдение со стороны полиции велось в отношении подводной повинности, определенной обязательным постановлением губернатора. По нему крестьяне обязаны были обеспечивать своевременную подачу подвод с лошадьми для участия в перевозках продовольственных, иных и воинских грузов [49; 2–3]. Вследствие снижения поставок продовольствия и фуража в губернию, уезды которой имели со своими волостями и отдаленными районами в большей степени только гужевую связь, в 1915 г. стали возникать проблемы с содержанием ямских станций и лошадей, которых было нечем кормить. Жаркий и засушливый 1914 г. стал неурожайным в отношении посевов овса и заготовок сена, а следствием этого — дефицит местного фуража и бескормица лошадей. Такое положение существенно повлияло и на доставку корреспонденции в отдаленные районы, а значит и на сроки проведения мобилизационных мероприятий [49; 4–4а].

Несмотря на то, что полиция, производя дознания по таким делам, привлекала виновных к ответственности, одними репрессивными мерами эту проблему решить было невозможно [49; 5]. Только с образованием в начале 1916 г. в губернии Особого совещания по продовольственному делу, взявшему под свое руководство и контроль вопросы обеспечения населения продовольствием и фуражом [63; 46], несвойственные полиции задачи были с неё полностью сняты.

Борьба с болезнями и эпидемиями

В условиях нехватки в Олонецкой губернии продовольствия и ослабления устойчивости населения к болезням, особенно детей, к началу 1917 г. в губернии все чаще стали отмечаться случаи массового распространения инфекционных заболеваний: натуральной и ветряной оспы, скарлатины, а также непрямого спутника войны — сыпного тифа. На полицию совместно с органами здравоохранения была возложена профилактика распространения этих заболеваний. Она заключалась в полицейском обеспечении проведения врачебно-фельдшерским составом дезинфекций в домах заболевших и умерших, включая и учебные заведения, а также прививки оспы всем контактировавшим с больными [82; 11, 21, 26, 28, 55, 68–69, 115–119, 175, 183–184].

В начале войны были отмечены случаи эпидемии сибирской язвы среди скота в Вытегорском уезде [10; 15, 16], для предотвращения распространения которой по губернии совместно с ветеринарными врачами и администрацией принимала участие и местная полиция [78; 17].

Обеспечение «сухого закона» и борьба с пьянством

Еще одним направлением деятельности полиции в военное время стало обеспечение т.н. «сухого закона» и борьба с пьянством. Еще до войны государственная монополия на продажу спиртных напитков давала российской казне огромную прибыль в 600–700 миллионов руб. в год, составлявшую 1/5 часть всех государственных доходов [11; 2–4]. До войны в Олонецкой губернии, как и по всей стране, расширялась виноторговля, в т.ч. на основании расписания от Акцизного управления Новгородской и Олонецкой губерний по «взиманию патентного сбора с заведений для продажи крепких напитков», утвержденного в 1913 г. на 3 последующих года. Во внегородских поселениях, разбитых на разряды, на том момент числилось 276 трактиров, буфетов, пивных лавок, ренсковых погребов, оптовых

складов пива и вин, т.н. «временных выставок» [43; 61–63], не считая питейных заведений в Петрозаводске и уездных городах.

С первых дней мобилизации в Олонецкой губернии по обязательному постановлению губернатора от 6 марта 1913 г., введенному на основании Положения чрезвычайной охраны с 24 июля 1914 г., сразу же были закрыты все винные лавки и прекращена торговля крепкими напитками [16]. Вскоре последовало и Высочайшее повеление о воспрещении продажи водки на все время войны, кардинальным образом выведившее жителей России из числа ее потребителей в рамках т.н. «сухого закона». В соответствии с ним вышли и обязательные постановления губернатора от 3 августа 1914 г., а также от 4 марта и 16 июля 1915 г., воспрещавшие распитие спиртных напитков в публичных местах, появление в пьяном виде, изготовление, продажу и хранение опьяняющих напитков из смесей и браги.

Полиция выявляла нарушителей и пресекала любые попытки частных лиц изготовить напитки выше допустимой крепости, даже на основе кваса [35; 1]. Все виновные, проходившие по таким делам, подвергались денежному взысканию, а при «несостоятельности» — заключению под стражу в арестных помещениях полицейских управлений [57; 50]. Полицией своевременно выявлялась и преследовалась реализация продукции домашнего пивоварения [40; 52–53], деятельность тайных притонов по продаже спирта и алкогольного кваса [40; 54].

В условиях винных запретов губернские власти постоянно требовали от полицейских наблюдения за теперь уже бывшими питейными заведениями на предмет выявления незаконной торговли крепкими напитками, а заодно и за репертуаром их граммофонных пластинок [46; 1–5].

Другой строгий запрет, наложенный обязательным постановлением губернатора от 16 октября 1914 г., касался отпуска спирта и спиртосодержащих жидкостей из аптек, которые разрешалось отпускать только по письменному разрешению полиции [17]. 5 ноября 1914 г. поступил циркуляр Министерства финансов, официально разрешавший реализовать в России эти товары «по особым всякий раз разрешениям полиции и рецептам врачей для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, лечебных и тому подобных надобностей». На этом основании стали поступать многочисленные заявки на открытие указанной торговли, и согласно спискам полиции о прошлых правонарушениях, неблагонадежные заявители получали отказ. Только дисциплинированным заявителям разрешалась распродажа остатков крепких напитков и виноградных вин исключительно по удостоверениям полиции и только для указанных надобностей [43, л. 55–56].

На этом фоне активизировался интерес крестьян и различных обществ к открытию в городах и уездах разного рода «подконтрольных полиции заведений», суливших им во время войны большой доход. Однако полиция, выдавая заключения по каждому отдельному заявлению, чаще выступала за их отклонение, включая и продажу легких виноградных вин и пива, на которые население буквально «набросилось» ввиду отсутствия в продаже водки [43].

Отклонению «на время военных действий» также подлежала продажа специальных водок и виноградных вин для церквей и в больницы по рецептам врачей [43; 54–55]. С поступлением в губернию на излечение раненых солдат, тем не менее, возникла большая потребность в спирте и вине для медицинских целей, в связи с чем власти пришлось согласиться на продажу алкогольной продукции для этих целей [43; 70–71]. При этом на полицию возлагались обязанности строгого надзора за её организацией с выдачей необходимых разрешений на общих правах, а также борьба с беспатентной торговлей этими товарами [43; 68].

Несмотря на жесткость полицейского надзора и хорошо отлаженную систему контроля за выполнением правил торговли спиртным, в губернии стали появляться лазейки для нарушения «сухого закона». Одну из них создало образованное в конце 1915 г. Петрозаводское отделение Петроградского жандармского полицейского управления на железной дороге. Его начальник подполковник А. К. Вадецкий [88], пользуясь властью в полосе отчуждения строящейся Мурманской железной дороги (по 5 верст в обе стороны от линии дороги), взял на себя право выдачи таких разрешений, причем «на значительное количество бутылок и притом лицам, не проживающим в полосе отчуждения» [43; 67]. Это обстоятельство вынудило губернатора требовать усиления работы полиции вблизи указанной полосы отчуждения и принятия более суровых мер для пресечения незаконной виноторговли.

На общем фоне этой борьбы полицией все чаще стали выявляться случаи злоупотребления населением спиртосодержащими техническими жидкостями — денатуратом (денатурированный спирт), политурой [35; 7] и лаком [35; 11–12], реализация которых была поставлена под её наблюдение еще в начале войны. Для предупреждения этого явления торговцы строго предупреждались в полиции под подписку о последствиях незаконной торговли этими жидкостями для целей употребления и за нарушение обязательных постановлений [49; 30–31]. Тем не менее, полицейские постоянно изымали

денатурированный спирт у предприимчивых частных лиц, которые продолжали бойко торговать им из-под полы [82; 121].

Не менее серьезной проблемой стала борьба с пьянством, даже в условиях военного времени распространявшимся среди рабочих и крестьян, а также среди должностных лиц сельской администрации, призванных бороться с этим злом всеми мерами [64; 1]. После дознаний в отношении этих лиц губернское руководство вынуждено было избавляться от них несмотря на выборный статус [64; 2–3].

На фоне успешной борьбы полиции с виноторговлей и пьянством на смену употреблению спиртного в города и села пришла новая беда — азартные игры в карты и бильярд, которым владельцы бывших питейных заведений пытались вернуть прежнюю клиентуру [46; 6–19].

С подорожанием стоимости мужской рабочей силы и при отсутствии других возможностей тратить заработанное, в этих играх рабочие и крестьяне чаще целиком проигрывали свое жалование, инвентарь, скот и даже хозяйства, обрекая семьи на голодное существование. При недостатке чинов полиции, вынужденных охранять общественный порядок вблизи подобных заведений, которые и в мирное время были замечены «в склонности к азартным играм, буйству и дракам», эта задача отвлекала их от более важных дел [46; 15–16].

Для профилактики пьянства и азартных игр в губернии под контролем полиции устраивались общественные спектакли в пользу уездных отделений т.н. «Романовского комитета попечительства о народной трезвости» [82; 49], а также проводился ряд профилактических мероприятий.

Борьба с уголовной преступностью

Уголовная преступность среди населения Олонецкой губернии в большей степени всегда была следствием пьянства, которая стала уменьшаться на фоне решительной борьбы с незаконной виноторговлей.

Однако во время войны в целом по России стал меняться и характер самих преступлений. Так, вместе с беженцами из районов боевых действий в западных областях страны во внутренние губернии начало поступать и оружие. Ввиду этого для полиции, ранее не сталкивавшейся со столь резким ростом вооруженной преступности, в Департаменте полиции были выработаны новые требования по проведению личного досмотра подозреваемых и задержанных лиц на предмет выявления и изъятия у них оружия [38; 11].

В годы войны появились и новые виды преступлений, связанные с появлением переодетых в военную форму темных личностей, выдававших себя за «прибывших с позиций» солдат, предлагавших родственникам фронтовиков услуги по доставке посылок и денег якобы, для передачи в Действующую армию. В связи с этим Департамент полиции строго предписал всем полицейским чинам информировать местное население об этом виде преступной деятельности и установить «строжайшее наблюдение за переодетыми в солдатскую форму лицами, которых надлежит задерживать и привлекать к законной ответственности» [38; 12].

В условиях масштабного производства артиллерийских снарядов на Александровском казенном заводе в Петрозаводске и их испытания на местном полигоне полицией стали выявляться случаи хищения населением неразорвавшихся боеприпасов для разных бытовых нужд и продажи. Особую опасность представляла их начинка, взрывчатое вещество, ввиду чего полицией для исключения несчастных случаев было организовано оповещение населения [20], [21] о сдаче найденных снарядов в Петрозаводское полицейское управление [82; 22–23].

Для предотвращения драк местных жителей с многочисленными ссыльными, особенно из числа высланных из внутренних губерний по приговорам сельских обществ за хулиганство и аморальное поведение, постановлением губернатора еще от 4 сентября 1912 г. всему мужскому населению было категорически запрещено открытое ношение на поясе традиционных финских ножей, используемых обычно для хозяйственных нужд. Во время войны новым постановлением от 5 сентября 1915 г. эти требования были ужесточены для профилактики тяжких преступлений [51; 1–5].

Распространение информации и противодействие революционной пропаганде

Учитывая массовую неграмотность населения и недостаток информации о ходе войны, поступавшей в основном из центральных газет, в России было организовано широкое хождение «летучих листов» с рассказами о событиях на театре военных действий. Их рассылка и распространение среди жителей возлагалась губернатором наряду с земскими управлениями еще и на городскую и уездную полицию [37; 33].

Кроме того, полиция продолжала следить за просветительской деятельностью земских чиновников, не вполне патристические высказывания на публичных чтениях и лекциях которых могли

стать поводом для возбуждения административного преследования [56; 28].

Полиции вменялось и пресечение деморализующего влияния, особенно на сельское население, со стороны прибывающих в отпуск нижних чинов, рассказывавших о военных неудачах, а также любой злонамеренной деятельности «революционных элементов, стремящихся подорвать престиж правительственной власти и создать благоприятную почву для дальнейшей преступной пропаганды». Для этого Департамент полиции своим секретным циркуляром от 24 декабря 1915 г. строго предписал «принять энергичные меры к выяснению лиц, виновных в распространении указанных выше слухов, производить о таковых лицах расследования и поступать в дальнейшем в зависимости от результатов таковых» [38; 28].

Хотя в Олонецкой губернии силами жандармерии и полиции все революционные организации были ликвидированы еще в 1908 г., однако обеспокоенность продолжали вызывать политические ссыльные. По линии жандармерии на полицию в дополнение к гласному надзору за ссыльными было возложено еще и негласное наблюдение [77; 15].

Одновременно от полиции требовалось вести сбор информации о недовольстве людей войной и об оскорбительных высказываниях в отношении правительства и царствующих особ [74; запись от 30.12.1914].

Защита государственных интересов от шпионажа

Для защиты государственных интересов от внимания разведки противника, в т.ч. в тыловых районах, а также от проникновения шпионов, особенно со стороны соседней Финляндии, на полицию совместно с жандармерией была возложена задача выявления таких случаев. В этих же целях было организовано наблюдение за появлением посторонних лиц, действующих под видом оказания помощи солдатам, попавшим в плен [38; 21], а также беженцами из Царства Польского, «имеющих причастность или подозреваемых в ведении шпионажа» [38; 31].

К категории наблюдаемых лиц также были отнесены представители «Компании машин Зингер», зарегистрированной в США [38; 22–26], и американского Красного Креста, действовавшего в России под видом оказания гуманитарной помощи немецким и австрийским военнопленным на территориях их размещения [40; 51].

Дополнительно на полицию возлагалось составление списков всех иностранцев, проживавших на территории Олонецкой губернии [65; 3–4] с проверкой на предмет «подозрения в собирании различных о России сведений» [65; 5–6] и гласный надзор за ними.

Уже в августе 1914 г. в губернию стали высылаться из Петрограда и других близлежащих мест все военнообязанные и лица призывного возраста из числа подданных Германии и Австрии. Высылке подлежали даже те, кто родился в России или переехал сюда в детстве и никогда не выезжал за границу. Только в Пудожский уезд вместе с семьями под надзор полиции было депортировано 70 таких мужчин, получивших статус военнопленных. При этом они жили здесь «на свои средства, а некоторые на пособие, посылаемое Американским посольством» [65; 9–14]. Под гласный надзор полиции попадали и лица, получившие статус «выдворенных» по тем же национальным признакам [65; 15–16].

Особой проверке подвергались местные немцы на предмет их лояльности действующей власти [76, л. 72–73], а также связи с высланными из других мест немцами «на предмет возможных диверсий» [74; запись от 20.01.1915] при наблюдении за их перепиской [76; 64].

Все вопросы противодействия шпионажу курировались Олонецким губернским жандармским управлением, руководство которого требовало от полицейских постоянного надзора за деятельностью иностранных подданных и подозрительных лиц, в т.ч. методами «тщательного негласного наблюдения» и «на случай обыска и ареста» [75].

Военнопленные

Взятые в плен на фронтах Первой мировой войны солдаты и офицеры противника размещались по всем губерниям России под охраной команд военного ведомства. Следует отметить, что страна не была готова к столь затяжной войне и не могла содержать большое количество военнопленных [3], ставших тяжким бременем для её финансовых возможностей. Для удешевления их содержания было предложено использовать военнопленных на казенных, общественных и сельскохозяйственных работах, а также на предприятиях оборонного значения, для благоустройства городов и ремонта земских трактов [37; 2].

В Олонецкую губернию первые военнопленные, 360 солдат и 3 офицера, поступили 16 сентября 1914 г. [17], и были направлены в Вытегорский уезд на сооружение шлюзов Мариинской водной системы под охраной специальной команды стражников [76; 69–70].

Для дополнительного надзора за военнопленными была привлечена и полиция. Так,

предписанием МВД от 14 июня 1915 г. от всех губернаторов требовалось обеспечить через полицию «строжайшее наблюдение за порядком расквартирования и содержания всех без исключения военнопленных в местах производства всякого рода работ». При этом на неё возлагалась передача военнопленных, «уличенных в каких бы то ни было вызывающих действиях», военному начальству [37; 6]. К тому же, для оказания помощи военному ведомству в пресечении различных эксцессов среди военнопленных Департамент полиции циркуляром от 31 июля 1915 г. предоставил губернаторам права наложения на виновных дисциплинарных взысканий «через посредничество начальников местной полиции». В случаях серьезных нарушений порядка виновные подлежали передаче в распоряжение ближайшего военного начальника для принятия мер пресечения и наказания [38; 16].

В циркуляре от 2 августа 1915 г. Департамент полиции предупреждал губернаторов, что использование квалифицированных военнопленных на промышленных производствах может «вызвать не только справедливое недовольство, но и озлобление той части местного населения, которая приобретает средства к жизни исключительно работами на фабрике и заводе и в привлечении к этим работам военнопленных увидит конкурентов» [38; 15].

Наблюдение и предупреждение эксцессов, которые могли иметь место в связи с трудовой конкуренцией, также было возложено на местную полицию. Петрозаводской полиции было предписано вести наблюдение за привлечением квалифицированных военнопленных к оборонным работам на Александровском заводе, выпускавшем артиллерийские снаряды. К началу 1917 г. в заводских цехах и на лесных заготовках топлива трудилось 600 военнопленных, и ещё 16 выполняли хозяйственные работы по заданиям Петрозаводской городской управы. Здесь же со стороны губернатора полиции было предписано вести учет наличия военнопленных и контролировать род их занятий [82; 185—187].

В связи с возникшей в стране угрозой голода и снижением норм отпуска продуктов населению, нормы довольствия для военнопленных были сокращены, что вызвало их массовые заболевания сыпным тифом, повлекшие и многочисленные смерти. В этой ситуации полицией был организован особый надзор за выполнением санитарных норм при погребении умерших в отведенных для этого местах, в т.ч. при групповом захоронении [82; 59—61].

К началу 1917 г. из военнопленных южнославянских народов, сербов, чехов, словаков и поляков, изъявивших желание воевать на стороне России, началось формирование армейского корпуса. Одна из частей корпуса в составе 1000 нижних чинов под командой 40 офицеров прибыла в Петрозаводск эшелонам 12 января 1917 г. Их предстояло разместить в ожидании дальнейшей переброски на Мурман, с последующей отправкой морем на фронт во Францию и Салоники. Губернатор, как всегда, возложил на городскую полицию функции наблюдения за размещением этой части и содействия должностным лицам губернской и городской власти по проблемным вопросам [82; 14—15]. Ввиду переполнения города военными и железнодорожниками, участвовавшими в строительстве Мурманской железной дороги, найти условия для их компактного размещения не представлялось возможным. Поэтому вся эта воинская часть была размещена в учебных заведениях и в общественных собраниях Петрозаводска [82; 27].

Один из инцидентов, связанных с пребыванием солдат корпуса в Петрозаводске, произошел в кинотеатре «Триумф» между полицейским помощником городского пристава и сербским офицером, который был задержан как самовольно отлучившийся военнопленный ввиду отсутствия у него каких либо знаков отличия. Для разрешения конфликта полицмейстеру пришлось заплатить возмущенному сербу 18 рублей из личных средств, якобы утерянных им при полицейском задержании, а также разместить его с комфортом в дорожных номерах. После этого помощник пристава, ревностно выполнявший свои обязанности, был незамедлительно уволен с передачей его, как военнообязанного, в распоряжение Петрозаводского воинского начальника для отправки на фронт [82; 84—85].

Полицейское обеспечение строительства Олонецкой и Мурманской железных дорог

В начальный период войны весьма важное государственное значение приобрел Архангельский порт, в который в период навигации поступали военные грузы для нужд Русской императорской армии из Великобритании и США. Сезонность работы порта, замерзавшего в зимнее время, вынудила Совет Министров Российской империи в декабре 1914 г. принять решение о срочном строительстве незамерзающего Мурманского порта и ведущей к нему железной дороги.

В Олонецкой губернии еще с 1912 г. велось строительство Олонецкой железной дороги от станции Званка до Петрозаводска [8; 3]. В начале 1915 г. началось строительство Мурманской железной дороги от Петрозаводска до Сороки (ныне — Беломорск) и далее до Мурманска.

В условиях малых сроков, отпущенных на её строительство, и ограниченных ресурсов в Олонецкой губернии свободных мужских рабочих рук вследствие мобилизации, сразу же возникла

проблема завоза рабочих из других губерний. На строительство Мурманской железной дороги в начале 1915 г. потянулись из центральных губерний России люди разных сословий: крестьяне, купцы, дворяне, в том числе инженеры и служащие путей сообщения, а также беженцы из охваченных войной западных губерний [52; 1–16]. Числящимся в запасе ратникам ополчения 1-го разряда участие в строительстве давало отсрочку от армии. На строительство также завозились финские рабочие и завербованные китайцы.

Для полицейского обеспечения строительства обязательным постановлением губернатора от 4 сентября 1912 г., объявленным в связи с началом строительством Олонецкой железной дороги и переобъявленным 4 марта 1915 г. с началом строительства Мурманской железной дороги, на полицию была возложена обязанность пресекать действия рабочих, направленные на «подстрекательство к стачкам и всякого рода насилиям» [36; 2, 3, 8, 9]. Под особый контроль полиции переходила доставка и использование взрывчатых веществ, пороха и динамита, необходимых для строительства выемок в скальном грунте [62; 4–6]. Одновременно в губернии был установлен надзор за приобретением разных компонентов, в т.ч. азотной кислоты, необходимых для кустарного изготовления взрывчатых веществ [82; 63].

С выходом положения Совета Министров от 5 июня 1915 г., Высочайше утвержденного 1 июля 1915 г., для нужд железнодорожных обществ к работе разрешено было привлекать и военнопленных [37; 21]. Для этого в Олонецкую губернию был направлен дополнительный контингент военнопленных, который под охраной военной стражи приступил к строительству дороги на Мурман. В целях подготовки к прибытию первой и следующих партий военнопленных на дорожно-строительные работы [37; 16] в июне 1915 г. губернатор провел расширенное совещание с участием земства и полиции [49; 31a].

В рамках полицейского обеспечения строительства с середины 1915 г. все находящиеся под гласным надзором полиции ссыльные удалялись из полосы отчуждения железной дороги на основании Правил о военном положении и Положения о чрезвычайной охране [38; 14].

В ходе строительства для поиска дополнительного пропитания военнопленные пользовались разрешением стражи свободно ходить в близлежащие селения, что давало возможность для совершения побегов. Целью бежавших было добраться до границы Великого княжества Финляндского, затем — в нейтральную Швецию, с последующим возвращением на родину.

Полицейские стражники с помощью местных жителей своевременно задерживали беглецов, передавая их во вновь учрежденное в конце 1915 г. Петрозаводское отделение Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог [62; 8], руководство которого чаще не знало, какие меры наказания применить к беглецам, впрочем, как и сам губернатор [39; 21–24].

Большое количество военнопленных, разбросанных по всей губернии, вынуждало полицию обеспечивать постоянное наблюдение за их содержанием при взаимодействии с органами военной охраны. О количестве военнопленных свидетельствуют данные начала 1918 г. Так, в Олонецкой губернии к этому периоду из 9583 нижних чинов, 2 врачей и 2 санитаров военнопленных иностранных армий [87; 37] только на строительстве Мурманской железной дороги находилось 7859 человек, что составляло 82% от общего числа [87; 33].

По мере продвижения строительства к Сорокской бухте на Белом море уже к концу 1916 — началу 1917 г. в пределах Олонецкой губернии на Мурманской железной дороге было обустроено 42 неохранных переезда. Их охрана с открытием движения поездов первоначально была возложена губернатором на Петрозаводскую уездную полицию [62; 15, 16, 20, 21], которая должна была предотвращать происшествия и аварии на путях учитывая то, что местные жители «постоянно прогуливаются по железнодорожным путям, особенно вблизи городов и селений, разбрасывая по полотну камни, палки и другие предметы» [63; 42].

Беженцы

Еще одним направлением деятельности губернской полиции в военное время стало наблюдение за многочисленными беженцами из охваченных войной западных губерний. Приезжая с многочисленными семьями в спокойную и бедную Олонецкую губернию без имущества, теплой одежды и не имея достаточных средств существования, беженцы пытались хоть как-то здесь закрепиться и устроиться. Эти люди искали защиты у местной власти, испрашивая пособия для жизни. Ввиду этого полиция должна была не только изучать действительное положение просителей, часто находившихся на вокзале Петрозаводска, но искать их для передачи выделяемых мизерных денежных средств [40; 27].

Полицейские исправники к тому же обязаны были постоянно докладывать губернатору о количестве прибывших в уезды беженцев, вынужденных искать любую работу, в том числе поступая

чернорабочими на строительство Мурманской железной дороги [61; 17].

Беженцы также обращались в полицейские управления за получением новых паспортов взамен просроченных или утерянных при спешном бегстве из районов боевых действий [84; 84–85]. В наиболее сложном положении находились беженцы из Польши, имевшие лишь удостоверения «Общества вспомоществования жертвам войны», которые не могли служить основанием для выдачи им видов на жительство [85; 79, 81].

В Олонецкую губернию согласно закону военного времени высылались и австрийские подданные из занятой русскими войсками Галиции [79; 22–24], и на полицию возлагалось составление списков «на лиц гражданского состояния, уведенных войсками с неприятельской территории» и препровожденных в губернию на правах пленных [61; 1–3].

Состояние Олонецкой полиции к началу 1917 году и её замена милицией в ходе Февральской революции

Все эти дополнительные функции в деятельности полиции, вызванные положением военного времени, выполнялись ею в государственной системе управления губернией параллельно с основными функциями [7; 12–36]. Как было показано выше, из-за неразвитости органов самоуправления на полицию руководством губернии возлагались совсем несвойственные ей задачи, выполнявшиеся малочисленными силами в условиях мизерного денежного содержания полицейских чинов, остававшимся и к концу 1916 г. на уровне мирного времени.

В тяжелейших условиях военного времени чины Олонецкой полиции в полной мере мужественно переносили вместе с населением все жизненные тяготы, вызванные всеобщей дороговизной на продукты питания и предметы первой необходимости. В не меньшей степени вместе с ними от недостатка питания и нехватки средств существования страдали и их семьи. Повышение цен на наемные квартиры в серьезной степени влияло на достаток нижних чинов, что приводило к конфликтам, в которые приходилось вмешиваться полицейскому руководству [82; 91–97]. Каждодневные тяжелые условия службы, бесконечные дежурства, посты и ночные обходы не могли не отразиться на состоянии текучести кадров — текучесть полицейских чинов к 1916 г. составила 20,5% их общей численности [3; 90].

В связи с таким положением дел, характерным для полиции всей России, закреплению её профессионального состава должно было способствовать весьма запоздалое постановление Совета Министров империи от 23 октября 1916 г. «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». В рамках организационно-штатной поддержки полицейских органов предполагалось улучшить служебное и материальное положение всех чинов. С 1 ноября 1916 г. полицейским впервые с начала войны было повышено денежное содержание, увеличены штатные расписания и статус классных чинов, оплата разъездных и канцелярских расходов [82; 29, 127, 128, 131]. Городовые стали получать в год по 450 руб. и добавочное содержание в размере 9 руб. ежемесячно.

Благодаря выделенным кредитам в этот период удалось организовать наём более удобных и просторных помещений для полицейских канцелярий с отоплением и освещением, ввиду чего в феврале 1917 г. пристав Петрозаводска переехал в новое помещение, оплаченное по годовому договору с владельцем по 1918 г. [82; 124, 126].

Для укомплектования полицейских управлений до полного нового штата в начале 1917 г. в губернии был объявлен дополнительный набор желающих поступить на должности нижних чинов — городских. При этом особого выбора среди мужчин в губернии, пережившей несколько мобилизаций и масштабное строительство Мурманской железной дороги, фактически не было. Поэтому в городские вынужденно принимались «грамотные запасные чины, преимущественно из раненных, освобожденных сейчас от военной службы». В особых случаях могли быть приняты и лица, «не проходившие ряды войск, если грамотные и окажутся достаточно развитыми для занятия должности городского». Другой категорией стали ратники запаса, не подходившие для военной службы по возрасту, которые в индивидуальных случаях также могли быть приняты городскими в полицию после личного собеседования с полицейским руководством [82; 25]. Набор на местах был организован и в сельской местности через станковых приставов и урядников [82; 52].

Дополнительным фактором нежелания городского и сельского населения служить в полиции стало зафиксированное в начале 1917 г. резкое ухудшение отношения к ней со стороны общественности. В этот период проводилось расквартирование в Петрозаводске 7-го железнодорожного батальона, предназначенного для обслуживания строительства и охраны Мурманской железной дороги. Со стороны нижних военных чинов этой части сразу же стало отмечаться

вызывающее поведение в отношении полицейских во время увольнения в город [82; 16–17].

Вероятно, со стороны этих военных и началось активное влияние на местное городское население, от внимания которого не могло ускользнуть такое вызывающе безнаказанное отношение к полиции. Подражая военным, горожане также стали открыто высказывать свое негативное отношение к полицейским, даже используя прямые оскорбления, чего раньше не наблюдалось. Такая реакция со стороны отдельных граждан в ответ на законные требования полиции, направленные на поддержание общественного порядка, становились частым явлением [82; 190а].

В первых числах марта 1917 г. в Петрозаводске были получены тревожные сведения о февральских революционных событиях в Петрограде и об отречении императора Николая II. В связи с этим в городе и по всей Олонецкой губернии стали происходить стремительные изменения, связанные с отстранением от управления вице-губернатора, исполнявшего обязанности начальника губернии, накануне ушедшего к новому месту назначения, органов местной власти, а также полиции и жандармерии.

С получением известий 3 марта 1917 г. в Петрозаводске предприимчивыми гражданами были разоружены полицейские и жандармы, образован Комитет общественной безопасности (КОБ), под контролем которого на месте полиции сразу же была учреждена гражданская милиция из представителей разных слоев общества. Эти события происходили в свете требований члена нового Временного правительства министра внутренних дел князя Г. Е. Львова, в соответствии с которыми вся полиция в России на уровне местного самоуправления преобразовывалась в милицию [22] под руководством новых губернских комиссаров Временного правительства. В Олонецкой губернии на эту должность был назначен Н. Ф. Кучевский.

14 марта 1917 г. на заседании милиционной комиссии был поставлен вопрос о реорганизации стихийно образованной в эти дни милиции, призванной в новых условиях на принципах «народного войска» поддерживать «порядок и охранять завоеванные народом свободы». Была предложена новая структура, состоявшая из комиссариата в составе двух отделов, уголовно-судебного и исполнительного под общим руководством военнослужащего 7-го железнодорожного батальона поручика (в некоторых источниках — подпрапорщика) В. Л. Томашевича [31].

Решение об организации городской милиции было принято 16 марта 1917 г., и на следующий день её руководителем был назначен поручик (подпрапорщик) В. Л. Томашевич [86; 64]. Его полномочия были подтверждены публикацией в местной газете [23], а окончательное утверждение в должности состоялось приказом Главного управления Генерального Штаба от 29 марта 1917 г., которым В. Л. Томашевич освобождался от военной службы и причислялся к штату служащих МВД [25].

Сначала 23 марта 1917 г., а затем на основании телеграммы из МВД от 26 марта приказом № 5 губернского комиссара Н. Ф. Кучевского от 27 марта 1917 г. в отставку окончательно были уволены все руководители полицейских управлений и классные чины полиции. Полицейские учреждения Олонецкой губернии также были полностью упразднены с передачей их функций новой милиции [24]. Однако нижние полицейские чины продолжали нести службу до 30 марта 1917 г. [86; 81–82], после чего были окончательно уволены с расчетом и выплатой содержания [86; 81–89].

Таким образом, в период с 3 по 27 марта 1917 г. на территории губернского центра, Петрозаводска, параллельно существовали органы старой полиции, отстраненные от функций охраны правопорядка и поддержания общественной безопасности, и новой милиции, взявшей на себя эти функции в рамках общественных инициатив в целях поддержания действующего российского законодательства. С 27 марта 1917 г. к милиции, новому территориальному органу охраны правопорядка в составе городских и земских самоуправлений [86; 69], от прежней полиции окончательно перешли все функции по охране «революционного» правопорядка в Олонецкой губернии.

Постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. на новую правоохранительную структуру возлагались общие обязанности на основании «Временного положения о милиции» [26], [27], [28], [29], 30].

С этого момента в России началось формирование т.н. «народной милиции», призванной в перспективе стать такой же высокопрофессиональной организацией, как и прежняя царская полиция. Однако этого сделать не удалось. Но это уже другая история.

Заключение

Таким образом, созданная в Олонецкой губернии штатная полиция, заменившая дополицейские органы в 1778 г., служила делу охраны общественной безопасности и борьбы с преступностью 139 лет и с честью выполнила свое последнее предназначение в годы Первой мировой войны, обеспечив неукоснительное выполнение российского законодательства на территории края в условиях

чрезвычайного положения.

Созданные после Февральской, а затем Октябрьской революции 1917 года органы «народной» и рабочей милиции, Красной Гвардии и Наружной охраны, а затем Рабоче-Крестьянской и Советской милиции продолжили развитие дела охраны правопорядка и общественной безопасности в рамках сначала законодательства Российской империи, а затем Российской Республики, РСФСР и СССР.

В 1991 г. советская милиция была переименована в российскую и в 2011 г. — в современную российскую полицию, деятельность которых осуществлялась в соответствии с законами Российской Федерации.

Охрана правопорядка на территории Олонецкой губернии и Карелии всегда находилась в состоянии непрерывного развития, начиная с дополицейских времен и до настоящего времени, и каждый период заслуживает уважительного отношения и внимательного изучения.

Сегодня возвращение Олонецкой полиции прежнего доброго имени и неоспоримых заслуг, приниженных и искаженных революциями 1917 года, является неоплатным долгом перед прошлыми поколениями защитников правопорядка.

В рамках подготовки к предстоящему празднованию 300-летия российской полиции в 2018 г. эта задача приобретает особую актуальность в интересах обеспечения поступательного развития современного МВД по Республике Карелия, сохранения и преумножения его историко-культурного наследия. Настоящая статья является вкладом автора в дело подготовки к предстоящему юбилею и направлена на возвращение доброго имени Олонецкой полиции.

Список литературы:

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб, 1885. Т. I. № 350.
2. Собрание узаконений Российской империи, 10.01.1914 г. Отд. 1. Ст. 56.
3. Уткин Н. И. Россия — Финляндия: «карельский вопрос», М.: Международные отношения, 2003. 336 с.
4. Тарасов И. Т. Полиция России. М.: Книжный мир, 2011. 258 с.
5. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Петрозаводск, 2012. 140 с.
6. Карелия в годы Первой мировой войны. Петрозаводск.: Verso, 2014. 494 с.
7. Федосов А. В. Полиция Олонецкой губернии накануне Первой мировой войны // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия, Петрозаводск, № 1 (37). 2012. С. 12—36.
8. Федосов А. В. Полицейское обеспечение строительства Олонецкой и Мурманской железных дорог в 1914—1917 годах // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия, Петрозаводск, № 3 (54). 2016. С. 2—10.
9. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 30.07.1914. № 14.
10. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 15.08.1914. № 15.
11. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 30.08.1914. № 16.
12. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 22.07.1914. № 136.
13. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 25.07.1914. № 140.
14. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 26.07.1914. № 141.
15. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 28.07.1914. № 143.
16. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 29.07.1914. № 144.
17. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 25.10.1914. № 220.
18. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 9.12.1914. № 257;
19. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 19.12.1914. № 266.
20. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 17.01.1917. № 6;
21. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 14.02.1917. № 16.
22. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 11.03.1917. № 25.
23. Газета «Олонецкие губернские ведомости» 21.03.1917. № 29.
24. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 30.03.1917. № 33.
25. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 13.04.1917. № 37.
26. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 4.05.1917. № 46.
27. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 6.05.1917. № 47.
28. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 9.05.1917. № 48.
29. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 16.05.1917. № 51.
30. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 18.05.1917. № 52.

31. Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности». 16.03.1917. № 1.

32. Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности». 19.03.1917. № 4.

Фонды национального архива:

Фонд 1 — Канцелярия Олонецкого губернатора:

33. Опись 2. Дело № 10/98. О распространении нелегальной литературы как за границы? так и в России в связи с юбилеем дома Романовых. О призыве новобранцев в войска гвардии 1-го Железнодорожного полка.

34. Опись 2. Дело № 10/99. Переписка о выдаче разрешения на выезд за границу Висковской и Геравила, о продаже съестных припасов воинским чинам.

35. Опись 2. Дело № 10/105. Дознания обвиняемых Петрозаводских мещан Григория и Анастасии Филипповых и сведения административного взыскания с крестьян.

36. Опись 2. Дело № 10/106. Обвинения крестьян в нарушении обязательного постановления Николая Артемова. Якова Евдокимова и Михаила Корнышева.

37. Опись 2. Дело № 10/107. Переписка и циркуляры о порядке содержания и использования на работе военнопленных.

38. Опись 2. Дело № 10/108. О недостатках продуктов первой необходимости и повышении цен, о мерах к сохранению государственного порядка и общественной безопасности.

39. Опись 2. Дело № 10/109. Ходатайство Надежды Савохиной об отобрании от управляющего купца Курчавова-Мирохина ей свидетельства на принадлежащее Савохиным судно.

40. Опись 2. Дело № 10/110. Дознания о продаже из лавки Пальчиков, Соболев и Ко в г. Повенце сахару по цене выше такового, сведения на лиц о политической благонадежности, о продаже лошадей забракованных в частях войск.

41. Опись 2. Дело № 10/111. Прошении о льготах призванных в солдаты, о награжденных церковных старостах. распоряжении о ... отлучившихся из рот кр. Ерошкина.

42. Опись 3. Дело № 16/700. О выдаче пособий и прошений крестьян о сложении недоимок.

43. Опись 3. Дело № 16/706. О выдаче разрешений на открытие пивных лавок, буфетов и других питейных заведений с продажей крепких напитков.

44. Опись 3. Дело № 16/711. О выдаче разрешений на сборы пожертвований на разные благотворительные цели.

45. Опись 3. Дело № 16/712. О выдаче разрешений на открытие пивных лавок, буфетов и других питейных заведений с продажей крепких напитков.

46. Опись 4. Дело № 2/18. О выдаче разрешений на право постановки биллиардов, граммофонов и других музыкальных инструментов в питейных заведениях.

47. Опись 4. Дело № 2/19. О застраховании обуви, предназначенной для нужд армии.

48. Опись 4. Дело № 2/20. Переписка по выписке подошвенных кож из Петроградского Интендантского склада.

49. Опись 4. Дело № 2/21. Отчет по богадельне купцов Малокрошечных в гор. Пудоже, переписка по продовольственному вопросу.

50. Опись 4. Дело № 2/22. О застраховке сапог поступающих для нужд армии от разных общественных организаций.

51. Опись 4. Дело № 2/23. Циркуляры по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

52. Опись 4. Дело № 2/29. Список служащих и рабочих ратников ополчения 1 разряда законтрактованных на постройке Олонецкой железной дороги.

53. Опись 5. Дело № 34/334.

О высылке в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции Савву Никифорова Хохи, Елесея Нестерова Хохи, Мануила Антонова Череватенка, Артема Устинова Швидука, Антона Никифорова Робака, Тараса Онуфриева Шведуну и Мсидора Лукина Замря.

54. Опись 7. Дело № 2/25. Списки новобранцев Вытегорского уезда для освидетельствования политической благонадежности, а также о роде занятий до поступления на военную службу.

55. Опись 7. Дело № 2/29. О Михаиле Шаблыкине, поступающего в школу прапорщиков.

56. Опись 7. Дело № 2/30. Прошения лиц свидетельств о политической благонадежности. Об объявлении массовых побегов военнопленных. Подарки Американского благотворительного общества.

57. Опись 7. Дело № 2/31. Сведения, запрашиваемые на лиц поступающих на различные работы о их политической благонадежности и нравственных качествах.

58. Опись 7. Дело № 2/33. О доставлении сведений на разных лиц поступающих на работу.

59. Опись 7. Дело № 2/34. О доставлении сведений о лицах поступающих на службу в их

политической благонадежности.

60. Опись 7. Дело № 2/35. Сведения о лицах, поступающих в их политической благонадежности.

61. Опись 7. Дело № 2/36. О доставлении сведений о политической благонадежности на лиц, поступающих на работу.

62. Опись 8. Дело № 1/14. О разрешении приобретения взрывчатых веществ для строительных нужд и об охраняемых и неохраняемых ж.д. переездах.

63. Опись 8. Дело № 1/17. Переписка о благотворительных обществах по Олонецкой губернии.

64. Опись 9. Дело № 11/347. Об отстранении от должности сельского старосты Василия Кудряшова.

65. Опись 9. Дело № 11/348. Списки иностранцев.

66. Опись 9. Дело № 11/349. Переписка о неправильном освобождении и уклонении от военной службы крестьянина Ладвинской волости Ивана Матвеева Кирьянова и его сыновей; журнал заседаний Петрозаводского по военной повинности присутствия, посемейные и призывные списки.

67. Опись 9. Дело № 11/351. Ведомость о настроении различных групп населения Олонецкой губернии.

68. Опись 9. Дело № 11/353. Сведения о политической благонадежности лиц.

69. Опись 9. Дело № 11/356. Перечень работ подлежащих исполнению в Поросозерском Волостном правлении при мобилизации запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения 1 разряда и разверстки наряда подвод для перевозки запасных нижних чинов на сборный пункт.

70. Опись 9. Дело № 11/359. О ходатайстве граждан о выдаче им свидетельства о политической благонадежности для поступления на службу.

71. Опись 9. Дело № 11/360. О розыске старшего унтер-офицера 17-го Сибирского стрелкового полка Григория Семеновича Вылегжанина.

72. Опись 9. Дело № 11/368. О выдаче свидетельств о политической благонадежности.

Фонд 19 — Олонецкое губернское жандармское управление:

73. Опись 3. Дело № 19/6. О происшествиях, а также по наблюдению за общественной жизнью.

74. Опись 3. Дело № 19/11. Путевой журнал унтер-офицеров дополнительного штата ОГЖУ Вытегорского пункта.

75. Опись 3. Дело № 20/2. О лицах, разыскиваемых Департаментом Полиции и другими Правительственными учреждениями.

76. Опись 3. Дело № 20/5. О происшествиях и наблюдении за общественной жизнью.

77. Опись 3. Дело № 20/6. О состоящих под гласным надзором полиции.

78. Опись 3. Дело № 20/8. С разнородной перепиской.

Фонд 325 — Петрозаводское городское полицейское управление:

79. Опись 2. Дело № 11/166. О высылке в Олонецкую губернию австрийских подданных Ивана Краковского, Михаила Пришалак, ксенз Казимир Ключ, Киприян Карттинский, Аван Слепец и Копель Маркус. Постановление Городской Думы о установлении извозчика таксы.

80. Опись 2. Дело № 11/167. Переписка о ратниках ополчения 1 разряда призыва 1899 г.

81. Опись 2. Дело № 12/17. Протокол о прибытого на родину нижний чин Сямозерской волости Петр Васильев.

82. Опись 2. Дело № 12/172. О введении новых штатов по усилению полиции с ноября 1916г. О разрешении благотворительных вечеров и спектаклей. О китайцах-торговцах, занимающихся разносной торговлей.

83. Опись 2. Дело № 12/173. Об удержании из жалования чинов полиции на нужды войны.

84. Опись 2. Дело № 12/174. Переписка по выдаче паспортов и свидетельств видов на жительство лицам, проживающим в г. Петрозаводске, том 1.

85. Опись 2. Дело № 12/175. Переписка по выдаче паспортов и свидетельств видов на жительство лицам, проживающим в г. Петрозаводске, том 2.

86. Опись 2. Дело № 12/177. О приходе и расходе сумм по содержанию б. Полицейского Управления и Милиции в 1917 году.

Фонд Р-29 — Олонецкий губернский отдел советского управления:

87. Опись 1. Дело № 3/44, Переписка о количестве военнопленных в пределах ОГ. Прошения военнопленных о разрешении остаться в Петрозаводске до заключения мирного договора.

Ресурсы сети Интернет:

88. Вадецкий Александр Константинович, подполковник, офицер Лейб-гвардии Павловского

полка, назначен (1914—1915 гг.) начальником Петрозаводского отделения Петроградского жандармского полицейского управления железной дороги. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Вадецкий_Александр_Константинович, свободный (Дата обращения 28.10.2016). После революции у него остался сын — Вадецкий Борис Александрович, ставший в 1918 г. беспризорником, а затем известным в СССР писателем. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вадецкий,_Борис_Александрович (Дата обращения 28.10.2016).

References:

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third collection/ [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie tretye]. SPb, 1885. — Т. I. № 350.
2. Collection of Laws of the Russian Empire. [Sobranie zakonov Rossiyskoy imperii]. 10 January 1914. Otd. 1. St. 56.
3. Utkin N. I. Russia — Finland: "Karelian question" [Rossiya — Finlyandiya: «karelskiy vopros»]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 336 p.
4. Tarasov I. T. Russian police. [Politsiya Rossii]. M.: Knizhnyy mir, 2011, 258 s.
5. Korablev N. A., Moshina T. A. Olonets governors and governors-general. [Olonetskie gubernatory i general-gubernatory]. Petrozavodsk, 2012. 140 p.
6. Karelia during the First World War. [Kareliya v gody Pervoy mirovoy voyny]. Petrozavodsk: Verso, 2014. 494 p.
7. Fedosov A. V. Police of the Olonets province on the eve of the First World War [Politsiya Olonetskoj gubernii nakanune Pervoy mirovoy voyny] // [Byulleten Muzeya istorii MVD po Respublike Kareliya]. Petrozavodsk, № 1 (37). 2012. P. 12—36.
8. Fedosov A. V. Police security support of the construction of Olonets and the Murmansk railway in 1914—1917 [Politsiyskoe obespechenie stroitel'stva Olonetskoj i Murmanskoy zheleznikh dorog v 1914—1917 godakh] // Bulletin of the Museum of History of the Ministry of Interior for the Republic of Karelia [Byulleten Muzeya istorii MVD po Respublike Kareliya]. Petrozavodsk. № 3 (54). 2016. P. 2—10.
9. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 30.07.1914. № 14.
10. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 15.08.1914, № 15.
11. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 30.08.1914, № 16.
12. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 22.07.1914. № 136.
13. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 25.07.1914. № 140.
14. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 26.07.1914. № 141.
15. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 28.07.1914. № 143.
16. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 29.07.1914. № 144.
17. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 25.10.1914. № 220.
18. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 9.12.1914. № 257.
19. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 19.12.1914. № 266.
20. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 17.01.1917. № 6.
21. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 14.02.1917. № 16.
22. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 11.03.1917. № 25.
23. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 21.03.1917. № 29.

24. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 30.03.1917. № 33.
25. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 13.04.1917. № 37.
26. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 4.05.1917. № 46.
27. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 6.05.1917. № 47.
28. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 9.05.1917. № 48.
29. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 16.05.1917. № 51.
30. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 18.05.1917. № 52.
31. Newspaper "Izvestia of the Petrozavodsk Committee of Public Safety". [Gazeta «Izvestiya Petrozavodskogo Komiteta obschestvennoy bezopasnosti»]. 16.03.1917. № 1.
32. Newspaper "Izvestia of the Petrozavodsk Committee of Public Safety". [Gazeta «Izvestiya Petrozavodskogo Komiteta obschestvennoy bezopasnosti»]. 19.03.1917. № 4.

Karelian National Archive files:

Fond 1. The Office of the Governor of Olonets Province [Kantselyariya Olonetskogo gubernatora]

33. Opis 2. Delo № 10/98. About distributing illegal literature abroad and in Russia in connection with the anniversary of the Romanov dynasty. About drafted into the army guard of the 1st Railway Regiment. [O rasprostranении nelegal'noy literatury kak za granitse, tak i v Rossii v svyazi s yubileem doma Romanovykh. O prizyve novobrantsev v voyska gvardii 1-go Zheleznodorozhnogo polka].
34. Opis 2. Delo № 10/9. Correspondence for authorization to travel abroad for Viskovsky and Geravila, the sale of food supplies to military personnel. [Perepiska o vydache razresheniya na vyezd za granitsu Viskovskoy i Geravila, o prodazhe s'estnykh pripasov voinskim chinam].
35. Opis 2. Delo № 10/105. Inquiries of accused Petrozavodsk townspeople Grigory and Anastasia Filippov, and the information of an administrative penalty imposed upon peasants. [Doznaniya obvinyaemykh Petrozavodskikh meschan Grigoriya i Anastasii Filippovykh i svedeniya administrativnogo vzyaskaniya s krestyan].
36. Opis 2. Delo № 10/106. Charges brought against Nicholay Artemov, Yakov Yevdokimov and Michael Kornyshev on violation of mandatory regulations. [Obvineniya krestyan v narushenii obyazatel'nogo postanovleniya Nikolaya Artemova, Yakova Evdokimova i Mihaila Kornysheva].
37. Opis 2. Delo № 10/107. Correspondence and circulars on the detention and the use of prisoners of war at work. [Perepiska i tsirkulyary o poryadke soderzhaniya i ispol'zovaniya na rabote voennoplennykh].
38. Opis 2. Delo № 10/108. On the shortcomings of the food supplies and price increases, measures to preserve public order and public safety. [O nedostatkakh produktov pervoy neobkhodimosti i povyshenii tsen, o merakh k sokhraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obschestvennoy bezopasnosti].
39. Opis 2. Delo № 10/109. Nadezda Savohina's petition to withdraw the certificate for a vessel belonging to her from the business manager of the merchant Kurchavova-Mirokhina. [Hodataystvo Nadezhdy Savokhinoy ob otobranii ot upravlyayuschego kuptsa Kurchavova-Mirokhina ey svidetel'stva na prinallezhashee Savokhinym sudno].
40. Opis 2. Delo № 10/110. Inquiries for sugar sale by Palchikov, Sobolev & Co. shop in Povenets at a higher price, the information on the persons' political loyalty, on the sale of the horses culled by the army. [Doznaniya o prodazhe iz lavki Palchikov, Sobolev i Ko v g. Povenets saharu po tsene vyshe takovogo, svedeniya na lits o politicheskoy blagonadezhnosti, o prodazhe loshadey zabrakovannykh v chastyakh voysk].
41. Opis 2. Delo № 10/111. Petition for benefits for the drafted soldiers, on the awarded churchwarden, order [to find] peasant Eroshkin who left the military unit. [Prosheniye o l'gotakh prizvannykh v soldaty, o nagrazhdennykh tserkovnykh starostakh, rasporyazhenii o ... otлучившихся из рот кр. Eroshkina].
42. Opis 3. Delo № 16/700. On the issue of benefits and petitions of the peasants to forgive debts. [O vydache posobiy i prosheniy krestyan o slozhenii nedoimok].
43. Opis 3. Delo № 16/706. On the issue of permits for opening beer shops, barrooms and other pubs with sales of spirits. [O vydache razresheniy na otkrytie pivnykh lavok, bufetov i drugikh piteynykh zavedeniy s prodazheyu krepkikh napitkov].

44. Opis 3. Delo № 16/71. On the issuance of permits to collect donations for various charities. [O vyidache razresheniy na sboryi pozhertvovaniy na raznyie blagotvoritelnyie tseli].

45. Opis 3. Delo № 16/712. On the issue of permits for opening beer shops, barrooms and other pubs with sales of spirits. [O vydache razresheniy na otkrytie pivnykh lavok, bufetov i drugikh piteynykh zavedeniy s prodazheyu krepkikh napitkov].

46. Opis 4. Delo № 2/18. On the issue of permits for the installation of billiards, gramophones and other musical instruments in drinking establishments. [O vydache razresheniy na pravo postanovki billiardov, grammofonov i drugikh muzykal'nykh instrumentov v piteynykh zavedeniyakh].

47. Opis 4. Delo № 2/19. On the removal of low-quality boots, made for the army. [O zabrakovanii obuvi, prednaznachennoy dlya nuzhd armii].

48. Opis 4. Delo № 2/20. Correspondence about the order of sole leather from Petrograd Quartermaster Warehouse. [Perepiska po vypiske podoshvennykh kozh iz Petrogradskogo Intendantskogo sklada].

49. Opis 4. Delo № 2/21. Report on the poorhouse of merchants Malokroshechnykh in Pudozh, correspondence on the food issue. [Otchet po bogadel'ne kuptsov Malokroshechnykh v gor. Pudozhe, perepiska po prodovol'stvennomu voprosu].

50. Opis 4. Delo № 2/22. On the removal of low-quality army boots, coming from different social organizations. [O zabrakovke sapog postupayuschiikh dlya nuzhd armii ot raznykh obschestvennykh organizatsiy].

51. Opis 4. Delo № 2/23. Circulars on how to assist the families of persons called up for war. [Tsirkulyary po okazaniyu pomoschi semyam lits, prizvannykh na voynu].

52. Opis 4. Delo № 2/29. List of employees and workers, recruits of the first category, contracted to build the Olonets railway. [Spisok sluzhaschiikh i rabochikh ratnikov opolcheniya 1 razryada zakontraktovannykh na postroyke Olonetskoj zheleznoy dorogi].

53. Opis 5. Delo № 34/334. On the expulsion into Olonets province under open police surveillance of Savva Nikiforov Hoha, Elesey Nesterov Hoha, Manuil Antonov Cherevatenko, Artem Ustinov Shviduk, Anton Nikiforov Robak, Taras Onufriev Shvedun and Msidor Lukin Zamriya. [O vysylke v Olonetskuyu guberniyu pod glasnyy nadzor politzii Savva Nikiforova Hohi, Eleseya Nesterova Hohi, Manuila Antonova Cherevatenka, Artema Ustinova Shviduka, Antona Nikiforova Robaka, Tarasa Onufrieva Shveduna i Msidora Lukina Zamriya].

54. Opis 7. Delo № 2/25. Lists of recruits Vytegorsky uезд (county) for surveying of their political reliability, and the occupation before enlistment. [Spiski novobrantsev Vytegorskogo uyezda dlya osvidetel'stvovaniya politicheskoy blagonadezhnosti, a takzhe o rode zanyatiy do postupleniya na voennuyu sluzhbu].

55. Opis 7. Delo № 2/29. About Michael Shablykin entering the warrant school. [O Mikhaile Shablykine, postupayushchego v shkolu praporschikov].

56. Opis 7. Delo № 2/30. The petitions of persons for certificates of political reliability. On the declaration of the mass escapes of prisoners of war. Gifts of the American Benevolent Society. [Prosheniya lits svidetelstv o politicheskoy blagonadezhnosti. Ob ob'yavlenii massovykh pobegov voennoplennykh. Podarki Amerikanskogo blagotvoritel'nogo obschestva].

57. Opis 7. Delo № 2/31. Information required on persons who go at different work of their political loyalty and moral qualities. [Svedeniya, zaprashivaemye na lits postupayuschiikh na razlichnye raboty o ikh politicheskoy blagonadezhnosti i нравstvennykh kachestvakh].

58. Opis 7. Delo № 2/33. Regarding the delivery of information on different persons coming to work. [O dostavlenii svedeniy na raznykh lits postupayuschiikh na rabotu].

59. Opis 7. Delo № 2/34. Regarding the delivery of information about persons entering the service of their political loyalty. [O dostavlenii svedeniy o litsakh postupayuschiikh na sluzhbu v ikh politicheskoy blagonadezhnosti].

60. Opis 7. Delo № 2/35. Information on persons entering (the service) of their political reliability. [Svedeniya o litsakh, postupayuschiikh v ikh politicheskoy blagonadezhnosti].

61. Opis 7. Delo № 2/36. Regarding the delivery of information about persons entering the service of their political loyalty. [O dostavlenii svedeniy o politicheskoy blagonadezhnosti na lits, postupayuschiikh na rabotu].

62. Opis 8. Delo № 1/14. On authorizing the purchase of explosives for construction needs and about the protected and unprotected railway crossings. [O razreshenii priobreteniya vzryvchatykh veschestv dlya stroitel'nykh nuzhd i ob okhranyaemykh i neokhranyaemykh zh.d. pereezdakh].

63. Opis 8. Delo № 1/17. Correspondence about the charitable societies of Olonets province. [Perepiska o blagotvoritel'nykh obschestvakh po Olonetskoj gubernii].

64. Opis 9. Delo № 11/347. On the dismissal of the head of the village Vasily Kudryashov. [Ob odstranении

ot dolzhnosti sel'skogo starosty Vasiliya Kudryashova].

65. Opis 9. Delo № 11/348. Lists of foreigners. [Spiski inostrantsev].

66. Opis 9. Delo № 11/349. Correspondence about the wrong release and evasion of military service by Ladvinsk volost peasant Ivan Kiryanov Matveyev and his sons; minute-book of the Petrozavodsk recruiting office, family and conscription lists. [Perepiska o nepravil'nom osvobozhdenii i uklonenii ot voennoy sluzhby krestyanina Ladvinskoy volosti Ivana Matveeva Kiryanova i ego synovey; zhurnal zasedaniy Petrozavodskogo po voennoy povinnosti prisutstviya, posemeynye i prizyvnye spiski].

67. Opis 9. Delo № 11/351. Information about the mood of the different groups of the population of Olonets province. [Vedomost' o nastroenii razlichnykh grupp naseleniya Olonetskoy gubernii].

68. Opis 9. Delo № 11/353. Information about persons' political reliability. [Svedeniya o politicheskoy blagonadezhnosti lits].

69. Opis 9. Delo № 11/356. The list of works to be executed by the Porosozersk district board in mobilizing lower ranks reservists and the state militia recruits of the first category, and carts distribution for transportation of reservists to the assembly point. [Perechen' rabot podlezhaschikh ispolneniyu v Porosozerskom Volostnom pravlenii pri mobilizatsii zapasnykh nizhnkh chinov i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya 1 razryada i razverstki naryada podvod dlya perevozki zapasnykh nizhnkh chinov na sbornyy punkt].

70. Opis 9. Delo № 11/359. On petition of citizens to issue them a certificate of political reliability for service enlistment. [O khodataystve grazhdan o vydache im svidetelstva o politicheskoy blagonadezhnosti dlya postupleniya na sluzhbu].

71. Opis 9. Delo № 11/360. On searching the senior non-commissioned officer of the 17th Siberian Infantry Regiment Grigory Semenovich Vylegzhaniin. [O rozyske starshego unter-ofitsera 17-go Sibirskogo strelkovogo polka Grigoriya Semenovicha Vylegzhaniina].

72. Opis 9. Delo № 11/368. On issuing certificates of political reliability. [O vydache svidetel'stv o politicheskoy blagonadezhnosti].

Fond 19 — Olonets Provincial Gendarme Administration

73. Opis 3. Delo № 19/6. About incidents and monitoring of public life. [O proisshestviyakh, a takzhe po nablyudeniyu za obschestvennoy zhizn'yu].

74. Opis 3. Delo № 19/11. Minute-book of the additional staff non-commissioned officers of Vytegorsky department of Olonets railway administration. [Putevoy zhurnal unter-ofitserov dopolnitel'nogo shtata OGZhU Vytegorskogo punkta].

75. Opis 3. Delo № 20/2. About the people wanted by the Police Department and other government agencies. [O litsakh, razyskivaemykh Departamentom Politsii i drugimi Pravitel'stvennymi uchrezhdeniyami].

76. Opis 3. Delo № 20/5. About incidents and monitoring of public life. [O proisshestviyakh i nablyudeniya za obschestvennoy zhizn'yu].

77. Opis 3. Delo № 20/6. About persons under open police surveillance. [O sostoyaschikh pod glasnym nadzorom politsii].

78. Opis 3. Delo № 20/8. Miscellaneous correspondence. [S raznorodnoy perepiskoy].

Fond 325 — Petrozavodsk Police Department

79. Opis 2. Delo № 11/166. On the expulsion into Olonets province of Austrian nationals Ivan Krakovskiy, Mihail Prishalyak, priest Kazimir Klyuz, Kipriyan Karttinskiy, Avan Slepets and Kopel Markus. Resolution of the town council establishing cab fees. [O vysylke v Olonetskuyu guberniyu avstriyskikh poddannyykh Ivana Krakovskogo, Mihaila Prishalyak, ksenz Kazimir Klyuz, Kipriyan Karttinskiy, Avan Slepets i Kopel Markus. Postanovlenie Gorodskoy Dumy o ustanovlenii izvozchika taksy].

80. Opis 2. Delo № 11/167. Correspondence about first category militia conscripts, born in 1899. [Perepiska o ratnikakh opolcheniya 1 razryada prizyva 1899 g.].

81. Opis 2. Delo № 12/171. Protocol on the arrival home of army private Petr Vasilev (from Syamozero parish). [Protokol o pribytogo na rodinu nizhniy chin Syamozerskoy volosti Petr Vasilev].

82. Opis 2. Delo № 12/172. On the introduction of new staffs for strengthening the police from November 1916. On authorizing charity evenings and performances. About the Chinese merchants involved in peddling. [O vvedenii novykh shtatov po usileniyu politsii s noyabrya 1916 g. O razreshenii blagotvoritelnykh vecherov i spektakley. O kitaytsakh-torgovtsakh, zanimayuschikhsya raznosnoy trgovley].

83. Opis 2. Delo № 12/173. About deductions from salaries of police officials to the needs of the warro [Ob uderzhanii iz zhalovaniya chinov politsii na nuzhdy voyny].

84. Opis 2. Delo № 12/174. Correspondence for the issuance of passports and certificates of residence permits to persons residing in the town of Petrozavodsk, Volume 1. [Perepiska po vydache pasportov i

svidetel'stv vidov na zhitel'stvo litsam, prozhivayuschim v g. Petrozavodske]. Vol. 1.

85. Opis 2. Delo № 12/175. Correspondence for the issuance of passports and certificates of residence permits to persons residing in the city of Petrozavodsk, Volume 2. [Perepiska po vydache pasportov i svidetel'stv vidov na zhitel'stvo litsam, prozhivayuschim v g. Petrozavodske]. Vol. 2.

86. Opis 2. Delo № 12/177. About the income and expenditure of money for financing the former Police Department and Militia in 1917. [O prikhode i raskhode summ po sodержaniyu b. Politseyskogo Upravleniya i Militsii v 1917 godu].

Fond R-29 — Olonets provincial Soviet administrative department

87. Opis 1. Delo № 3/44. Correspondence about the number of prisoners within the Olonets province. The petitions of the prisoners for permissions to stay in Petrozavodsk before the conclusion of a peace treaty. [Perepiska o kolichestve voennoplennykh v predelakh OG. Prosheniya voennoplennykh o razreshenii ostatsya v Petrozavodske do zaklyucheniya mirnogo dogovora].

Internet sources:

88. Vadetsky Alexander K., Lieutenant-Colonel, an officer of the Life Guards Pavlovsky Regiment, was appointed (1914—1915 gg.?) the chief of Petrozavodsk branch of the Petrograd Gendarme police railway administration [Vadetskiy Aleksandr Konstantinovich, podpolkovnik, ofitser L-Gv. Pavlovskogo polka, naznachен (1914—1915 gg.?) nachal'nikom Petrozavodskogo otdeleniya Petrogradskogo zhandarmskogo politseyskogo upravleniya zheleznoy dorogi]. Available at: http://ria1914.info/index.php?title=Вадецкий_Александр_Константинович (accessed 28 October 2016). After the revolution, his son — Vadetsky Boris, became a waif in 1918, and then writer known in the USSR. [Posle revolyutsii u nego ostalsya syn — Vadetskiy Boris Aleksandrovich, stavshiy v 1918 g. besprizornikom, a zatem izvestnym v SSSR pisatelem]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вадецкий,_Борис_Александрович (accessed 28 October 2016).

[1] Все даты приведены по старому исчислению, отличающемуся от современного на 13 дней (Прим. автора).

[2] В советские времена эти книги были последовательно уничтожены в республиканском архиве (прим. Автора).

[3] Во время первой мировой войны в русском плену оказались 2 104 146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167 082 военнослужащих германской армии. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/plen.htm (Дата обращения 06.12.2016)

Olonets province police functions during the First World War

**FEDOSOV
Alexander**

*leading expert of the group of educational work,
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia,
Petrozavodsk, Russia, muzeymvdperk@mail.ru*

Keywords:

Olonetsk police
Olonets province
World War I
policing
criminality
people's militia.

Summary:

The article deals with the previously unexplored aspects of the police of Olonets province in 1914–1917 during the First World War and highlights additional functions of the police, determined by conditions of wartime under the legislation of the Russian Empire. The author focuses on the performance of specific tasks by the police on the territory of the province under state of emergency, as well as draws conclusions on the professionalism of police officers. The article stated a direct continuity between the former police and the new militia that on the background of the dramatic events of the February Revolution of 1917, continued to carry out police functions in the province of law enforcement and public safety in the framework of Russia's final stage legislation.

УДК 378.1

Высшее образование, глобальные правители и эпистемическое управление (перевод с англ. яз. Ю. М. Килин)

**КАДИР
Али**

*доктор социологии,
Школа социальных и гуманитарных наук,
университет Тампере,
Финляндия, ali.qadir@uta.fi*

Ключевые слова:

эпистемическое управление;
высшее образование; реформа;
неолиберализм; социологический
институционализм

Аннотация:

Используя неинституциональные рамки концепции эпистемического управления, в данной статье рассматривается то, каким образом отдельные университеты и национальные системы высшего образования в глобальном масштабе реформируются в соответствии с глобальным сценарием. Ряд глобальных правителей, таких как межправительственные организации и международные неправительственные организации (МНПО), участвуют в разработке и распространении этих сценариев. Однако наш подход акцентирует внимание на скрытом характере этого управления. Большинство руководителей университетов или национальных разработчиков политики даже не подозревают о глобальном управлении, которое функционирует, влияя на то, как мы воспринимаем мир и какие реформы необходимо проводить. Аналитики и активисты, руководствуясь реалистичными подходами к социальной сфере (как это рассматривается в теориях международных отношений), склонны рассматривать этих глобальных правителей как силовые центры, которые диктуют политические меры. Тем не менее, те же аналитики спотыкаются об очевидную проблему того, что эти «правители» не управляют в традиционном смысле этого слова. Скорее, те, кто реформирует свои собственные университеты, думают в соответствии с теми же глобальными сценариями и, как правило, считают, что это вполне разумный и применимый в местных условиях способ реформирования. Это одна из причин, по которой подобные реформы продолжают во всем мире, несмотря на значительную критику. В рамках концепции эпистемического управления обращается внимание на системные мировые модели, лежащие в основе скрытой национальной политики высшего образования, такие как анализируемые здесь массификация и утилитаризм.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Введение

Один из концептуальных основателей современной высшей школы, Иммануил Кант, рассматривал

университет, состоящий из трех факультетов, как место постоянной и продуктивной напряженности, в котором развивались «чистые» науки (включая естественные и социальные науки), «прикладные» науки (такие как право и политика), и «искусство» (включая гуманитарные науки, такие как философия, литература и изобразительное искусство) [14]. Видение Канта заключалось в том, что в создаваемой этими факультетами творческой атмосфере будут достигаться новые рубежи знания, маркирующие университет как место цивилизационной Культуры (*Bildung*). Но с XVIII века многое изменилось. Новые тенденции в развитии современных университетов ведут в прямо противоположном видению Канта направлении. Университеты теперь можно более точно определить как центры «превосходства», концентрирующиеся на форме, а не на культуре с характерной для нее приоритетностью содержания [30] [34]. Эти метаморфозы не ограничиваются только некоторыми «ведущими» университетами, например, Северной Америки или Великобритании, они особенно заметны в Северной Европе, а также во все увеличивающихся масштабах во всем мире [8]. Университеты XXI века склонны уделять приоритетное внимание количественным показателям научных публикаций и выпускников, а не содержанию этих публикаций или деяниям выпускников, они, как правило, ориентированы на международные рейтинги и глобальные учебные планы, а не на национальную значимость и местные учебные программы, и, как правило, воздвигают высокие академические стены, отделяющие научные суб-суб-дисциплины, одновременно объединяя административные структуры.

Разумеется, многие культурные и философские тренды недавнего прошлого также оказывают воздействие на университеты, и некоторые из вышеуказанных особенностей их развития относятся к более широким культурным трендам [9, 10, 14]. Тем не менее, мы нуждаемся в гораздо большем понимании того, как эти абстрактные философские тренды воплощаются в конкретных университетских реформах. В каком направлении движется современный университет, и по каким причинам? Почему университеты настолько похожи друг на друга во всей Северной Европе и в других частях света, и почему реформы проводятся по одному заданному образцу, даже если материальные и культурные условия в каждом конкретном случае так сильно отличаются?

Данная статья направлена на решение этих значимых вопросов, предлагая социологический подход для выявления и анализа указанных выше трендов. Цель предпринятого анализа состоит в том, чтобы наметить теоретические рамки, используя которые можно будет проводить эмпирические исследования, касающиеся конкретных университетов. Предлагаемые теоретические рамки основываются на положениях социологического неинституционализма [22, 33]. Большинство исследований в области высшего образования имеют тенденцию концентрироваться на деталях его управленческих аспектов, опираясь на конкретные факты, локализованные во времени или пространстве. В результате, некоторые из более значимых трендов и проблем, подобных изложенным выше, часто остаются без внимания. Напротив, данная статья жертвует эмпирической глубиной в пользу теоретической широты. Реализуя подходы сравнительной социальной теории, таким образом, статья в меньшей степени опирается на точные статистические данные одного или даже нескольких вузов. Скорее, эмпирическая составляющая представлена вторичными сравнительными данными, почерпнутыми из собственных исследований автора реформы высшего образования последних лет, а также в будущем будет подкреплена эмпирическим исследованием конкретных случаев.

Тренды современной реформы высшей школы

Массификация

Одна из наиболее характерных особенностей высшего образования заключается в том, что в сейчас мире насчитывается гораздо больше высших учебных заведений, чем когда-либо прежде. В прошлом веке зачисление в высшие учебные заведения (вузы) выросло экспоненциально во всем мире (рис. 1).

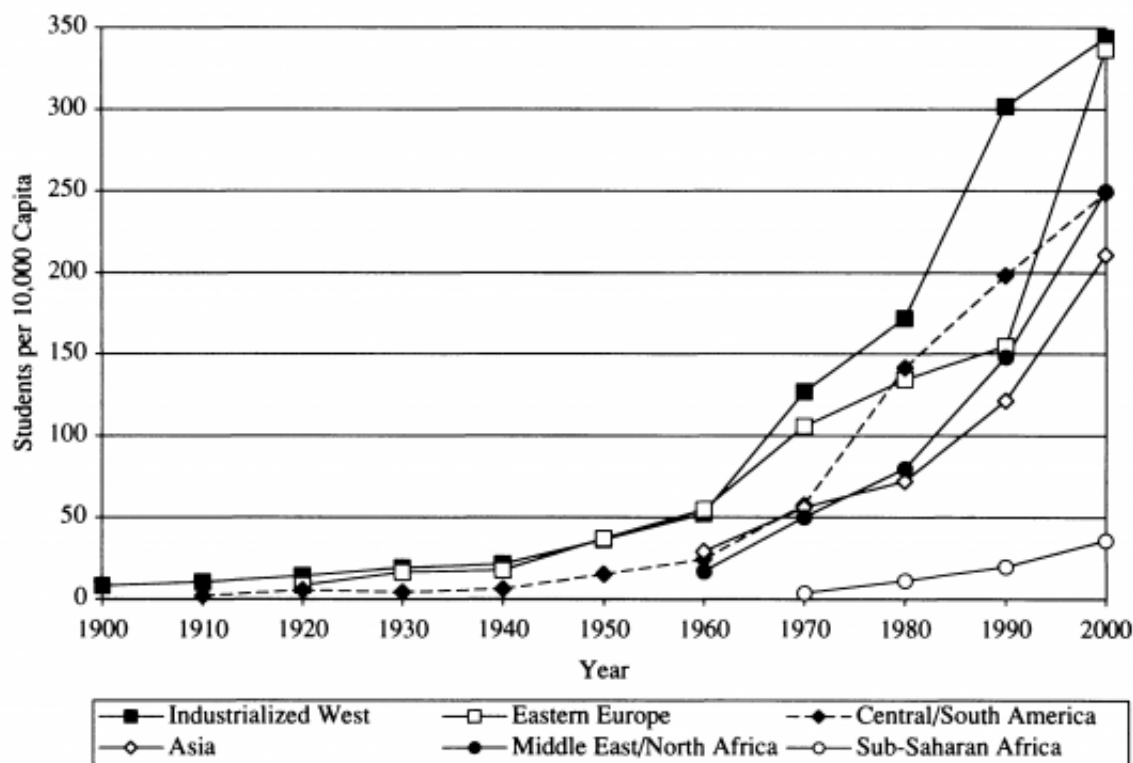

Figure 3. Tertiary Students per Capita, Regional Averages, 1900–2000 (constant cases).

Note: Industrialized West (n = 15), Eastern Europe (n = 11), Central/South America (n = 19), Asia (n = 18), Middle East/North Africa (n = 13), sub-Saharan Africa (n = 38).

Рис. 1 – Рост числа обучающихся в высших учебных заведениях в мире [34; 908]

С 1980 года самый быстрый рост сферы высшего образования наблюдался за пределами промышленно развитых стран, и страны Восточной Европы в это время конкурировали с государствами-членами ОЭСР в доступности высшего образования. В период с 1980 по 2000 год зачисление обучающихся в учреждения высшего образования в Азии и на Ближнем Востоке почти утроилось. Еще одна поразительная особенность этого процесса заключалась в том, что повсеместно в мире темпы вовлечения женщин в сферу высшего образования не уступали аналогичным показателям для мужчин. Таким образом, имеются убедительные доказательства того, что высшее образование на глобальном уровне в наше время стало более доступным, чем когда бы то ни было, независимо от социально-экономического статуса страны, гендерных различий, культурных предубеждений или политических условий (хотя, разумеется, этот процесс развивается неравномерно) [34]. Этот глобальный тренд принято характеризовать как «массификацию» высшего образования, и ожидается, что он продолжится в ближайшем будущем: в 2000 году в мире насчитывалось примерно 100 миллионов обучающихся в вузах различного типа, к 2030 году этот показатель превысит 400 миллионов [6]. Аналогичным образом, разумеется, развивалось также начальное и среднее образование [24].

Этот масштабный рост означал, что высшее образование институционализировалось двумя способами. Во-первых, университеты стали соизмеримыми (сопоставимыми) организациями, каждый из которых имеет похожие, административные структуры. Таким образом, вместо огромного разнообразия способов преподавания дисциплин в университетах в мире в средние века, теперь мы имеем почти идентичные структуры: факультеты, кафедры (департаменты), административные должности, финансовые системы, управленческую политику, стратегии в области людских ресурсов и т.д. Эта «рационализация» университетской системы по одной кальке означала обвальную утрату разнообразия или различия и мощное стремление к единообразию, дающему возможность преподавателям и административным работникам перемещаться из одного университета в другой, включая другие страны [20, 23].

Во-вторых, институционализация означала, что университеты теперь включены в современное национальное государство как корпоративные организации, подобные другим организациям, например, бизнесу, и подвергаются такому же давлению и контролю. Таким образом, мода на современные организационные тренды, такие как корпоративные слияния и финансовая гармонизация, захватила и современные европейские университеты. Например, в последнее десятилетие небольшие кафедры были упразднены или объединены в более крупные «школы» или «факультеты», а административные функции умножились, но также приобрели централизованный характер (от кафедр/институтов до администрации университетов). В то же время, впрочем, естественным образом появляются все более мелкие академические специализации, обеспечивающие для себя ниши во все увеличивающейся однородности похожих друг на друга, глобально конкурирующих университетов.

Еще одним следствием взрывного роста университетов с 1970 года и одновременной либерализации экономики является то, что государства тратят все меньшую долю своих ресурсов на высшее образование. В сочетании с ростом расходов на обучение одного студента и стагнацией налоговых поступлений это означает, что университеты все чаще прибегают к платным формам обучения, чтобы выжить в финансовом отношении [3; 69]. Реакцией на это положение дел стал быстрый рост числа частных вузов. Тренд массификации, как таковой, означает, что высшее образование теперь рассматривается как частный вход к измеряемому социально-экономическому успеху и средству производства, а не как неосязаемое «общественное благо» [7].

Утилитаризм

Из вышесказанного следует, что на первый план в высшем образовании выдвинулся утилитаризм. Разумеется, характер этого утилитаризма варьируется в зависимости от социально-политических условий и истории: утилитаризм никогда не означал одно и то же самое во всех ситуациях [26]. И тем не менее, новый Университет, отличающийся «превосходством», а не цивилизацией или культурой, во всем мире ставит во главу угла полезность. Фактически, в настоящее время скрытой целью высшего образования во всем мире, является его «практическое» использование, более того, такое, которое должно выходить за пределы индивидуального, содержа в себе некоторую измеримую пользу для общества. Даже поверхностный взгляд на формулировки миссий современных европейских университетов подтверждает, что все они стремятся добавить социально-практическую значимость. То же самое относится к исследованиям и преподаванию, ценность которых определяется их прикладным значением и практической значимостью. Многие абитуриенты отдадут предпочтение прикладным наукам, и государственное финансирование также ставит в приоритет эти науки. Для получения финансовой поддержки выполняемые университетами исследования должны быть применимы для целей производства или «релевантными» в рамках обозначенных приоритетов, а преподавание обязано готовить студентов к конкуренции на международных рынках труда.

Тем не менее, должно быть одинаково ясно, что «полезность», которая сейчас определяет характер современного университета, является нормативной функцией. То есть, единственное, что универсально в «полезности» – это сам термин, который априори воспринимается как ценность. Однако представления о полезности или практичности кардинально изменились в прошлом веке даже в Европе, не говоря уже об Азии или Африке. Другими словами, природа того, что считается полезным, меняется во времени и пространстве, но то, что остается постоянным, – это оправдание определенных изменений в университете, которые считаются «полезными» или «практически значимыми» для общества.

Утилитарность стала настолько значимой нормой, что, когда университетская реформа характеризуется как «полезная», вряд ли кто-нибудь анализирует, в чем в действительности заключается эта полезность. Хорошим примером такого подхода является риторика, связывающая совершенствование высшего образования с макроэкономическим ростом посредством реализации идеи «экономики, основанной на знаниях». Приведем пример:

В последние годы модели государственного финансирования университетских исследований в Европе изменились в пользу конкурентных проблемно- или производственно-ориентированных государственных программ. Исследователям и исследовательским центрам университетов предлагается сотрудничать с частными компаниями, включая стимулы, призванные дополнять их исследовательскую деятельность трансферами технологий [3; 187].

Это постоянно повторяемая мантра национальных реформ в области высшего образования, но имеется на удивление мало доказательств, подтверждающих такую связь. Глубокие исследования в области социологии образования показали, что академические успехи студентов вузов не коррелируют с ростом национальной экономики [29, 30], нет и статистически значимой корреляции между состоянием высшего образования и всей экономической системы страны [23]. Полученные результаты

многим могут показаться поразительными, но они убедительно подтверждают, что «экономика, основанная на знаниях» скорее миф, чем реальность даже в Северной Европе или Соединенных Штатах с их развитыми постиндустриальными экономиками.

Тем не менее, этот миф оказывает сильное влияние на реформаторов высшей школы во всем мире. Практическое его применение заключается в том, что от университетов теперь требуют быть более «релевантными» для общества, как в количественных показателях проводимых исследований и выпуска студентов, так и качественно, особенно в их связи с производством. На практике такой подход означает, например, огромное преимущество «прикладных» наук (в том числе, социальных наук) в выделении ресурсов, в сравнении с «чистой» (фундаментальные исследования) наукой и более высокий спрос на студентов прикладных направлений подготовки, о чем свидетельствует, например, пятилетний тренд в России [37]:

Higher education, the global governors, and epistemic governance

**QADIR
Ali**

*Doctor of Social Sciences,
School of Social Sciences & Humanities,
University of Tampere,
Finland, ali.qadir@uta.fi*

Keywords:

Epistemic governance; higher education; reform; neoliberalism; sociological institutionalism

Summary:

Using a neo-institutionalist framework of epistemic governance, this paper reviews how individual universities and national systems of higher education globally are being reformed according to a global script. A number of global governors, such as intergovernmental organisations and INGOs, are involved in making and circulating these scripts. However, this perspective highlights that such governance is well-hidden. Most university managers or national policy-makers are not even aware of global governance that functions by working on how we perceive the world and what reforms are desirable. Driven by realist assumptions of the social world (as common in International Relations theories), analysts and activists tend to look at these global governors as power centres that dictate policy measures. Yet, the same analysts stumble against the obvious problem that these 'governors' are not governing in the traditional sense of the term. Rather, those reforming their own universities think according to the same global scripts, and generally believe it is a perfectly reasonable and locally appropriate way of reforming. This is one reason why the similar reforms keep taking place around the world despite considerable criticism. The framework of epistemic governance draws attention to systemic, worldwide patterns underlying the hidden politics of national higher education policies, such as massification and utilitarianism as analysed here.

УДК 316.4

Койвусельга. Социальная трансформация лесозаготовительного поселка в российской Карелии (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

РАННИККО
Пертти

*доктор социологических наук,
профессор экологии,
Университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
Институт географических и исторических
исследований,
Йоэнсуу, Финляндия, pertti.rannikko@uef.fi*

ВАРИС
Эйра

*доктор социологических наук,
директор по развитию,
Региональный совет провинции Северная Карелия,
Йоэнсуу, Финляндия, eira.varis@pohjois-karjala.fi*

ПИИППОНЕН
Минна

*доктор социологических наук,
Карельский научно-исследовательский институт,
Университет Восточной Финляндии,
Йоэнсуу, Финляндия, minna.piipponen@uef.fi*

Ключевые слова:

Койвусельга
социальная мобильность
постпродуктивизм
социальные сети
лесопромышленный комплекс

Аннотация:

В статье рассматриваются результаты социальной мобильности в сельской местности российской Карелии. Используемое нами ключевое понятие – мобильный постпродуктивизм – мы оцениваем на примере 20-летнего развития лесозаготовительного поселка Койвусельга, являющегося предметом нашего тематического исследования. Являются ли структурные и социальные изменения в российской сельской местности аналогичными происходящим в западных странах, или находящиеся по ту сторону государственной границы лесозаготовительные поселки в российской Карелии по-прежнему можно охарактеризовать как относящиеся к «другому модерну»? Случай с Койвусельгой показывает, как возникновение мобильного общества модернизировало сети взаимодействия и местную жизнь. Мобильные формы места проживания, работы и использования природных ресурсов, связанные с «многоместностью», уже не так связаны с системой местных сообществ, как раньше. После того как выполнение лесных работ перешло от местного населения к мобильной рабочей силе, Койвусельга постепенно становится местом проведения свободного времени проживающих в других местах людей. Повседневная жизнь еще живущих в поселке людей теперь также связана с другими местами и стала более мобильной.

Статья впервые была опубликована на финском языке ("Metsätyökyllän muodonmuutos Venäjän Karjalassa") в журнале *Idäntutkimus* в 2015 году. URL: http://www.helsinki.fi/idantutkimus/arkisto/2015_2/it_2_2015_rannikko_et_al.pdf

В сборе и обработке материала также принимали участие:

Каркинен Катри, доктор социологических наук, агроном;
Климентьев Евгений, к.и.н., с.н.с. сектора этнологии
Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН;
Копотева Инна, лицензиат философии;
Лехто Эско, магистр социологии, руководитель проектного отдела,
Ассоциация «Лидер» региона Йоэнсуу;
Полевщикова Надежда, к.г.н., доцент Института лесных, горных и
строительных наук ПетрГУ.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Мобильную работу и работу, выполняемую во многих местах, обычно принято относить к информационной сфере и возможностям, предоставляемым информационным обществом. Тем не менее, в наше время мобильная работа получила широкое распространение и среди представителей традиционного физического труда, а также во многих типичных профессиях сельской местности, для которой характерно использование природных ресурсов прибывающими издалека сезонными рабочими, а не представителями местных сообществ. Так, например, лесозаготовки во многих высокоразвитых странах в основном осуществляются мобильными работниками, которые могут работать далеко от своего дома, куда возвращаются только время от времени. Кроме того, работники этой отрасли часто перемещаются с одной выделенной для заготовки леса площади на другую. Широкое распространение мобильной работы затрагивает не только рабочих и их семьи, но и местные сообщества.

Движение людей, товаров и знаний настолько доминирует в современном обществе, что британский социолог Джон Урри [35, 36] даже выступил с заявлением о «мобильном повороте» в социологии. Помимо физической мобильности людей и объектов, он включает в это понятие множество форм символического движения посредством Интернета, телефонной связи и телевидения. Урри призвал к переосмыслению социальных связей в свете нового феномена мобильности, предложив социологам принять мобильность в качестве методологической основы социологических исследований, отказавшись от традиционных концепций. Новая парадигма мобильности критикует общественные науки за то, что они сосредоточены на изучении социальных феноменов в определенных географических районах и на примыкающих к ним территориях, хотя для современной социальной жизни характерны непрерывные переходы от близких к дистанционным социальным связям [13]. По его мнению, социологические исследования нового типа должны в большей степени концентрироваться на изучении форм и способов мобильности (шоссейных и железных дорог, автомобилей, логистических систем, телефона, интернета и т. д.), влияющих на социальную жизнь и изменяющих объекты изучения.

В данной статье используется традиционный метод исследования, поскольку объектами исследования являются феномены, связанные с переходом общества к мобильности на примере одного лесозаготовительного поселка в российской Карелии. Тем не менее, мы анализируем то, каким образом увеличившаяся мобильность привносит изменения в жизнь изучаемого нами поселения и как она связана с более широкими изменениями в обществе и сетях взаимодействия. Мы заинтересованы и в том, чтобы объяснить то, каким образом новые формы использования природных ресурсов, работы и «многоместности» формируют сельскую местность Карелии.

Объект нашего социологического исследования – находящийся в российской Карелии бывший лесозаготовительный поселок Койвусельга. Сначала мы рассмотрим вызванные внешними факторами изменения в лесном хозяйстве и занятости в лесозаготовительном секторе экономики, а затем проанализируем влияние этих изменений на повседневную жизнь местного сообщества. В завершение мы рассмотрим стратегии выживания отдельных жителей и всего сообщества в ситуации, когда занятость жителей в лесной отрасли, в свое время создавшей этот населенный пункт, перестала существовать. Изучаемый период начинается с распада социализма, то есть мы изучаем социальное развитие поселка за последние два десятилетия. Соответствуют ли структурные и социальные изменения в сельской местности России аналогичным процессам в западных странах, или же приграничные лесозаготовительные поселки по-прежнему, как и в советский период, можно отнести к «другому модерну»? Как проявилось возникновение мобильного общества в трансформации

производственной базы и социальной жизни в исследуемом нами поселке?

Мобильная сельская местность

Россия представляет собой сложный объект изучения для социолога, пытающегося объяснить социальные процессы в мире посредством различных концепций и классификаций. Это же утверждение относилось – и до сих пор относится, – и к Советскому Союзу. Реальный социализм, как представляется, по крайней мере частично двигался в том же направлении, что и западные страны, одновременно следуя своим собственным путем развития. Шведский социолог Гёран Терборн выделяет в современном мире четыре основные пути, ведущие к модернизации, а также две смешанные формы, представленные Россией и Китаем [34; 107–109]. Реальный социализм также характеризовался как «другой модерн» [15], «незаконченная модернизация» [24] и «принудительная модернизация» [28]. В результате безжалостной и насильственной перестройки экономической системы под руководством Сталина в СССР были ускоренно проведены индустриализация и урбанизация, а структура экономики и занятости развивалась очень похоже на западные страны.

Тем не менее, модернизация включает в себя не только структурные изменения, такие как индустриализация и урбанизация, но также политические, культурные и в стиле жизни [7, 4]. Несмотря на то, что Советский Союз в 1960-е годы внешне представлял собой вполне современное общество, в развитии его социальных отношений наблюдались черты, характерные для доиндустриальной эпохи. Например, из-за отсутствия рыночных отношений почти все население зависело от неформальных сетей для приобретения и обмена товаров. Неформальные связи давали возможность предприятиям приобретать необходимые материалы, а обычным гражданам – товары, которые не продавались в государственных магазинах. Вместо рынка существовали неформальные сети для покупки и обмена товаров и услуг. В теневой экономике семьи и родственные отношения имели ключевое значение.

В этой статье рассматривается модернизация сельской местности России в постсоветскую эпоху. Сохраняются ли какие-либо черты «другого модерна» в исследуемом нами поселке, или это развитие приближается к преобладающей тенденции в сельской местности стран Запада, которую мы характеризуем в рамках концепции «мобильного постпродуктивизма»?

С 1990-х годов европейские социологи говорят о переходе сельской местности западных стран от продуктивизма к постпродуктивизму [например, 5, 6, 14]. На жизнь в сельской местности и пасторальные пейзажи работа и производство не оказывают такого определяющего влияния как раньше. В эпоху продуктивизма задача сельской местности заключалась в том, чтобы производить как можно больше продовольствия, древесины и другого сырья и товаров. Постпродуктивная местность и природа являются объектом индивидуального потребления и источником опыта. Все больше граждан в сельской местности являются владельцами летнего жилья, путешественниками или туристами. Сельская местность и ее природа стали местами рекреации и проведения досуга.

Исследователи из стран Северной Европы называют проводящих свое свободное время в сельской местности людей «невидимым населением», поскольку не располагают достоверной информацией о временных характеристиках посещений дачных домов. Рассуждения о численности сельского населения только на основе данных регистрации по месту жительства дают совершенно искаженную картину демографических тенденций и привлекательности сельских районов как среды обитания [16, 17]. Концепция «невидимого населения» сельских районов еще лучше подходит для описания путешественников, туристов и других подобных групп, находящихся в сельской местности, о которых мы знаем еще меньше, чем о дачниках [30].

Мобильное использование природных ресурсов и рост значимости проводимого в сельской местности досуга привнесли в нее новые виды деятельности и людей. Мобильность в современной сельской местности связана не только с людьми временно прибывающими для выполнения работы и проведения досуга, но и с тем, что местные жители также вступают в сетевые взаимодействия и перемещаются на большие расстояния чем раньше. В наши дни люди могут быстро путешествовать и общаться, преодолевая большие расстояния. Однако мобильность необязательно во всех случаях является добровольной, так, например, в случае сокращения предложения услуг в месте проживания люди вынуждены получать их на большом расстоянии от дома. Характерные для современного социума дисперсные формы предоставления услуг дефрагментировали и придали дискретный характер прежнему пониманию принадлежности к определенному месту. Временно пребывающие в сельской местности люди по-разному могут проявлять интерес к природе и местной культуре, а ее постоянные жители не обязательно являются постоянной частью прежних сельских местных сообществ.

Согласно оценке Нефедовой, в работе которой [19] анализируются направления трансформации сельской местности в России, в них есть много совпадений с аналогичными процессами в Западной

Европе. За последние 50 лет в большинстве регионов России численность сельского населения значительно сократилась. Однако более подробные обзоры Нефедовой о местных особенностях развития сельской местности в Костромской области ставят вопрос о мобильности населения, не учитываемой статистикой. С одной стороны, жители деревень трудоспособного возраста заняты на сезонных работах в других местах. С другой стороны, численность сельского населения увеличивается за счет непостоянных жителей. Взрослые дети сельских жителей с семьями и другие родственники проводят лето в родных деревнях. На лето из Москвы приезжают дачники, купившие в деревне дома. По мнению Нефедовой, в современной российской деревне концентрация населения и хозяйственная деятельность, а также поляризация сельских районов сочетаются с трендом увеличения мобильности, характерным для постиндустриального развития.

Возвращение в Койвусельгу

Поселок Койвусельга расположен в западной части Пряжинского района и находится примерно на одинаковом расстоянии от Петрозаводска и российско-финляндской границы (рис. 1). От шоссейной дороги МАПП Вяртсиля – Петрозаводск поселок отделяет всего 13 километров грунтовой дороги. В середине 1990-х годов мы собрали в Койвусельге большой объем исследовательских материалов, на основе которого был опубликован ряд научных работ, в которых проанализирован менявшийся статус Койвусельги в составе лесного комплекса Республики Карелия, изменения в сфере услуг и повседневной жизни и стратегии выживания сельских жителей в переходный период [22, 37, 26]. В июле 2014 года наша финско-российская исследовательская группа вернулась в Койвусельгу с целью актуализации и получения дополнительных данных о развитии поселка для выявления изменений за последние 20 лет.

Рис. 1. Поселок Койвусельга (Koivuselkä) Республики Карелия

Самым важным материалом в достижении поставленной цели являются интервью, которые мы провели в деревне как в свободной форме, так и с использованием подробных опросных анкет. В анкетах получили отражения сведения о домашних хозяйствах и жителях поселка. Вопросы анкет формулировались таким образом, чтобы полученный материал был сопоставим с вопросами 1990-х годов, поскольку за прошедшие почти 20 лет в поселке остались нерешенными некоторые проблемы,

характерные для переходного периода. Вопросы анкет были посвящены нескольким темам: состав семьи, как изменилась социальная среда, источники получения средств к существованию, как выстраивается стратегия выживания, какие культуры выращиваются на придомовых участках и огородах, как изменились лесное хозяйство, услуги и поселок, какие чувства вызывают эти изменения, какими жители видят будущее поселка и возможности его развития?

Интервью проводились во всех домохозяйствах, в которых мы застали жителей. Индивидуальные анкеты заполнялись на всех людей, живущих в домашних хозяйствах как минимум месяц в году. Выполнявшееся большой группой полевое исследование было завершено быстрее, чем ожидалось, поскольку число домашних хозяйств сократилось наполовину по сравнению с 1990-ми годами. В общей сложности было заполнено 50 анкет домашних хозяйств, в 16 из них люди проживали лишь часть года. К категории летних непостоянных жителей нами были отнесены люди, проживающие в поселке не менее месяца в году. Анкетные данные о непостоянных (летних) жителях не являются репрезентативными, поскольку легче было застать на месте проводящих все лето в поселке пенсионеров, чем кратковременно находившихся в ней людей трудоспособного возраста. Тем не менее, мы можем сравнить информацию из анкетных интервью с предыдущими материалами и оценить мобильность в домашних хозяйствах и на индивидуальном уровне. Жители, как правило, охотно давали согласие на интервью. Многие из них были уже знакомы с исследователями по полевой работе 1990-х годов и помнили о нашей группе. Тем не менее, в исследовании была изменена личная информация респондентов из-за необходимости соблюдения анонимности.

В дополнение к анкетным интервью мы опросили экспертов и ключевых административных лиц поселка, таких как глава местной администрации, бывший директор школы, председатель сельского совета и начальник лесопункта. В сравнении с серединой 1990-х гг. разница заключалась в том, что для проведения интервью с главой местной администрации пришлось поехать в Ведлозеро, так как в 2006 году, после общероссийской реформы местного самоуправления, поселок Койвусельга вошел в Ведлозерское сельское поселение.

В рамках использованного нами метода – локального исследования – были получены конкретные контекстно-зависимые сведения посредством сбора разносторонних эмпирических данных о различных аспектах изменений социальных параметров изучаемого объекта [3]. При анализе собранного материала внимание уделялось как уникальным особенностям поселка, так и более широким социальным процессам и связям. Более общий теоретический интерес проведенного исследования заключается в разработке концепций и моделей, объединяющих глобальные процессы и местные особенности. Локальные модели появляются в результате совместного действия общих институтов, особенностей местного развития, природных ресурсов и действующих лиц [2]. Поступая таким образом, можно создать описывающие объект исследования концепции и выделить причинно-следственные связи процессов, от которых зависит развитие [3; 19–20]. В этой статье мы последовательно обосновываем концепцию мобильного постпродуктивизма и оцениваем его объяснительную силу в понимании процессов развития современной сельской местности Карелии. Впрочем, мы начнем с краткого описания форм советского продуктивизма в Койвусельге.

Рабочие места в лесном хозяйстве переходят от местного населения к мобильной рабочей силе

Когда руководство СССР приступило к модернизации народного хозяйства государства, строя заводы и города, казалось, что в его распоряжении имелись безграничные сырьевые и трудовые ресурсы, их просто следовало мобилизовать и ввести в оборот. В региональном разделении труда советская плановая система определила роль Карелии как производителя продукции лесной промышленности. После Второй мировой войны эксплуатация лесных ресурсов была интенсифицирована, и единственной задачей обширных сельских районов стала заготовка древесного сырья для нужд растущего производства. К концу 1950-х годов в Карелии было построено 340 новых лесных поселков, лесопунктов как центров лесозаготовки, основной задачей которых была рубка леса и транспортировка лесоматериалов [10; 17].

Одним из этих поселков была Койвусельга, к строительству которой в карельской тайге приступили в 1949 году. Для проведения масштабных лесозаготовительных и сплавных работ требовалось большое количество рабочей силы, прибывавшей в Койвусельгу из различных регионов Советского Союза, прежде всего из Белоруссии. Всего за несколько лет население нового поселка превысило тысячу человек (рис. 2). Койвусельга была типичным советским лесозаготовительным поселком, построенным для использования лесных ресурсов близлежащих лесных массивов и предназначалась для проживания только на время проведения лесозаготовок, которые практически

полностью обеспечивали предоставление жилья для рабочих и их семей и услуги. В десятикилометровом радиусе от нового поселка находилось несколько старых карельских деревень, колхозники которых уже участвовали в лесозаготовках и сплаве древесины до войны. Деревни располагались вдоль сплавной реки Видлицы. Жители этих деревень были нужны в качестве рабочей силы только до тех пор, пока лесосплав был основным способом транспортировки древесины. После ее перевода на авто- и железные дороги в 1960-х гг. необходимости в сохранении старых деревень больше не оставалось, и все жители и услуги этого района были полностью переведены в Койвусельгу [29].

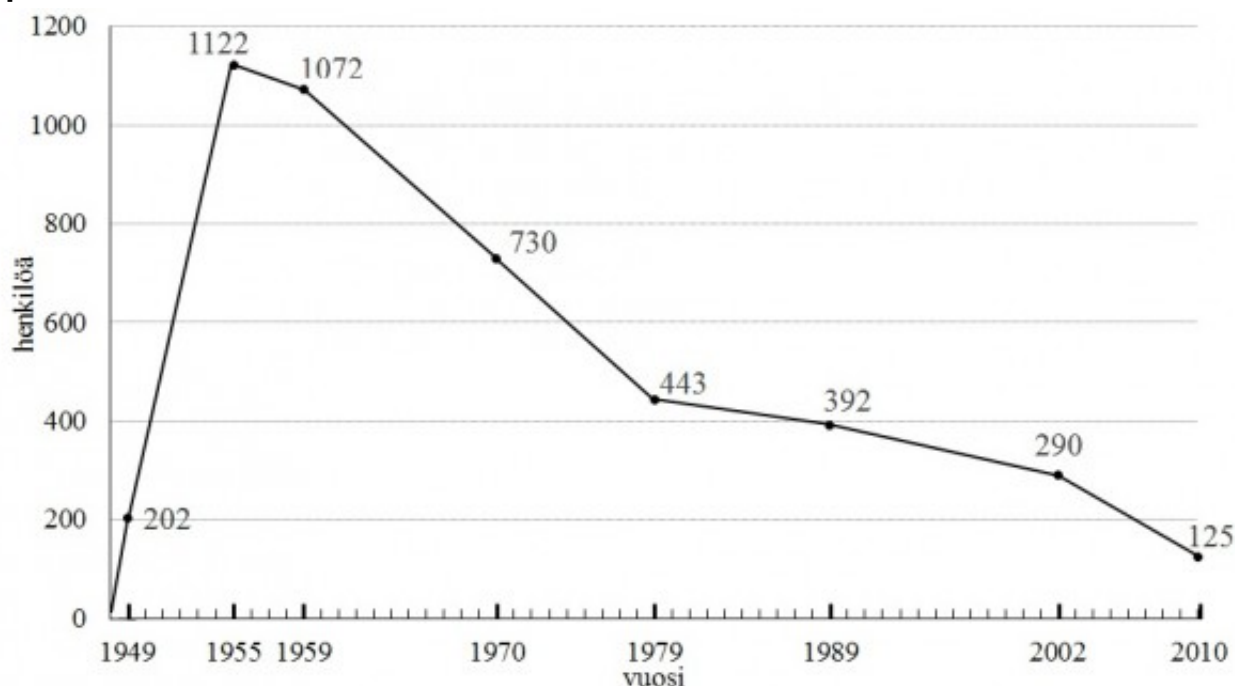

Рисунок 2. Динамика численности населения Койвусельги 1949–2010 (Источник: Переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг., Перечень населенных пунктов в Национальном архиве Республики Карелия)

Расцвет подобных Койвусельге лесозаготовительных поселков продолжался совсем недолго. Со временем на последствия масштабных рубок, продолжавшихся десятилетия после войны, в Советском Союзе стали обращать внимание, значительно сократив плановые задания леспромхозам [29; 44–45].

В то же время механизация лесозаготовок быстро сократила потребность в рабочей силе, и многие жители трудоспособного возраста с семьями уехали из поселка в другие места. К началу 1980-х гг. Койвусельга из-за сокращения производства и рабочей силы превратилась в сообщество, в котором доля пожилых людей выросла, а доля детей сократилась [9; 99–101]. С более чем тысячи человек в лучшие для Койвусельги годы ко времени распада СССР в ней осталось примерно четыреста человек (рис. 2).

После распада советской системы Россия перешла от социализма к рыночной экономике и лесная отрасль Карелии, от лесозаготовки до лесовосстановления, была реорганизована. В российской рыночной экономике, впрочем, по-прежнему осталось много черт, унаследованных от плановой экономики. Так, леса остались в государственной собственности, хотя управление лесопромышленных и лесозаготовительных компаний перешло от государства к новым владельцам [11]. В 1980-х годах Койвусельгский лесопункт еще входил в состав Шуйско-Виданского леспромхоза, дирекция которого находилась в Чалне [23; 157]. Как и другие лесопромышленные предприятия КАССР, Шуйско-Виданский леспромхоз входил в состав государственной компании Кареллеспром. В ходе приватизации этот гигант карельского лесопромышленного сектора был разделен на десятки независимых лесозаготовительных компаний и лесозаводов [18; 95–96], многие из которых оказались нерентабельными и обанкротились [11]. Через жернова приватизации начала 1990-х годов прошло и сельское хозяйство Карелии, вторая по значимости отрасль экономики сельской местности [1, 21].

Наряду с изменением отношений собственности ключевым элементом реорганизации лесного хозяйства Карелии являлась технологическая модернизация. Лесозаготовительные компании стали

переходить к скандинавским технологиям лесозаготовок. В советской лесозаготовительной системе роль узловых логистических центров играли нижние склады, действовавшие в непосредственной близости от железных дорог. Лесовозные автомобили доставляли на них заготовленные лесорубами хлысты для раскряжевки на сортименты различного качества, грузили на железнодорожные платформы для отправки на лесоперерабатывающие предприятия. В скандинавской технологии эти производственные операции выполняются по другому: многофункциональные лесозаготовительные машины валят лес и разделяют на сортименты, после чего лесоматериалы доставляются лесовозами прямо из леса на заводы. На завершающем этапе «скандинавизации» лесозаготовительные работы передаются от лесозаготовительной компании внешним подрядчикам [12; 71–74].

В 1992 году Шуйско-Виданский леспромхоз стал частной компанией ООО «Шуялес». В 1995 году лесопункт в Койвусельге был преобразован в лесоучасток [23; 157–159]. Вследствие этого произошло быстрое сокращение объемов лесозаготовок и рабочих, а в 2005 году последовало закрытие лесоучастка. В 2010 году постоянно проживавшие в Койвусельге жители лишились последних рабочих мест в лесном хозяйстве, когда были прекращены работы по лесонасаждению.

В прилегающих к Койвусельге лесах большее распространение получило использование внешних подрядчиков, чем внедрение многофункциональных машин. За последние десять лет лесозаготовки в окрестностях Койвусельги проводились «пришлыми» работниками, а не постоянно проживавшими в поселке жителями. Наиболее продолжительное время лесозаготовки выполнялись внешней подрядной организацией, нанимавшей рабочую силу на Украине. Деревья спиливаются бензопилами и транспортируются двумя лесными тракторами к автодороге, с дальнейшей перевозкой лесовозами петрозаводского подрядчика. Рубка леса производится восемью рабочими с Украины, живущими в общежитии в Койвусельге в течение трех месяцев, после чего они выезжают на Украину на 1–1,5 месяцев к своим семьям, затем возвращаясь на работу в Койвусельгу. Ранее действовавшее в районе Койвусельги ООО «Шуялес» в настоящее время входит в холдинговую компанию («ООО Аспект-Холдинг») и выполняет лесозаготовительные работы в Пряжинском районе, где имеет долгосрочные лесорендные договоры. В последние годы компания несколько раз проводила лесозаготовки многофункциональными машинами в лесах Койвусельги с подрядчиком и рабочей силой из Петрозаводска.

Повседневная жизнь становится мобильной

После окончания лесозаготовок сокращение численности населения Койвусельги ускорилось (рис. 2) и повседневная жизнь поселка почти полностью перестала быть связанной с наемной работой. В ходе опросов населения концепция «невидимого населения» приобрела новое значение. В утратившем свою производственную базу поселке концепция также описывает людей трудоспособного возраста, зарегистрированных в Койвусельге, но проживающих и работающих преимущественно в других местах. В 2014 году, согласно оценке сотрудника администрации сельского поселения, в поселке круглогодично проживало менее 100 человек, хотя в нем было зарегистрировано 190 человек. В первую очередь, многие сельчане молодого возраста жили и работали в Петрозаводске, хотя и остались зарегистрированными в Койвусельге. Аналогичным образом, в поселке в действительности проживали только 11 школьников и детей дошкольного возраста, хотя зарегистрировано 20.

Эту группу населения, у которой не совпадают место регистрации, работы и постоянного проживания с точки зрения мобильности и «многоместности» можно рассматривать как находящуюся в переходном состоянии. Официальная регистрация в родном поселке по своему способствует возможности гибкого решения повседневных проблем и проживания как в поселке, так и в городе. В поселке можно сохранить право на свою квартиру. В свою очередь, в городе аренда жилья в некоторых случаях может упроститься, если арендатор не регистрируется в арендуемой квартире, и о получаемом арендодателем доходе знают только два заинтересованных лица.

Прекращение лесозаготовок сократило рабочие места прежде всего среди мужчин, а сокращение сферы услуг повлияло на сокращение занятости женщин. В настоящее время постоянное население Койвусельги представлено преимущественно людьми старших возрастных групп, в то время как население трудоспособного возраста и молодежь покинула поселок в поисках средств существования в других местах. Согласно материалам нашего летнего интервью 2014 года, в поселке насчитывалось семь живущих и работающих человек. Рабочие места были в основном в поселковой администрации и в торговле. Безработных трудоспособного возраста в наших материалах было отмечено девять.

Бывший лесоруб Павел, проживший всю свою жизнь в Койвусельге, является типичным безработным среднего возраста. Он проживает с родителями, ухаживая за ними. Доходы домохозяйства складываются из трудовой пенсии отца и пособия по инвалидности матери. Павел заготавливает дрова

и обеспечивает семью продовольствием, выращивая картофель и держа корову. Он также собирает ягоды и грибы для продажи. Несмотря на то, что доходы невелики, Павел не считает, что поселок когда-нибудь прекратит свое существование. Как и большинство безработных, он не подал заявку на пособие по безработице. Безработных регистрируют в Ведлозере, а стоимость поездки туда и обратно превышает сумму месячного пособия по безработице.

Потребность в мобильности, связанной с услугами, увеличилась с тех пор, как переходный период 1990-х годов вызвал значительные изменения в услугах, которые предоставляли леспромхоз, администрации района и поселка. В этот период жилой фонд леспромхоза и ранее предоставляемые услуги были приватизированы, переданы в муниципальное управление или перестали оказываться. В Койвусельге закрыли промтоварный магазин, столовую, подсобное хозяйство леспромхоза и общественную баню. Продуктовый магазин стал собственностью частной компании и продолжает работать. Кроме того, в поселок приезжают разъездные торговцы.

За последние 20 лет из общественных услуг были закрыты детский сад и школа, а также прекращено движение общественного транспорта [38; 113]. Школа была закрыта в 2004 году. В настоящее время школьники из Койвусельги учатся в школе в Ведлозере, расположенном в 50 км от поселка. Школа также является примером того, как сократившийся доступ к услугам увеличил ежедневную мобильность жителей, вынужденных обращаться за ними в отдаленные от поселка места. С другой стороны, некоторые мобильные услуги заменили ранее доступные в поселке. Медицинская машина посещает Койвусельгу раз в неделю. Три раза в неделю в поселок прибывает почтовая машина, в которой можно приобрести лекарства за наличный расчет. В поселке действует сеть мобильной связи, хотя и ненадлежащего качества. Интернет-соединение также низкого качества.

Многие вопросы, впрочем, приходится решать в Ведлозере. После того, как поселок был включен в Ведлозерское сельское поселение, в Койвусельге работает представитель Ведлозерской администрации, полдня исполняя официальные обязанности, во второй половине дня работая в сельской библиотеке. Проблема заключается в том, что в Койвусельге после прекращения автобусного сообщения больше нет общественного транспорта. Асфальтированная автодорога Сортавала-Петрозаводск в настоящее время находится в очень хорошем состоянии, но автодвижение по связывающей с ней Койвусельгу 13-километровой грунтовой дороге по-прежнему проблематично, особенно для служб экстренной помощи – в период распутицы пожарная команда из Ведлозера прибывает в поселок за полтора часа.

В Койвусельге имеются односемейные дома, двухквартирные дома и многоквартирные бараки. В деревянных жилых домах нет ни водопровода, ни канализации. Состояние жилья было главной темой 20 лет назад, когда как раз проводилась приватизация принадлежавших леспромхозу двухквартирных домов и жилых барачков [25]. Часть жилищного фонда осталась в управлении администрации Пряжинского района, а затем была передана администрации Ведлозерского сельского поселения.

Летом 2014 года жителям и местным органам власти была предложена программа сноса ветхого и аварийного жилья, финансируемая из средств федерального бюджета, Республики Карелия и местного самоуправления, в которую была включена 21 квартира из Койвусельги. Во время проведения нашего исследования окончательное решение о месте строительства новых жилищ взамен сносимого жилья еще не было принято. Жители сносимых домов не хотели переезжать из поселка в другое место, например, в Ведлозеро или Пряжу. С другой стороны, глава администрации Ведлозерского сельского поселения относился к строительству новых домов в Койвусельге с сомнением, поскольку старые жители поселка могли прожить там всего несколько лет, после чего не было бы ясности в том, как использовать эти дома.

Личное подсобное хозяйство как стратегия выживания

Когда мы исследовали Койвусельгу в 1990-х годах, мы выделили различные стратегии выживания, которые помогли людям выжить в повседневной жизни после социальных потрясений [39]. Наиболее распространенной стратегией выживания было ведение личного подсобного хозяйства, которое мы обозначили как защитную реактивность, представлявшую собой самодостаточный образ жизни и повседневное выживание, основанное на мелкомасштабном огородничестве на приусадебных участках и сборе даров природы. Личное подсобное хозяйство было необходимо в условиях, когда социальные структуры не могли обеспечить поддержание повседневной жизни людей.

В созданной как лесозаготовительный поселок Койвусельге сельское хозяйство существовало только в виде подсобного хозяйства леспромхоза, обеспечивавшего продовольствием жителей поселка, занятых в лесном хозяйстве и решении связанных с ним задач. В результате приватизации подсобное хозяйство прекратило существование в 1994 году. Одновременно жители поселка стали более активно

использовать собственные приусадебные участки площадью в несколько соток для выращивания огородных культур: картофеля, моркови, капусты, свеклы, лука и зелени. Теплица или парники использовались для выращивания томатов и огурцов. Кроме того, многие домохозяйства держали коров, свиней, овец и коз. На окружающих деревню лугах и полях в близлежащих заброшенных деревнях заготавливали сено для животных [8].

Люди собирали ягоды и грибы, занимались рыбной ловлей и охотой, используя добычу в качестве важной части повседневного питания. Они также собирали лекарственные растения и использовали их систематически, потому что использование лекарств резко сократилось. Дары природы, особенно ягоды, также были важным источником дохода. Продавая их, зарабатывали деньги в условиях, когда заработная плата не выплачивалась вовремя.

В 1990-х годах жители проводили большую часть своего времени на различных огородных работах, собирая дары природы, делая заготовки из собственных продуктов и готовя их к хранению. Главная ответственность за эту домашнюю работу несли женщины. Социальные связи в этой системе были ключевыми. Проживающие в городе с семьей дети, родственники и знакомые получали выгоду от жителей деревни, поставлявших в город продукты питания собственного изготовления. Летом население поселка увеличивалось, так как выходцы из него, проживавшие в городе, отправляли своих детей к бабушкам на лето для пропитания. Взрослые приезжали во время отпусков для оказания помощи в проведении сельскохозяйственных работ.

Личное подсобное хозяйство по-прежнему остается важной стратегией выживания в повседневной жизни людей, но его значение уменьшилось. В настоящее время продукты собственного изготовления по-прежнему являются основным источником питания в каждом десятом домохозяйстве Койвусельги, а в 1990-х годах они составляли большую часть потреблявшегося продовольствия почти во всех домашних хозяйствах поселка. Количество возделываемых приусадебных участков резко сократилось, а скот почти перестали держать. В 1995 году в поселке насчитывалось 250 картофельных участков, 32 коровы, 44 свиньи и 200 овец и коз [8; 143–147]. Летом 2014 года в Койвусельге оставалось 29 картофельных участков, 7 коров и 2 быка, одна свинья и 4 овцы. Коз, «коров бедных», не осталось ни одной. Теперь на приусадебных участках есть место для красивых цветов, то есть, другими словами, для рекреационного использования земли. На снижение значимости производившихся на приусадебных участках продуктов особенно повлияло увеличение доходов пенсионеров.

Иван и Валентина представляют собой типичных жителей Койвусельги в описании изменений в значимости личного подсобного хозяйства. В начале 1990-х годов супруги уже были на пенсии, но продолжали как и прежде держать свой скот. У них всегда были корова, телята и овцы. Летом 1994 года семья держала даже две коровы. Молока было достаточно не только для трех внуков, все лето проводивших со своей бабушкой, но и для продажи соседям. Сено для скота заготавливали на лугах заброшенной деревни Рогокоски в десяти километрах от Койвусельги. На своем приусадебном участке в Койвусельге Иван и Валентина выращивали картофель, репу, капусту, лук, морковь, свеклу, огурцы, горох, помидоры и смородину. Картофель и репу, а также мясо овец и крупного рогатого скота передавали и семьям детей, проживающих в Петрозаводске. Продовольственные запасы также пополнялись рыбалкой, сбором ягод и грибов.

В 1994 году большая часть продовольствия домохозяйства Ивана и Валентины была произведена ими самими или собрана в лесу. В 2014 году доля своего производства была очень небольшой по сравнению с показателем 20-летней давности. Семья уже не держала скота, но в огороде по-прежнему выращивали для собственных нужд картофель, капусту, морковь, свеклу, лук и помидоры. Ягоды и грибы больше не собирали, но рыбу продолжали ловить. С Иваном и Валентине в доме жил их сын, который после выхода на пенсию вернулся из Петрозаводска в свой родной поселок. Хотя масштабы личного подсобного хозяйства за 20 лет значительно сократились, хозяева думают о будущем. Прошлым летом в доме была построена новая дымовая труба и печь, а к строительству второй печи семья как раз приступала. По словам опрошенных, пенсии трех человек было достаточно для всего необходимого.

Для анализа огородничества в Койвусельге интересно отметить, что вопрос о различиях и значении муниципальной и частной собственности на землю решался медленно. До 2001 года постоянный житель поселка мог зарегистрировать земельный участок по упрощенной процедуре и бесплатно. После 2001 года за землю необходимо платить налог. Жители Койвусельги часто проживают на участках так же, как и раньше, не оформляя, впрочем, их в собственность. К использованию земли они относятся как узупфруктуарии. В этом случае местному самоуправлению сложно собрать налог или доход с аренды земли.

Личное подсобное хозяйство также изменило свое значение как источник доходов. На вопрос о

том, какую часть доходов домашних хозяйств составляет собственное производство продуктов питания и дары природы, менее одной десятой опрошенных сообщили, что большинство их доходов поступало из этих источников. В этих домохозяйствах были безработные трудоспособного возраста, поэтому в отсутствие оплачиваемой работы не получавшие пенсию жители были заняты сбором ягод и грибов. В поселок приезжают скупщики, которым и продают ягоды. В большинстве случаев ответившие на этот вопрос заявили, что на доходы от продаж даров природы приходилось менее половины дохода их домашних хозяйств. В этом следует отметить значительные изменения по сравнению с 1990-ми годами, когда значительная часть денежных доходов поступала из этого источника.

В системе обеспечения продовольствием также произошли изменения в сравнении с 1990-ми годами, когда городские жители использовали сельскую местность как гарантию своего продовольственного снабжения. Теперь дети, живущие в городах, доставляют покупки, сделанные пенсионерами, а также привозят необходимые товары, когда приезжают в поселок для проведения свободного времени. В городе уровень цен ниже, ассортимент более разнообразный и качество лучше, чем в небольшом поселковом магазине. Поездки из города в поселок стали удобнее после капитального ремонта главной автодороги Петрозаводск–Сортавала, а владение автомобилем широко распространено. Хотя за последние десятилетия количество автомобилей увеличилось и в Койвусельге, в поселке по-прежнему большинство домашних хозяйств их не имеет. Поэтому жителям трудно добираться до города, особенно при отсутствии общественного транспорта. Доступность поселка для приезжающих из города улучшилась, но для жителей Койвусельги по-прежнему трудно добираться до мест за пределами поселка.

Поселок превращается в место проведения досуга

Рост значимости мобильности наиболее заметен в поселковом ландшафте Койвусельги в увеличении числа непостоянно проживающих в поселке жителей. По подсчетам представителя местной администрации в Койвусельге, сделанным летом 2014, в поселке насчитывалось 27 домов с круглогодичным проживанием в них жителей и 24 дома, населенных только в летнее время. Заброшенных домов в поселке имеется 13. В окрестностях Койвусельги на берегу озера Койвуярви нет отдельно стоящих летних домов подобных тем, которых много в Финляндии, и дачные дома расположены среди домов, в которых круглогодично проживают люди. Одной из причин отсутствия отдельно стоящих домов является малое количество сельских дорог и их плохое состояние, другой – страх перед их уничтожением вандалами.

Наряду с собственниками летних жилищ, значимой является группа регулярно проводящих время в поселке в гостях у постоянных жителей в период отпуска и выходные дни, в которую входят дети, внуки и другие родственники. Летом 2014 года в домах, охваченных нашим исследованием, проживали в дополнение к 64 постоянным жителям 56 человек, проводящих в поселке по меньшей мере месяц в году.

В последние десятилетия существования Советского Союза, и особенно в переходный период в начале 1990-х годов, летнее жилье имело большое значение для продовольственного обеспечения и городских жителей. На приусадебных участках выращивали продовольствие на зиму, а в лесу собирали ягоды и грибы. Однако, согласно некоторым исследованиям, важность дач как производителей продовольствия в России несколько изменилась в связи с увеличением доходов населения [32, 20]. Все возрастающее число людей уже не выращивают на дачах картофель и не держат огороды, а отдыхают и развлекаются. Однако в Койвусельге на большинстве дачных участков по-прежнему выращивают как минимум картофель, хотя на нескольких – только цветы.

Часть летних жителей – старики, прожившие большую часть своей жизни в поселке, но в настоящее время живущие зимой в городе. Некоторые используют как дачу опустевшие семейные дома. Типичный летний житель Койвусельги 77-летняя Нина, которая родилась в карельской деревне в шести километрах от поселка. Она переехала в Койвусельгу в возрасте 18 лет и работала в леспромхозе 32 года до выхода на пенсию. В Койвусельге она прожила почти все время с мужем в доме, который супруги построили сами. Овдовев, она стала проживать в зимнее время в районном центре, Пряже, летом возвращаясь в свой дом в Койвусельге. В последние годы на приусадебном участке она выращивает только картофель. Время от времени к ней приезжают дети, но не остаются надолго.

В самые последние годы дома в поселке стали покупать в качестве дач люди, не имевшие ранее отношения к Койвусельге. В поселке также было построено несколько совершенно новых домов для проведения летних отпусков. Покупатели старых домов обычно делают основательный ремонт и часто строят высокие заборы вокруг них. Дома для летнего проживания по общему правилу находятся в

лучшем состоянии, чем жилища для постоянного проживания. Работающие обычно проводят время на своих дачах во время летнего отпуска, пенсионеры – дольше. Новые жители, непостоянно проживающие в поселке, в основном обходятся своими силами в решении различных задач и не нуждаются в услугах жителей поселка даже для выполнения ремонтных работ.

Для будущего Койвусельги особый интерес представляют пришедшие люди, не имевшие ранее связи с поселком и покупающие неиспользуемые дома, или строящие совершенно новые дачные дома. Один из тех, кто купил заброшенный дом – недавно вышедший на пенсию Иван, работавший на Питкярантском целлюлозно-бумажном комбинате. С весны 2014 года он ремонтировал дом, который снаружи выглядит как совершенно новый. В конце июля он уже возводил новые хозяйственные постройки. Участок огорожен высоким забором, за которым слышен энергичный лай собаки.

На берегу озера Койвуярви за высоким металлическим забором находятся три дачных дома. Из садовых культур заметны только цветы. Одна из дач представляет собой капитально отремонтированный старый дом, а два других – совершенно новые, по стилю явно отличающиеся от других домов Койвусельги. Дома построены предпринимателем из Петрозаводска, который использует отремонтированный старый дом как дачу. Один из новых домов используется семьей его сына. Один из жителей деревни ухаживает за этим участком и отвечает за его охрану. Предприниматель из Петрозаводска купил и два других старых дома по соседству, полностью реконструировав их. Один из них он продал семье из Петрозаводска в качестве дачи, другой летом 2014 года еще продавался.

Прибывшие из других мест летние жители Койвусельги – очень недавнее явление. Расстояние от Петрозаводска до Койвусельги составляет всего 150 км, и, и за исключением последних 13 километров грунтовой дороги, главная автомагистраль находится в отличном состоянии. Летом 2014 года мы опросили в общей сложности 16 семей, проживающих в летнее время в Койвусельге, и у 10 из них постоянное жилье находилось в Петрозаводске, то есть, Койвусельга постепенно превращается в дачный поселок петрозаводчан. Тем не менее, Койвусельга вряд ли станет только дачным поселком, так как некоторые люди будут постоянно жить там и в зимнее время. Именно наличие постоянного населения в поселке и привлекает многих для приобретения здесь летнего жилья. Впрочем, дело не ограничивается только соображениями безопасности проживания при наличии постоянного населения, местные жители также создают особую атмосферу в поселке. По этой причине, для будущего поселка очень важно, как будет решен вопрос о сносимом ветхом и аварийном жилье, будут ли новые дома построены в Койвусельге или Ведлозере.

Аналогичное увеличение количества летних жителей наблюдается и в других бывших лесозаготовительных поселках российской Карелии, которые, как и Койвусельга, расположены в легкодоступных в транспортном отношении местах. Например, в поселке Ондозеро Муезерского района жители Костомукши приобрели заброшенные дома в качестве летних дач [31]. Расстояние от Костомукши до Ондозера составляет 170 километров, дорога асфальтирована, за исключением последних 35 километров грунтовой дороги. С другой стороны, в расположенном на большем расстоянии поселке Реболы, куда можно доехать только по плохой грунтовой дороге, неместные жители не покупают дома под летние дачи, хотя поселок, как и Ондозеро, находится на берегу озера в живописном месте.

Туристы и путешественники пока не добрались до Койвусельги и ее окрестностей. Однако жители Койвусельги сообщили нам о мужской кампании, которая приобрела дом в десяти километрах от заброшенной деревни Кормилиста в качестве базы для рыбалки, охоты и сбора ягод. Природный и сельский туризм в российской Карелии в последние годы быстро растут, поэтому в будущем это новое явление может в небольших масштабах затронуть и Койвусельгу. В Ведлозере, где находится администрация сельского поселения, и в непосредственной близости от этого карельского села уже имеются привлекательные для туристов объекты, такие как историческая деревня Кинерма и Дом Карельского языка.

Мобильность преобразует местность

Численность населения построенной в конце 1940-х годов Койвусельги сейчас составляет лишь одну десятую часть от максимального показателя. Тем не менее, в поселке, первоначально построенном как временный населенный пункт для проведения лесозаготовок, осталось население, хотя объем лесозаготовок начал снижаться уже в социалистическую эпоху и они были полностью прекращены в связи с переходом лесного хозяйства к условиям рынка и конкурентной экономики. В поселке, утратившем свое место в разделении труда лесного сектора, остались жить преимущественно пенсионеры. В последние годы в поселок потянулись люди, ранее не имевшие связей с деревней. Сегодня поселковая жизнь развивается и различными способами вступает в связь с другими местами и

группами населения.

Жизненный цикл лесозаготовительных поселков по ту сторону границы, в Финляндии, был весьма похож на описанный нами выше, хотя изменения в их судьбе не были такими радикальными, как в российской Карелии. Советская модель лесозаготовок основывалась на других технологиях и организации работы в сравнении со скандинавской моделью. После перехода к рыночной экономике скандинавская технология лесозаготовок и организационная модель лесных работ быстро были перенесены в лесное хозяйство Карелии. В Койвусельге это яснее всего проявляется в аутсорсинге лесных работ, передаче их внешним подрядчикам, в результате чего местное население теряет работу, которую выполняют прибывающие издалека работники, мобильная рабочая сила. В результате этого развития многие из жителей Койвусельги трудоспособного возраста, зарегистрированные в родном поселке, стали ее «невидимым населением», работающим и проживающим в городе. Пребывание в этом переходном состоянии и связанная с ним мобильность могут оказать помощь в гибкой организации повседневной жизни.

Мобильность и «многоместность» в Койвусельге, связанные с отделением друг от друга места работы и проживания, являются примерами неприменимости общепринятых отправных точек, объясняющих социально-экологическую устойчивость и обновление многих местных лесозаготовительных сообществ на Северо-Западе России [33]. Формы работы и организация производства в нынешней конкурентной среде российского лесохозяйственного сектора больше не увязывают наемную работу и место проживания с системой местных сообществ, как это было раньше. Различные группы населения даже такого небольшого сообщества, как Койвусельга, находятся в постоянном движении в различных направлениях, разными способами и с разными целями, либо стремясь совместить работу и место проживания, либо для проведения свободного времени.

Как и в сельской местности Западной Европы, в Койвусельге возобладали связанные с *мобильным постпродуктивизмом* мобильность и «многоместность». Все больше жителей поселка постоянно перемещаются с одного места в другое, и живут в поселке только часть года. Койвусельга – не просто место, где круглогодично или часть года проживают местные пенсионеры, но и место летнего отдыха для городских жителей. Переход к рыночной экономике создал рынок домов, предназначенных для проведения свободного времени. Как и в Западной Европе [27; 59], места в российской Карелии, прежде всего, расположенные вблизи рек и озер и имеющие легкую транспортную доступность, привлекают покупателей летних дачных домов. Это движение людей в российской Карелии, впрочем, ограничивается плохим состоянием многих дорог. Таким образом, подобным Койвусельге поселкам, до которых горожанам относительно легко добраться, легче развиваться, чем другим населенным пунктам в качестве мест проведения свободного времени.

Увеличение мобильности также влияет на организацию повседневной жизни и оказание услуг, поскольку уровень социальных услуг в лесных поселках снижается, а численность населения уменьшается. Некоторые из услуг, доступных в Койвусельге, стали мобильными, некоторые доступны в 50 км в Ведлозере. Отдаленные поселки становятся все более зависимыми от административных центров сельских поселений и городов, предоставляющих как рабочие места, так и услуги. Хотя автодорога Петрозаводск–Сортавала в настоящее время и находится в лучшем, чем прежде состоянии, мобильность жителей Койвусельги ограничивается отсутствием общественного транспорта и небольшим количеством личных автомобилей. Направление развития социальных сетей в поселке изменилось в пользу города, так как многие из базовых товаров и услуг доставляются близкими родственниками из города в Койвусельгу.

Развитие экономических и социальных отношений в бывших лесозаготовительных поселках российской Карелии в постсоциалистическую эпоху явно приближается к моделям, характерным для Западной Европы. Дискурс о характерном для карельских лесных поселков «другом модерне», учитывая направление их технологического, хозяйственного и производственного развития, в настоящее время представляется нецелесообразным. Денежные рынки и рыночные механизмы в подавляющем большинстве заменили экономику самообеспеченности и натурального обмена, игравшую ключевую роль в переходный период. Впрочем, социальные сети и теневая экономика по-прежнему играют определенную роль в поддержании повседневной жизни. Это означает то, что в сельской местности Карелии наблюдаются некоторые остаточные явления, характерные для «другого модерна». После завершения нашего полевого исследования в июле 2014 года цены на продовольствие в России резко выросли. Если рост цен продолжится в течение длительного времени, экономическое значение домашнего хозяйства в поддержании повседневной жизни в сельских районах снова возрастет, и роль социальных сетей между сельскими и городскими районами изменится.

Список литературы

1. Alanen I., Nikula J., Granberg L. & Kopoteva I. Monitoimisuutta ja palstaviljelyä – maaseudun sopeutuminen kapitalismiin Venäjän Karjalassa // *Idäntutkimus*. 2003. № 10:2. S. 11–17.
2. Barnes T. J. & Hayter R. (2005), No “Greek-Letter Writing”: Local Models of Resource Economies // *Growth and Change*. 2005. №36:4. P. 453–470.
3. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Research Practice*. Ed. C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium & D. Silverman. London: Sage, 2007. P. 390–404.
4. Hakamies P. The Modernisation of the Soviet Karelian Countryside: The case of Vieljärvi/Vedlozero from the 1920s to the 1960s. // *FF Network* 35. 3–9, December 2008.
http://www.folklorefellows.fi/?page_id=470
5. Halfacree K. Contrasting roles for the post-productivist countryside. A postmodern perspective on counterurbanisation. – *Contested Countryside Cultures*. Ed. Paul Clokel & Jo Little. London: Routledge, 1997. P. 70–93.
6. Ilbery B. & Bowler I. From agricultural productivism to post-productivism. Ed. Brian Ilbery. *The Geography of Rural Change*. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
7. Kangaspuro M. & Smith J. (ed.) *Modernisation in Russia since 1900*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006.
8. Karkinen K. Kotitarvemaatalous ja ruuan hankinta metsätyökylässä // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 140–151.
9. Klementjev J. Koivuselkä ja koivuselkäläiset. // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 86–103.
10. Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988.
11. Kortelainen J. & Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // *Eurasian Geography and Economics*. 2003. № 44:5. P. 384–402.
12. Kortelainen J. & Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // *Economic Geography*. 2015. № 91:1. P. 59–82.
13. Lehtonen M. Miten tutkia liikkuvaa maailmaa? – Liikkuva maailma. Liike, raja, tieto. Toim. Mikko Lehtonen. Tampere: Vastapaino, 2013.
14. Mather A. S. Forests of consumption: postproductivism, postmaterialism, and the postindustrial forest // *Environment and Planning*. 2001. № 19:2 P. 249–268.
15. Melin H. Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysjohtajista Neuvostoliitossa ja Venäjällä. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996.
16. Müller D. K. & Hall C. M. Second Homes and Regional Population Distribution: On Administrative Practices and Failures in Sweden. – *Espace, Populations, Societies* 2003. № 2. P. 251–261.
17. Müller D. K. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues // *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Ed. C. Michael Hall & Dieter K. Müller. Clevedon: Channel View 2004. P. 244–258.
18. Myllynen A.-L. & Saastamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous. Joensuu: Joensuun yliopisto, Metsätieteellinen tiedekunta, 1995.
19. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // *Теория и социальные функции географии*. 2012. № 3. С. 7–22.
20. Нефедова Т. Г. Горожане и дачи // *Отечественные записки*. 2012. № 3. URL:
<http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>.
21. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi – Venäjän maatalouden tie? // *Katse Venäjään – suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia*. Toim. Jouko Nikula. Helsinki: Aleksanteri-instituutti. 2006. S. 189–217.
22. Oksa J. (toim.). *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998.
23. Oksa J. *Koivuselkä Karjalan metsäkompleksin osana* // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 153–165.
24. Pietiläinen J. *Moderni, sanomalehti ja Venäjä: Karjalan tasavallan aluelehdistö muutoksessa 1985–1997*. Tiedotusopin lisensiaatintutkimus, Tampereen yliopisto, 1998.
25. Piipponen M. *Asuminen Venäjän Karjalan metsätyökylässä* // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 125–138.
26. Piipponen M. *Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Lähi-Venäjällä: resurssi- ja teollisuusyhteisöjen haasteet*. Helsinki: Kikimora publications, 2007.
27. Pitkänen K. *Mökkimaisema muutoksessa. Kulttuurimaantieteellinen näkökulma mökkeilyyn*. Joensuu: Itä-Suomen yliopisto, Yhteiskuntatieteiden ja kauppatieteiden tiedekunta, 2011.
28. Pursiainen C. *Venäjän idea, utopia ja missio*. Helsinki: Gaudeamus, 1999.
29. Rannikko P. *Koivuselän ympäristön vanhojen karjalaishätylien kohtalo* // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 73–84.

30. Rannikko P. Maaseudun näkymätön väestö // *Maaseudun uusi aika*. 2014. № 22:2. P. 34–42.
31. Rannikko P. Sadan asukkaan kylän lumo // *Karjalan Sanomat* 9.7.2014.
32. Southworth C. The Dacha Debate: Household Agriculture and Labour Markets in Post-Socialist Russia. – *Rural Sociology*. 2006. № 71:3. P. 451–478.
33. Södör U. Community Resilience and Wellbeing in Northwest Russian Forestry Settlements. Jyväskylä Studies in Education, Psychology and Social Research 408. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2011.
34. Therborn G. Maailma. Aloitteijan opas. Tampere: Vastapaino, 2012.
35. Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for twenty-first century*. London: Routledge, 2000.
36. Urry J. Mobile Sociology // *British Journal of Sociology*. 2000. № 51:1. P. 185–203.
37. Varis E. Syrjäkyläen murros Venäjän Karjalassa ja Unkarissa. Tutkimus postsosialistisen maaseudun restrukturaatiosta ja resurssiyhdyskuntien selviytymisestä. Joensuu: Joensuun yliopisto, Yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja, 1998.
38. Varis E. Yksityistämisen seuraukset ja arkipäivän selviytyminen transitiossa // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 105–123.
39. Varis E. (ed.) *Transitional Survival Strategies of Peripheral Resource Communities in Hungary and North-western Russia*. Helsinki: Finnish Institute for Russian and East European Studies, 2000.

References

1. Alanen I., Nikula J., Granberg L. & Kopoteva I. Monitoimisuutta ja palstaviljelyä – maaseudun sopeutuminen kapitalismiin Venäjän Karjalassa // *Idäntutkimus*. 2003. № 10:2. S. 11–17.
2. Barnes T. J. & Hayter R. (2005), No “Greek-Letter Writing”: Local Models of Resource Economies // *Growth and Change*. 2005. №36:4. P. 453–470.
3. Flyvbjerg B. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Research Practice*. Ed. C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium & D. Silverman. London: Sage, 2007. P. 390–404.
4. Hakamies P. The Modernisation of the Soviet Karelian Countryside: The case of Vieljärvi/Vedlozero from the 1920s to the 1960s. // *FF Network* 35. 3–9, December 2008. http://www.folklorefellows.fi/?page_id=470
5. Halfacree K. Contrasting roles for the post-productivist countryside. A postmodern perspective on counterurbanisation. – *Contested Countryside Cultures*. Ed. Paul Clokel & Jo Little. London: Routledge, 1997. P. 70–93.
6. Ilbery B. & Bowler I. From agricultural productivism to post-productivism. Ed. Brian Ilbery. *The Geography of Rural Change*. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
7. Kangaspuro M. & Smith J. (ed.) *Modernisation in Russia since 1900*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006.
8. Karkinen K. Kotitarvemaatalous ja ruuan hankinta metsätyökylässä // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 140–151.
9. Klementjev J. Koivuselkä ja koivuselkäläiset. // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 86–103.
10. Klementyev E. I., Kozhanov A. A. The rural environment and population of Karelia in 1945–1960 [Selskaja sreda i naselenije Karelii 1945–1960 gg.]. Historical and sociological essays [Istoriko-sotsiologicheskie ocherki]. L.: Nauka, 1988.
11. Kortelainen J. & Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // *Eurasian Geography and Economics*. 2003. № 44:5. P. 384–402.
12. Kortelainen J. & Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // *Economic Geography*. 2015. № 91:1. P. 59–82.
13. Lehtonen M. Miten tutkia liikkuvaa maailmaa? – *Liikkuva maailma*. Liike, raja, tieto. Toim. Mikko Lehtonen. Tampere: Vastapaino, 2013.
14. Mather A. S. Forests of consumption: postproductivism, postmaterialism, and the postindustrial forest // *Environment and Planning*. 2001. № 19:2 P. 249–268.
15. Melin H. Suunnitelman varjossa. Tutkimus yritysjohtajista Neuvostoliitossa ja Venäjällä. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996.
16. Müller D. K. & Hall C. M. Second Homes and Regional Population Distribution: On Administrative Practices and Failures in Sweden. – *Espace, Populations, Societies* 2003. № 2. P. 251–261.
17. Müller D. K. Second Homes in Sweden: Patterns and Issues // *Tourism, Mobility and Second Homes: Between Elite Landscape and Common Ground*. Ed. C. Michael Hall & Dieter K. Müller. Clevedon: Channel View 2004. P. 244–258.
18. Myllynen A.-L. & Saastamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous. Joensuu: Joensuun yliopisto, Metsätieteellinen tiedekunta, 1995.
19. Nefedova T. G. The Main Trends in the Changing Social and Economic Space of Rural Russia [Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsial’no-ekonomicheskogo prostranstva sel’skoi Rossii] // *Theory and Social Functions of Geography [Teoriya i sotsial’nyie funktsii geografii]*. 2012. № 3. P. 7–22.
20. Nefedova T. G. Townspeople and dachas [Gorozhane i dachi] // *Otechestvennye zapiski*. 2012. № 3. URL:

<http://www.strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>

21. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyriytyksiksi – Venäjän maatalouden tie? // *Katse Venäjään – suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia*. Toim. Jouko Nikula. Helsinki: Aleksanteri-instituutti. 2006. S. 189–217.
22. Oksa J. (toim.). Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998.
23. Oksa J. Koivuselkä Karjalan metsäkompleksin osana // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 153–165.
24. Pietiläinen J. Moderni, sanomalehti ja Venäjä: Karjalan tasavallan aluelehdistö muutoksessa 1985–1997. Tiedotusopin lisensiaatintutkimus, Tampereen yliopisto, 1998.
25. Piipponen M. Asuminen Venäjän Karjalan metsätyökylässä // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 125–138.
26. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Lähi-Venäjällä: resurssi- ja teollisuusyhteisöjen haasteet. Helsinki: Kikimora publications, 2007.
27. Pitkänen K. Mökkimaisema muutoksessa. Kulttuurimaantieteellinen näkökulma mökkeilyyn. Joensuu: Itä-Suomen yliopisto, Yhteiskuntatieteiden ja kauppatieteiden tiedekunta, 2011.
28. Pursiainen C. Venäjän idea, utopia ja missio. Helsinki: Gaudeamus, 1999.
29. Rannikko P. Koivuselän ympäristön vanhojen karjalaishätylien kohtalo // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 73–84.
30. Rannikko P. Maaseudun näkymätön väestö // *Maaseudun uusi aika*. 2014. № 22:2. P. 34–42.
31. Rannikko P. Sadan asukkaan kylän lumo // *Karjalan Sanomat* 9.7.2014.
32. Southworth C. The Dacha Debate: Household Agriculture and Labour Markets in Post-Socialist Russia. – *Rural Sociology*. 2006. № 71:3. P. 451–478.
33. Södör U. Community Resilience and Wellbeing in Northwest Russian Forestry Settlements. *Jyväskylä Studies in Education, Psychology and Social Research* 408. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2011.
34. Therborn G. Maailma. Aloittelijan opas. Tampere: Vastapaino, 2012.
35. Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for twenty-first century*. London: Routledge, 2000.
36. Urry J. *Mobile Sociology* // *British Journal of Sociology*. 2000. № 51:1. P. 185–203.
37. Varis E. Syrjäkylien murros Venäjän Karjalassa ja Unkarissa. Tutkimus postsosialistisen maaseudun restrukturaatiosta ja resurssiyhdyskuntien selviytymisestä. Joensuu: Joensuun yliopisto, Yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja, 1998.
38. Varis E. Yksityistämisen seuraukset ja arkipäivän selviytyminen transitiossa // *Koivuselkä – metsätyökylä Venäjän Karjalassa*. Toim. Jukka Oksa. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1998. S. 105–123.
39. Varis E. (ed.) *Transitional Survival Strategies of Peripheral Resource Communities in Hungary and North-western Russia*. Helsinki: Finnish Institute for Russian and East European Studies, 2000.

Koivusel'ga. Social transformation of forestry settlement in Russian Karelia (translation from Finnish by Y. M. Kilin)

RANNIKKO
Pertti

*Doctor of Sociology,
Professor of ecology,
University of Eastern Finland (Joensuu Campus),
Department of Geographical and Historical Studies,
Joensuu, Finland, pertti.rannikko@uef.fi*

VARIS
Eira

*Doctor of Sociology,
Director of Development,
Regional Council of North Karelia,
Joensuu, Finland, eira.varis@pohjois-karjala.fi*

PIIPPONEN
Minna

*Doctor of Sociology,
Karelian Research Institute,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland, minna.piipponen@uef.fi*

Keywords:

Koivusel'ga
social mobility
postproductivism
social networks
timber industry complex

Summary:

The article focuses on the development of mobile, post-productivist countryside in Russian Karelia. We analyse the forestry village of Koivuselkä during the last 20 years. The emergence of mobile society has modernised the social networks and everyday life of the village. People have today connections to many places through their work, leisure, and housing. Forestry work employs mobile labour instead of local inhabitants, and the village is transforming to a place, where non-locals spent leisure time. Everyday life of the permanent inhabitants is also divided between multiple places and more mobile than earlier.

УДК 330.3

Потребительское поведение в Республике Карелия: необходимость государственного регулирования

РУГАЧЕВА

Анжела

Владимировна

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и
менеджмента,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Россия, rav@sampo.ru*

ФОКИНА

Полина

Алексеевна

*студентка II курса магистратуры,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Россия, polina-fokina@inbox.ru*

Ключевые слова:

Потребительское поведение
совокупный спрос
государственное регулирование
экономики

Аннотация:

Экономика Республики Карелия в последние годы находится в сложном положении. По данным Карелиястат индекс физического объема валового регионального продукта неуклонно снижается, индекс физического объема инвестиций в основной капитал также падает, растет число безработных, индекс физического объема оборота розничной торговли имеет неблагоприятную тенденцию изменения. Все это свидетельствует об экономическом кризисе. В 2015 году учеными Высшей школы экономики Карелия была отнесена к группе регионов с пониженной бюджетной обеспеченностью, высоким и сверхвысоким уровнем долговой нагрузки, средним и большим дефицитом бюджета. Все это ставит на повестку дня поиск путей увеличения валового регионального продукта и доходов регионального и местных бюджетов. Управление потреблением является сложной системой, благодаря которой достигается рост совокупного спроса, объемов производства, выход из кризиса и стимулирование роста экономики. У государства самый широкий спектр механизмов влияния на потребительское поведение, в его руках огромный ассортимент ресурсов не только экономических, но и политических, идеологических, административных. Государственное регулирование влияет на принятие финансовых решений домохозяйствами, в том числе за счет изменения ключевой ставки процента, размера социальных выплат, определения минимального размера оплаты труда и других инструментов. Принятие финансовых решений населением в наибольшей степени обусловлено размерами и динамикой располагаемого дохода, а также другими факторами, среди которых значительная роль отводится реализуемой политике государственного регулирования.

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Важнейшим макроэкономическим показателем, характеризующим уровень развития экономики, является валовой внутренний продукт (ВВП). Он определяется как совокупность добавленных стоимостей, созданных в национальной экономике всеми экономическими субъектами за определенный период. ВВП можно определить на основе трех подходов: как сумму произведенных товаров, как сумму расходов экономических субъектов или как сумму доходов экономических субъектов. [1; 97]. Соответственно уровень развития региона определяется величиной и темпами роста валового регионального продукта (ВРП), для которого также является справедливым все вышесказанное. Размер ВРП непосредственным образом связан с уровнем жизни населения и уровнем налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Для того чтобы предприниматели производители товары, работы или услуги, на их продукцию должен быть предъявлен соответствующий спрос. Совокупный спрос (AD) есть сумма агрегатов, которые определяют уровень данного показателя:

$$AD = C + I + G + NX,$$

где: C – потребительские расходы,

I – инвестиционные расходы,

G – государственные расходы,

NX – чистый экспорт.

Очевидно, что важнейшей задачей региональных властей является организация деятельности по регулированию ВРП, т.е. создание необходимых условий для роста агрегатов совокупного спроса. Одним из важнейших среди них, за которым стоит самый многочисленный экономический субъект, является потребительский спрос, который в свою очередь определяется потребительским поведением.

Потребительское поведение – это цепочка действий, осуществляемая отдельным индивидом или группой людей, которая включает в себя такие процессы, как выбор, приобретение, применение и утилизация различных товаров, услуг, идей или впечатлений с целью удовлетворения своих нужд и желаний. Данная категория является достаточно сложной и формируется под воздействием множества факторов: цены на товары, и услуги, доходов потребителей, их предпочтений, а также культурных и социальных ценностей, личностных характеристик и многих других.

Поведение потребителей в регионе за определенный период можно охарактеризовать с помощью динамики потребительских расходов. На Рис.1 представлены результаты корреляционного анализа, доказывающие наличие тесной связи между потребительскими расходами и величиной ВРП Карелии [4]. Для анализа был взят период с 2002 по 2013 г. Корреляционное поле наглядно демонстрирует сильную прямую связь между показателями (коэффициент корреляции равен 0,973).

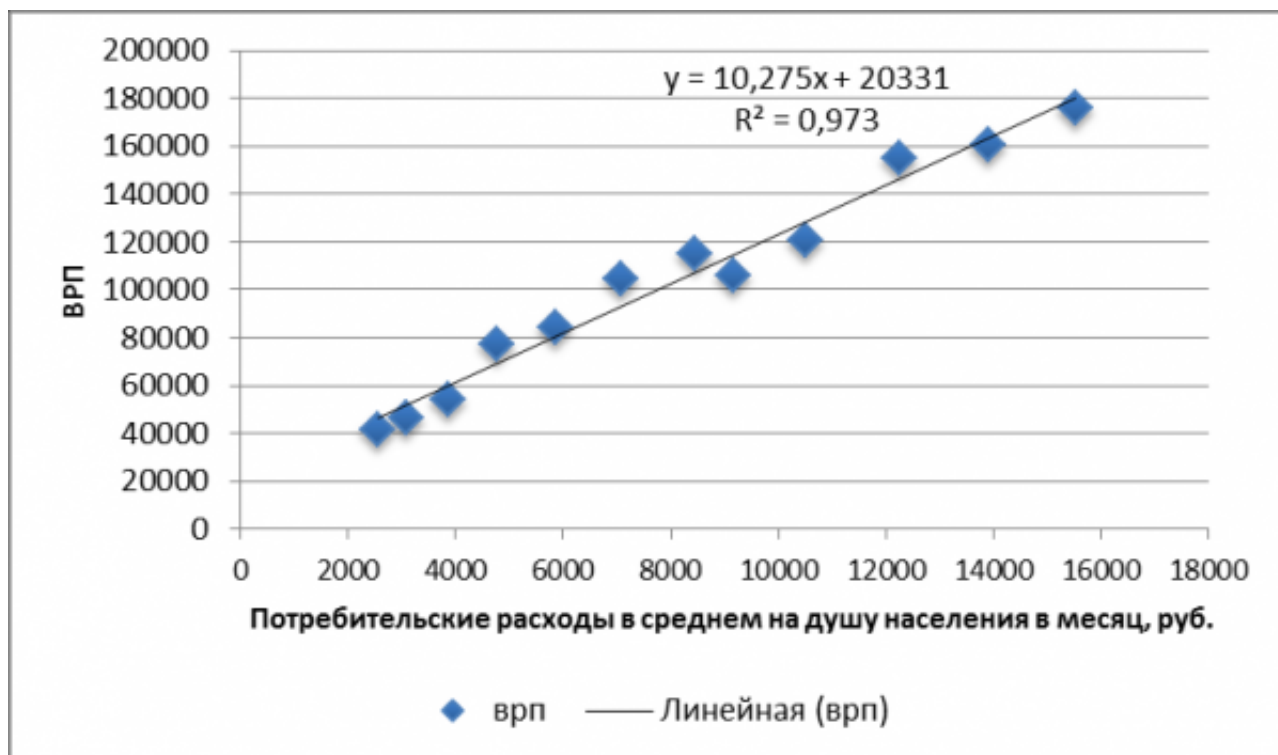

Рисунок 1. Корреляционное поле, где x – потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц в РК, руб., а y – ВРП. Составлено на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики [6].

Понятия потребительского и покупательского поведения являются синонимичными. Формируя совокупный спрос, данная категория оказывает непосредственное влияние на развитие как отдельных регионов, так и страны в целом. Однако это влияние, во-первых, опосредованно определенными социально-экономическими условиями, во-вторых, данная категория формируется под воздействием различных факторов, которые условно можно разделить на рациональные и нерациональные, а также действия предпринимательских и государственных структур (Рис. 2) [4].

Рисунок 2. Влияние потребительского поведения на рост экономики.

Государственное регулирование играет особую роль в зависимости между потребительским поведением и развитием региона. Оно не только влияет на формирование доходов домохозяйств с помощью таких инструментов как определение минимального размера оплаты труда, социальных

выплат, установление заработной платы у работников бюджетных учреждений. Оно также формирует определенную структуру потребительских расходов. В руках у макроэкономического регулятора множество рычагов воздействия: ключевая ставка ЦБ РФ, возможность регулирования уровня цен в определенных отраслях и тарифов в области газоснабжения, в электроэнергетике, в коммунальном комплексе, в сфере теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения.

Наибольшую долю в источниках доходов жителей Республики Карелия занимает оплата труда, в 2014 г. ее удельный вес в общей сумме денежных доходов населения составил 47,7 %, на втором месте социальные трансферты – 30,3 %. Подобная структура говорит о значительной роли государственного регулирования в формировании доходов населения, при этом потребность населения в государственной поддержке, в том числе социального характера в последнее время растет, так как реальные располагаемые среднедушевые денежные доходы населения последние три года имеют тенденцию к спаду, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2015 г. достигла своего пика за последние 6 лет и составила 16,6 %, дефицит денежного дохода малоимущего населения также растет (Рис. 3).

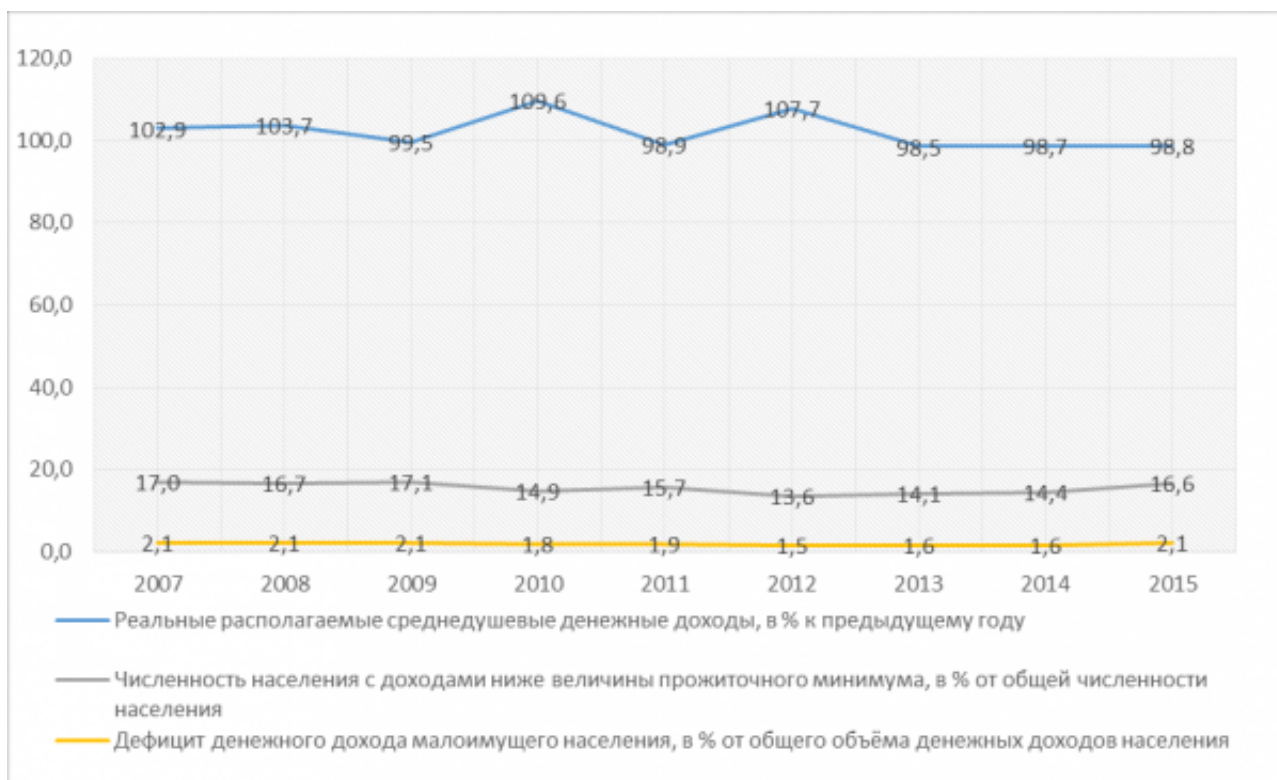

Рисунок 3. Динамика показателей уровня доходов населения в Республике Карелия. Составлено на основе данных официального сайта ТО ФСГС [7].

Социальная поддержка населения имеет особое значение в формировании потребительских настроений и включает в себя, как отмечалось автором ранее, определение величины прожиточного минимума (величина прожиточного минимума в среднем на душу населения в месяц в Карелии в 2015 г. составила 11569,0 руб., что выше уровня Российской Федерации на 1868 руб.); определение расходов консолидированного бюджета Республики Карелия на социальную политику (в 2015 г. 20,6 % от общего объема расходов консолидированного бюджета Республики Карелия на социально-культурную сферу пришлось на социальную политику), и прочее. В структуре социальных выплат наибольший удельный вес занимает пенсия (75,5 % в 2014 г.), далее – пособия и социальная помощь (21,6%), остальное – страховые возмещения и стипендии.

Безмерное увеличение социальной нагрузки на государство может отрицательно отразиться на эффективности экономики, поэтому регулировать потребительское поведение необходимо с помощью различных инструментов. Например, так как доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума растет, то, значит, домохозяйства по мере увеличения доли данной категории населения становятся более чувствительным к ценам. В Республике Карелия цены на большинство видов продукции постоянно растут. В 2015 г. наибольший прирост наблюдается у тарифов на грузовые

перевозки (118,2%), а также цен производителей промышленных товаров, реализуемых на внутреннем рынке (112,4%) и потребительских цен (112,3%) (Рис. 4). Стоит отметить, что государственная тарифная политика значительно влияет на темпы роста цен и тарифов, а также структуру затрат как потребителей, так и предпринимателей. То есть при определении тарифной политики государству необходимо находить некий баланс, так как изменения тарифов отражается на развитии предпринимательства в регионе, а также рост цен и тарифов может отрицательно сказаться на эффективности производства и потребительском спросе. Со стороны спроса, существующие изменения тарифов для конечных потребителей ложатся ощутимым бременем на их бюджеты и становятся фактором его ограничения.

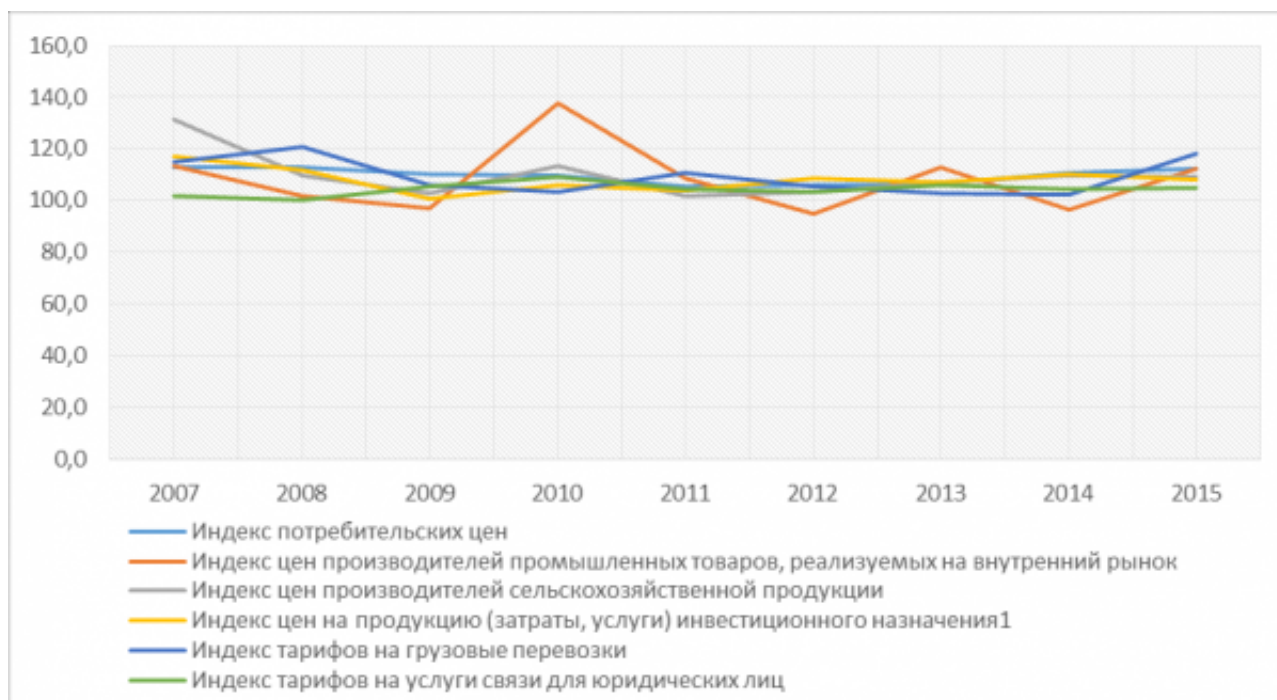

Рисунок 4. Индексы цен в секторах экономики (декабрь к декабрю предыдущего года, %).

Составлено на основе данных официального сайта ТО ФСГС [7].

Например, одним из основных направлений потребительских расходов в общей сумме затрат на оплату услуг является оплата жилищно-коммунальных услуг. В 2012 г. по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) для 72% россиян повышение тарифов на услуги ЖКХ стало серьезной нагрузкой на семейный бюджет, что подтверждает существенное влияние уровня тарифов на структуру потребительских расходов [2]. В Республике Карелия удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг в общей сумме расходов на оплату услуг в 2014 г. составил 40,7%. В течение всего рассматриваемого периода этот показатель по Карелии больше, чем по Северо-Западному федеральному округу и по России (Рис.5).

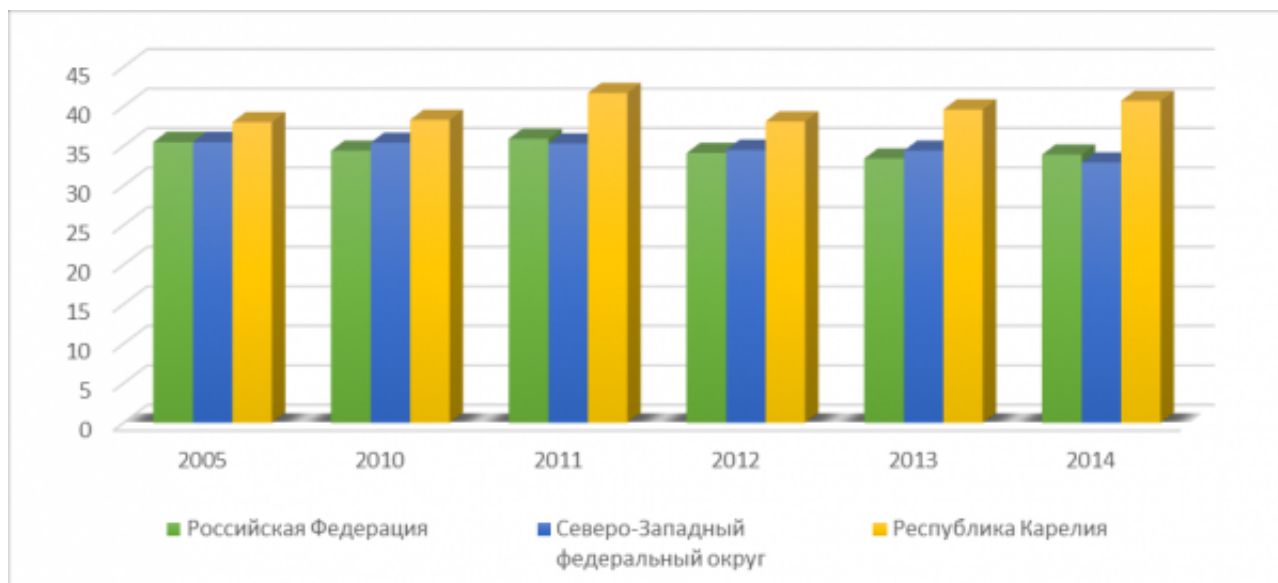

Рисунок 5. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, в процентах от общей суммы расходов на оплату услуг. Составлено на основе данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики [6].

Еще одним важным направлением расходов потребителей являются услуги пассажирских перевозок. В период с 2011 по 2015 г. цены на данную категорию услуг неизменно растут, при этом максимальный рост наблюдался в 2013 г., индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года) на эту услугу составил 116,2%, в 2015 г. – 107,2 %. При этом государство имеет возможность влиять на цены некоторых видов пассажирских перевозок. Также стоит еще раз отметить значительный рост тарифов на грузовые перевозки (Рис. 4), так как их динамика отражается на затратах производителей и, как результат, на уровне потребительских цен. К сожалению, в стране нет установленных правил и нормативов государственного регулирования тарифов, которые бы не ограничивали интересов определенных экономических субъектов и экономического развития как регионов, так и всей страны [2].

Обозначив некоторые инструменты государственного регулирования потребительского поведения, а именно роль социальной поддержки, а также тарифного регулирования важно отметить, что ни один из них не даст необходимый эффект, если у населения отсутствует доверие к государству и его политике. По данным еженедельных оценок одобрения и неодобрения деятельности государственных институтов за последний месяц на 23.10.2016 индекс доверия Президенту России составил 71, Правительству России – 28, Государственной Думе России – 11, Совету Федерации России – 21 [5]. Индексы рассчитываются как разница между положительными и отрицательными оценками. Несмотря на то, что индекс имеет положительное значение, подобный уровень достаточно низкий, что говорит о наличии некоторых проблем в отношениях между населением и властью, что в свою очередь влияет на эффективность реализации государственного регулирования.

Индекс потребительского доверия также на достаточно низком уровне (Рис.6). Его значение в сентябре 2016 года составило 35, в то время как его максимальное значение 90, а минимальное – 10. Подобный результат демонстрирует неготовность потребителей совершать серьезные траты, что может быть связано с экономической нестабильностью и низким уровнем доверия к государственным структурам.

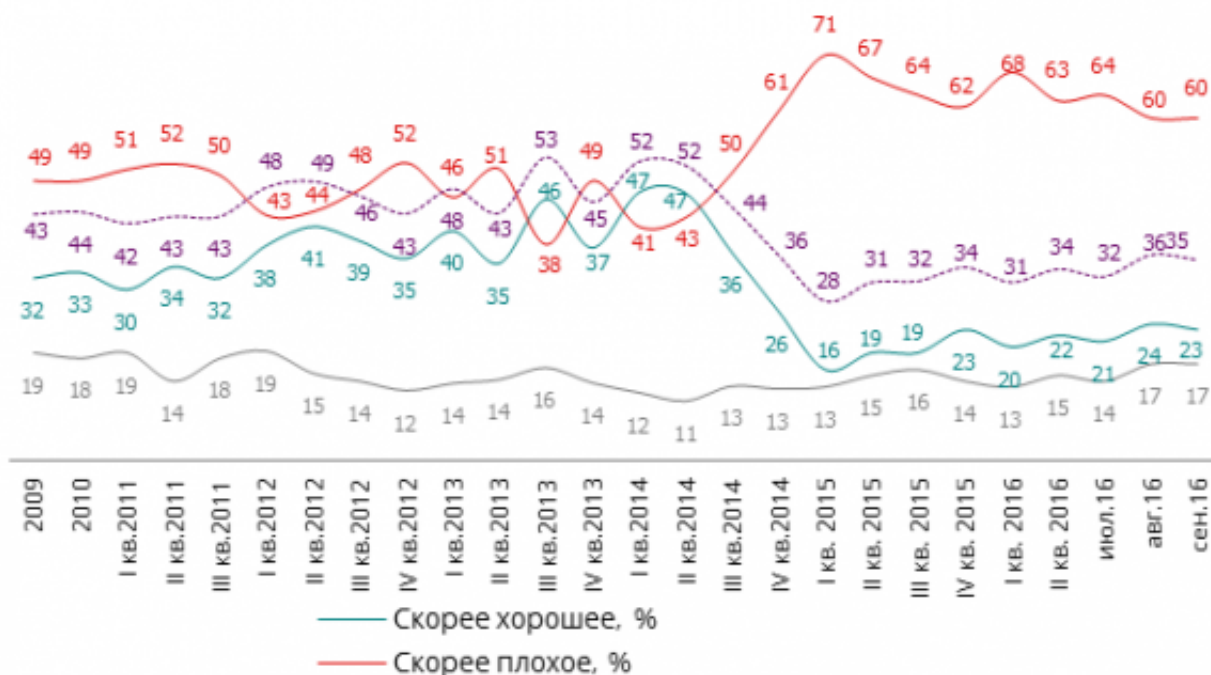

Рисунок 6. Динамика индекса потребительского доверия[4]

Потребительскую активность сдерживают и долги по заработной плате. Мы уже писали ранее о неблагоприятном положении Карелии в сравнении с другими регионами Северо-Западного федерального округа в части обрабатывающих производств [3].

В заключении хочется обратить внимание еще на один аспект, связанный с возможностями государственного регулирования потребительского поведения на уровне региона. Если вернуться к агрегатам совокупного спроса, то нетрудно заметить между ними тесную взаимосвязь. Чем больше население потребляет товаров, работ или услуг, тем больше производитель склонен расширять и модернизировать свой бизнес. Однако, в случае регулирования регионального валового продукта важно, чтобы задействованными в этой цепочке оказались бы именно местные предприниматели. Другими словами, выбирая в торговом центре мясо, сыр или молоко, потребитель должен выбрать продукцию местного производителя. Существует ли здесь поле для государственного регулирования? Нам представляется, что да. В качестве инструментов могут выступать:

- информирование населения о существовании и преимуществах продукции местного производителя;
- использование маркетинговых технологий для формирования у потребителей патриотических настроений в отношении региональных производителей;
- повышение экономической грамотности населения;
- экономическая поддержка местных предпринимательских структур для обеспечения конкурентоспособности по отношению к крупным производителям.

Должна существовать государственная политика, направленная на регулирование потребительского поведения в рассмотренном контексте. Для ее реализации, конечно, необходимы источники финансирования. Первые три инструмента предполагают активную информационную компанию региональной власти в средствах массовой информации, проведение различных выставок, ярмарок и т.п. Экономическая поддержка должна выражаться в налоговых льготах, субсидировании тарифов, помощи в привлечении инвесторов, предоставлении льготных кредитов и т.п.

Сложившаяся в настоящее время геополитическая ситуация предоставляет благоприятную возможность с успехом воспользоваться многими из предложенных инструментов на основе понимания взаимосвязи между показателями экономического развития региона и факторами совокупного спроса, а также при условии профессионального подхода к прогнозированию возможных сценариев экономического развития республики.

Список источников и литературы

1. Акулов В. Б. Макроэкономика. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 392 с.
2. Герасименко В. В. О роли государственного регулирования в создании условий развития российских регионов: пример тарифной политики / В. В. Герасименко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3. С. 65–73.
3. Ругачева А. В. Проблемы в экономике Республики Карелия: влияние кризиса или закономерный результат? / А. В. Ругачева, С. С. Верешко // *Studia Humanitatis Borealis*. 2015. №2. С.43–54. [Электронный ресурс]. URL: <http://sthb.petrSU.ru/journal/nlist.php>, свободный. (Дата обращения 11.11.2016).
4. Фокина П. А. Потребительское поведение и его влияние на показатели развития региона [Электронный ресурс] / П. А. Фокина, А. В. Ругачева // Электронное научно-практическое периодическое издание «Экономика и социум». 2015. № 6 (19). [Электронный ресурс]. URL: <http://iupr.ru>, свободный. (Дата обращения 19.10.2016).
5. База данных Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Всероссийский центр изучения общественного мнения. Электрон.дан. [Москва], 2016. URL: <http://wciom.ru>, свободный. (Дата обращения 08.11.2016).
6. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Электрон.дан. [Москва], 2015. URL: <http://www.gks.ru>, свободный. (Дата обращения 01.10.2016).
7. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Электрон.дан. [Петрозаводск]. 1999. URL: <http://krl.gks.ru>, свободный. (Дата обращения 20.10.2016).

References

1. Akulov V. B. *Makroekonomika* [Macroeconomics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2006. 392 p.
2. Gerasimenko V. V. On the role of government regulation in creating conditions for the development of Russian regions: the case of tariff policy [O roli gosudarstvennogo regulirovaniya v sozdanii usloviy razvitiya rossiyskikh regionov: primer tarifnoy politiki]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obschestvennye nauki*. [Journal of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: humanities and social sciences]. Kaliningrad, Kant BFU Publ., 2013. Vol. 3. P. 65–73.
3. Rugacheva A. V. The problems in the economy of the Republic of Karelia: crisis influence or natural result? [Problemy v ehkonomie Respubliki Kareliya: vliyanie krizisa ili zakonomernyy rezul'tat?]. Available at: <http://sthb.petrSU.ru/journal/nlist.php> (accessed 11 November 2016).
4. Fokina P. A. Consumer behavior and its impact on the development indicators in the region. [Potrebitel'skoepovedenie i ego vliyanienapokazatelirazvitiyaregiona]. Available at: <http://iupr.ru> (accessed 19 October 2016).
5. Database of the Russian public opinion research center. [Baza dannykh Vserossiyskogo tsentra izucheniya obschestvennogo mneniya]. The Russian public opinion research center. [Vserossiyskiy tsentr izucheniya obschestvennogo mneniya]. Available at: <http://wciom.ru> (accessed 08 November 2016).
6. The central statistical database. [Central'naya baza statisticheskikh dannykh]. The Federal State Statistics Service. [Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki]. Available at: <http://shshshshh.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi> (accessed 01 October 2016).
7. The territorial agency of the Federal State Statistics Service of the Republic of Karelia. [Territorial'nyy organ federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Kareliya]. Available at: <http://krl.gks.ru/> (accessed 01 October 2016).

Consumer behavior in the Republic of Karelia: need for state regulation

**RUGACHEVA
Anzhela**

*PhD in Economics,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Faculty of Economics,
Petrozavodsk, Russia, rav@sampo.ru*

**FOKINA
Polina**

*2nd year master student of Magistracy,
Petrozavodsk State University, Faculty of Economics,
Petrozavodsk, Russia, polina-fokina@inbox.ru*

Keywords:

Consumer behavior
aggregate demand
government regulation of the economy

Summary:

The economy of the Republic of Karelia is in the difficult situation in last years. The volume index of gross regional product and the volume index of investments in fixed capital are steadily decreasing, the number of unemployed people is growing, the volume index of retail trade turnover has unfavorable trend according to the information from Kareliastat. It all indicates economic crisis. Scientists of the Higher School of Economic have assigned the Republic of Karelia to the group of regions with low budgetary security, high level of debt load and medium and big budget deficit. All this puts on the agenda the search for ways to increase the gross regional product and revenues of regional and local budgets. Consumption management is the complicated system which helps to achieve growth of aggregate demand and production volume, overcome the crisis and stimulate the economic growth. The government has a wide variety of ways to influence consumer behavior, because it has a huge range of economic, political, ideological and administrative resources. Government regulation affects households and their financial decision-making through the key interest rate, the size of social payments, determination of the minimum wage and other tools. Financial decision-making is conditioned by the size and dynamics of disposable income and other factors among which policy of state regulation plays a significant role.

Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля)

**СЕРОВА
Екатерина**

*Студент 3-го курса профиля «история международных отношений»,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводск, Россия, midav1996@mail.ru*

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

В 2015 г. авторитетное британское издательство Рутледж опубликовало коллективную монографию, название которой можно перевести как «Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе». Эта книга – попытка учёных ответить на вызовы мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. поразившего страны с развитой экономикой.

Цель своего исследования авторы формулируют в виде вопроса: можно ли сказать, что страны Северной Европы «по-прежнему» представляют собой «альтернативное Европейское сообщество» («still the other European community»), несмотря на влияние общеевропейских интеграционных процессов во второй половине XX в.? Выдвигая свои точки зрения и приводя соответствующую аргументацию, участники проекта параллельно задаются еще одним вопросом: есть ли перспективы развития Северных стран в рамках ЕС, и стоит ли странам региона быть в его составе? Главная идея коллективной монографии заключается в том, чтобы показать, от чего отказываются и что приобретают Северные страны вступив в ЕС и делегируя часть своих суверенных прав наднациональным европейским институтам или оставаясь за его пределами, т. е. сохраняя национальный суверенитет.

Редакторы рецензируемой книги – сотрудники Копенгагенского университета (Дания) – Кэролин Ховард Грён, Питер Недергаард и Андерс Вивель отразили результаты кропотливой работы британских, скандинавских, и прибалтийских исследователей и, проанализировав историю европейской интеграции, предложили современный взгляд на развитие отношений между странами Северной Европы (Данией, Швецией, Финляндией, Норвегией и Исландией) и Европейским союзом.

Исследовательская работа Кэролин Ховард Грён, доцента кафедры политических наук, в основном направлена на изучение одного из важнейших институтов Европейского союза (ЕС) – Европейской комиссии как связующего звена, обеспечивающего координацию деятельности национальных правительств небольших государств (в данной книге – стран Северной Европы) и наднациональных структур ЕС. Научная сфера деятельности Питера Недергаарда, профессора кафедры

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергарда, А. Вивеля) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 2. С. 56–66.

политических наук, охватывает проблемы, связанные с европейскими интеграционными процессами с экономической и политической точек зрения. По совместительству он также является членом нескольких департаментов, советов и комиссий, в том числе комиссии по правам избирателей (Suffrage Commission) и комитета по вопросам ответственности финансовых консультантов в Дании (The committee on liability of financial advisers) [13]. Научные интересы профессора кафедры политических наук Андерса Вивеля в основном связаны с анализом проблем формирования внешней политики и обеспечения политики безопасности небольших государств-членов ЕС. Большое внимание исследователь уделяет трансформации силовой политики правительств в Евро-Атлантическом регионе и её воздействию на стратегические возможности отдельных стран в составе ЕС.

Авторы рассуждают об участии Северных стран в процессе европейской интеграции, акцентируя внимание на том, что, с одной стороны, она формирует платформу для реализации потенциальных возможностей небольших государств (в их число входят и страны Северной Европы), а с другой – создаёт угрозу уникальности и самобытности, которыми так сильно дорожат страны Европейского Севера. В результате страны региона выработали собственный условный подход «да, но...» («yes, but... approach») [15; 15] к интеграционным процессам в Европе, который, по мнению авторов, лучше всего демонстрирует специфическое положение этих государств в составе Европейского союза.

Авторы видят свою задачу не в том, чтобы выработать один универсальный подход к решению вопроса, но предоставить ряд теорий, разъясняющих и облегчающих понимание того, как взаимодействуют Северные страны на региональном уровне и в рамках ЕС. В основе коллективной монографии лежит институциональная теория, которая поясняет выбор или решение правительств Северных стран по тому или иному вопросу. Всего можно выявить три подхода к принятию решений: с точки зрения институционализма рационального выбора, исторического или социологического институционализма. Последний подход в отличие от первых двух предполагает, что акторы международных отношений взаимодействуют между собой, руководствуясь традициями и нормами в большей степени, нежели рациональными соображениями, и именно этот подход как нельзя больше всего характеризует взаимодействие североευропейских стран и ЕС. Следует отметить, что авторы не ставят перед собой задачи рассмотреть каждый подход по отдельности: для них наиболее важно показать взаимосвязь трёх видов институционализма, по своему существу фундаментально различающихся в понимании природы институтов и социальной реальности. Иными словами, очень важно представлять, как соотносятся интересы стран-участниц, их предшествующее развитие и существующие нормы.

Во введении авторы считают важным показать то, чем их монография отличается от всех предшествующих работ, посвящённых данной тематике. Во-первых, в данном исследовании представлен наиболее полный и систематический сравнительный анализ взаимоотношений стран Северной Европы и ЕС, причём как Северных стран-членов ЕС, так и стран, не входящих в его состав. Как правило, в предыдущих исследованиях преимущественно рассматривалась политика ЕС в целом и, как правило, поведение крупных стран-членов, в то время как североευропейские страны оставались вне поля зрения.

Во-вторых, в данной книге представлены актуальные на 2015 г. сведения о том, как разворачиваются события в мире с участием североευропейских государств и ЕС. Авторы анализируют данные статистики, сводки аналитических институтов, отчёты министерств о проделанной работе. Безусловно, авторы ссылаются на множество более ранних работ [1] по общеевропейской и региональной (североευропейской) проблематике, в том числе работы профессора университета Вашингтона и директора центра по западноевропейским исследованиям Кристины Ингебритсен [9], известного датского политолога, профессора политических наук Копенгагенского университета Оле Вэвера и его коллеги Лине Хансен [8], профессора по проблематике управления кризисными ситуациями и стихийными бедствиями в Борнмутском университете Ли Майлса [11].

В-третьих, в книге уделено особое внимание процессу европеизации и степени его влияния на развитие стран североευропейского региона. Ранее к этому вопросу обращались и рассматривали в наиболее общих чертах датский публицист, профессор Копенгагенской бизнес школы Ове Кай Педерсен [12], профессор социальных наук в университете Сёдертёрна (Швеция) Бенгт Якобсон [10], доктор политических наук, старший научный сотрудник Норвежского института международных отношений Перниль Рикер [14]. Следует, впрочем, отметить, что не всегда удаётся понять, что конкретно имеют в виду исследователи, довольно часто и смело рассуждая о степени европеизации жизни в североευропейских странах, и чем, в таком случае, европеизация отличается от европейской интеграции.

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 2. С. 56-66.

~~Заслуга авторов новой монографии состоит в том, что они изучают поведение акторов~~ международных отношений с трёх ракурсов: с точки зрения исторического развития стран, их институционального оформления и политической ориентации. Учёные предлагают интересный взгляд на участие Северных стран в рамках ЕС, называя этот процесс «загрузкой» («uploading»), т. е. передачей локальных региональных образцов в европейскую историко-культурную среду, и «скачиванием» («downloading»), т. е. приобретение и инкорпорирование общеевропейских образцов в новую (североевропейскую) среду в соответствии с региональными особенностями.

Первая глава посвящена истории интеграции Северных стран в ЕС. Британский исследователь Ли Майлс и исландский учёный Балдур Торхалсон признают, что на сегодняшний день Северные страны находятся в сильной зависимости от социально-экономической ситуации в других европейских государствах. Следовательно, любые изменения в Европе имеют основополагающее значение в определении экономического процветания, политической стабильности и военной безопасности стран Северного региона.

В первой части главы Л. Майлс задаёт тон дальнейшей дискуссии, констатируя наличие богатого, более чем 60-тилетнего опыта Европейской интеграции, в одной стороны, а с другой — существование параллельно этому процессу так называемого «Нордического бренда» стран Северной Европы, т. е. модели для подражания. Европеизация, по мнению учёного, может привести к размыванию их «бренда» и, более того, нарушить функционирование государств всеобщего благосостояния (welfare states) со свойственными им щедрыми социальными системами.

Другим вопросом дискуссии стало понятие северной идентичности. Л. Майлс задаётся вопросом: стоит ли усматривать в Северных странах наличие уникальных признаков, благодаря которым можно говорить о сложившейся в этом регионе особой модели государства, функционирование которой зависит от достаточного суверенитета, «социального капитализма» («welfare capitalism») и интернационалистского солидаризма.

Следует, впрочем, отметить, что учёный не даёт четкого разграничения понятий «бренд» и идентичность. В свою очередь такое разграничение необходимо, поскольку не все страны могут иметь «бренд», и страны Северной Европы в данном случае действительно уникальны, ведь они сконструировали и «нордический бренд», и нордическую идентичность [7; 30]. Более того, с 1990-х гг. начинается трансформация «нордического бренда», который базируется на контрасте между североевропейским регионом и остальной Европой, обладает определенным набором свойств, характерных для этого периферийного региона Европы, в «Ганзейский проект» Балтийского региона, наиболее инкорпорированный в европейское сотрудничество, который, по словам публициста А. М. Карпенко, оперирует понятием «инклюзивности и поощряет акторов думать о том, что происходит за пределами их собственных границ» [5]. Под сомнением остаётся и сам процесс Европеизации, а именно, что он из себя представляет в понимании автора, допустим, в отличие от европейской интеграции.

Британский исследователь предлагает проанализировать два ключевых концепта, характеризующих взаимоотношения между странами Северной Европы и ЕС: взаимозависимость (interdependence) и наведение мостов (bridging). Так, под взаимозависимостью автор понимает «существование сложных и взаимных отношений между несколькими субъектами или структурами, в которых поведение соответствующих субъектов оказывает существенное воздействие на благополучие других участников, вовлечённых в отношения» [15; 17].

Обращаясь к идеям профессора в области международной экономики в Женевском институте международных отношений и развития Ричарда Эдварда Болдвина, автор сообщает о наличии двух центров, способных существенно влиять на проведение экономической политики в других государствах — Великобритании и Германии. В первом случае взаимосвязи Великобритании и Северных стран (прежде всего Дании и Норвегии) были настолько прочными, что вплоть до 1970-х гг. политика правительств Северных стран полностью отражала интересы британского правительства в процессе европейской интеграции. С 1970-х гг. взаимозависимость Северных стран и Германии стала неуклонно возрастать по мере того, как усиливалась стабильность немецкой марки, второй резервной валюты в мире вплоть до прихода евро.

В то же время, принимая во внимание тот факт, что Великобритания была и до сих пор остаётся крупным рынком сбыта товаров для стран Северной Европы (в основном для датской продукции), Л. Майлс упускает из виду важные события, учитывая которые взаимосвязи между Великобританией и странами Северной Европы никак не могут быть в равной степени прочными. Во-первых, следует учитывать конфликт между Исландией и Великобританией, затянувшийся на несколько десятилетий и

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля) // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 56-66.
~~вошедший в историю под названием «тресковых войн» [6]. Во-вторых, это финансовые махинации трёх~~
исландских банков, длившиеся с 2003 по 2008 гг., в результате которых Великобритания заморозила активы исландских вкладчиков на своей территории на сумму 5 миллиардов евро. Конфликт был урегулирован лишь благодаря займу, предоставленному МВФ. В свою очередь правительство Исландии продолжает надеяться на предоставление ещё более льготных условий для выплат по обязательствам, хотя рассрочка и без того продлена до 2046 г. под 3% годовых [1; 110, 111].

Помимо взаимозависимости Северных стран и других стран Европы, автор считает важным наведение мостов, что, по его словам, может принимать материальную и нематериальную форму. Так, Л. Майлс приводит в пример Эресуннский мост на границе между Данией и Швецией как результат европейской интеграции Северных стран. Что касается нематериальных или невидимых невооружённым глазом форм сотрудничества, то они представляют собой попытки представителей северной элиты установить контакты с европейскими партнёрами.

Примечательно, что учёный выделяет 5 фаз европейской интеграции Северных стран: 1956-1958, 1959-1972, 1973-1983, 1984-1995 и после 1995 г. Автор утверждает, что именно на третьей фазе евроинтеграции Северных стран происходила трансформация «торговой дилеммы» («trading dilemma») в «интеграционную дилемму» («integration dilemma»), когда на повестку дня был поставлен вопрос о том, как достичь баланса между воздействием интеграционных процессов и сохранением национального суверенитета стран североевропейского региона.

Во второй части главы Б. Торхалсон рассматривает положение Норвегии и Исландии, не являющихся членами ЕС и приходит к выводу, что эти страны уже подверглись воздействию общеЕСовских процессов. Главным образом, изменения произошли в законодательстве, поскольку и Норвегия, и Исландия входят в Европейскую экономическую и Шенгенскую зоны. В свою очередь ряд соглашений, подписанных странами-участницами, не предполагает право Норвегии и Исландии оказывать влияние на изменение общеевропейского законодательства.

Исландский исследователь очень подробно рассматривает феномен евроскептицизма в Норвегии и Исландии поскольку это уникальное по своей сути явление, отчасти нарушающее солидарность стран региона в принятии согласованных решений. Автор подчёркивает важность традиционных отраслей экономики и для норвежцев, и для исландцев, ведь именно контроль над рыбным и сельским хозяйством, а также энергетическими ресурсами сыграл определяющую роль в самоопределении этих народов.

Б. Торхалсон не ставит перед собой задачу описать историческое прошлое народов Европейского Севера, однако считает весьма полезным указать на отсутствие в Норвегии собственной наследственной аристократии; эта прослойка населения исчезла ещё в XIV в, когда по стране прокатилась эпидемия чумы. Это во многом объясняет поведение Норвегии в XX в., о чем пишет исследователь, указывающий на недостаточность учета только экономических причин, побудивших Норвегию к решительному отказу от членства в ЕС. Действительно, с одной стороны, причиной сопротивления евроинтеграции могла послужить разработка нефтяных месторождений, которая позволила правительству увеличить субсидии важнейшим традиционным секторам экономики (рыболовство, сельское хозяйство), но с другой — важную роль сыграл фактор приоритета национальной идентичности в норвежском самосознании, ведь в большинстве своём норвежскую нацию составляют фермеры и рыбаки, мотивирующие отказ от членства в ЕС даже той части населения, которая не занята в традиционных отраслях экономики Норвегии.

Подводя итоги автор отмечает тот факт, что для ЕС рыбодобывающий сектор и сельское хозяйство на севере являются убыточным бизнесом, по своей сути бесперспективными отраслями экономики. Именно такое расхождение в ключевых позициях по развитию экономики препятствует участию Норвегии и Исландии в крупномасштабном Европейском проекте, предполагающем делегирование власти от национальных органов к наднациональным структурам ЕС.

Вторая глава посвящена институциональному сотрудничеству стран Северной Европы и ЕС. Структурно глава подразделяется на четыре части, в каждой из которых рассматриваются позиции Северных стран в институтах ЕС — Совете ЕС, Европейской комиссии, Европарламенте.

Главная мысль первой части заключается в том, чтобы показать роль северного сотрудничества, которое становится неотъемлемой частью в процессе принятия согласованных решений. В связи с этим латышский исследователь Илзе Русе, занимающая пост посла Латвийской Республики в Великом Герцогстве Люксембург и посла-нерезидента в Королевстве Бельгия, подробно останавливается на вопросе о создании коалиции североевропейских стран-членов ЕС, вынужденных объединять свои голоса с целью достичь позиции блокирующего меньшинства и, таким образом, влиять на ход

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 2. С. 56–66.

переговоров в Совете ЕС. По мнению исследователя, северная группа заслуживает особого внимания по той причине, что даже объединившись, Дания, Финляндия и Швеция не могут собрать необходимое количество голосов блокирующего меньшинства в соответствии с системой для голосования. Автор задаётся вопросом, каким образом в этой ситуации Северные страны сотрудничают в Совете ЕС. В данном случае И. Русе выделяет так называемое «сетевое сотрудничество» («neighbourly network») североευропейских стран, благодаря которому у северной группы появляется преимущество перед остальными странами-членами ЕС.

Автор подчёркивает роль предварительных консультаций перед началом официального заседания Совета. Например, в Брюсселе традиция проведения неформальных ежемесячных совещаний вылилась в регулярные завтраки министров иностранных дел в преддверии формальных заседаний. Целью таких неформальных встреч является не достижение общих договорённостей по каким-либо вопросам, а обмен взглядами и предложениями, что помогает лучше понять позицию отдельно взятой страны. Автор показывает, изучая положения Стокгольмской программы 2009 г., как подобная традиция предварительных совещаний стран североευропейского региона была воплощена на практике.

Во второй части рассматривается взаимодействие Дании и Швеции с Европейской комиссией. Датский исследователь Кэролин Ховард Грён утверждает, что страны заинтересованы в сотрудничестве с Европейской комиссией по той простой причине, что последняя обладает реальной властью в ЕС — правом законодательной инициативы. Добавлю, что в данном случае уместно вспомнить об исключениях для Дании (opt-outs) в рамках ЕС, утверждённых в 1992 г. специальным «Протоколом о некоторых положениях, относящихся к Дании» [16]. Казалось, что был достигнут компромисс, когда по результатам референдума датское правительство отказалось делегировать часть суверенных прав (в области Пространства свободы, безопасности и правосудия) руководству ЕС. В результате мы наблюдаем парадокс: с одной стороны, Дания не может принимать участия в разработке общеевропейского законодательства, а с другой — она входит в Шенгенскую зону, являясь её полноправным членом. Законотворчество в рамках Шенгенских правил вынуждает Данию имплементировать в своё национальное законодательство всё вновь принимаемые законы, в противном случае другие страны-члены ЕС в праве принять меры и исключить Данию из Шенгенской зоны. Положение Дании лучше всего описывает одна из реплик Фукидида в Мелосском диалоге: «...в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться» [3].

Автор следующей части главы — датский исследователь Мадс Дагнис Йенсен — изучает отношения между Северными странами-членами ЕС и Европарламентом с трёх ракурсов: во-первых, выявляет связь между гражданами и Европарламентом через избирательные системы; во-вторых, разбирает состав Европарламента путём анализа демографических признаков его депутатов; в-третьих, определяет роль североευропейских членов Европарламента, оценивая организацию работы участников.

Переходя от более общей информации к детализированной, автор приводит таблицы, демонстрирующие распределение партийных голосов Северных стран-членов ЕС на выборах в Европарламент. Проанализировав приведённые данные, датский исследователь справедливо подтверждает тезис о «первичном и вторичном порядке выборов» («first-order elections and second-order election thesis»), выдвинутый немецкими учёными Германом Шмиттом и Карлхайнцем Райфом в 1980 г. Согласно этому тезису, выборы на общеевропейском уровне (вторичного порядка) для граждан стран Северной Европы обладают меньшей значимостью, нежели национальные выборы (первого порядка), что объясняет сравнительно низкую явку населения на европейских выборах (чуть более 51%), чем на национальных (около 80%).

Само по себе любопытно наблюдение автора за участниками национальных парламентов Северных стран и Европарламента, общее восприятие состава которых он подвергает сомнению. Так, в соответствии с общепринятым мнением граждан, все члены парламента — это люди среднего возраста, в большинстве своём лица мужского пола, с высшим образованием и большим политическим опытом. Автор развеивает мифы приводя статистические данные, свидетельствующие, в частности, о том, что средний возраст парламентариев седьмого созыва составляет 50 лет, а доля женщин-парламентариев из Финляндии и Швеции в Европарламенте превышает представительство мужчин. Оценивая уровень образования и политический опыт парламентариев, автор выделяет финских участников на фоне датских и шведских коллег в связи с тем, что большинство депутатов-финнов имеет научную степень доктора философии.

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля) // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 56-66.

~~В заключительной части английский исследователь Ян Купер предлагает интересный обзор~~ североευропейских национальных парламентов. Автор утверждает, что несмотря на заметное сходство национальных парламентов Северных стран, их деятельность должна быть пересмотрена с момента подписания Лиссабонского договора, значительно расширившего полномочия национальных парламентов в отношениях с Европарламентом. Автор видит главную задачу национальных парламентов в обеспечении контроля над деятельностью ЕС, в то время как их прямое участие на общеевропейском уровне, в лучшем случае, носит вспомогательный характер. Кроме того, характеристики национальных парламентов Северных стран обозначенные автором заслуживают внимания читателей. К примеру, датский фолькетинг, по мнению автора, отличается наибольшей оперативностью в стимулировании работы всех остальных национальных парламентов Северной Европы для достижения общих целей.

В третьей главе авторы монографии рассматривают вопрос о том, какое положение страны Северной Европы занимают в ключевых сферах политики ЕС, а именно: в сельском хозяйстве (на примере Дании и Швеции), на внутреннем рынке, валютном союзе, в отношении пространства свободы, безопасности и правосудия в рамках ЕС (на примере Дании и Норвегии), в политике безопасности и обороны, в области развития рынка труда. Авторы также считают важным показать влияние Европейской социальной модели на системы социального обеспечения североευропейских государств всеобщего благосостояния.

Так, датские исследователи Питер Недергаард и Мадс Дагнис Йенсен сравнивают позиции правительств Швеции и Дании в отношении к Единой сельскохозяйственной политике (ЕСХП). Авторы предпринимают попытки разобраться в вопросе, почему датская позиция со временем претерпела радикальные изменения, а шведская позиция осталась практически неизменной. Для понимания исторической действительности авторы применяют подходы институционализма рационального выбора и социологического институционализма. В соответствии с первым подходом, страна поддерживает ЕСХП только в том случае, если экономические выгоды превышают издержки. Вторым подход, в противоположность предыдущему, гласит, что страна поддерживает ЕСХП, если последняя согласуется с национальными ценностями.

Датские учёные приходят к выводу, что в вплоть до 1990-х гг. в Дании материальные интересы (material national interests) преобладали над национальными ценностями (normative national values), что подтверждается фактом вступления Дании в ЕС, когда страна руководствовалась исключительно экономическими соображениями. Однако в последнее десятилетие XX в. финансовые вложения Дании в общий европейский бюджет стали превышать доходы страны от ЕСХП (авторы приводят в доказательство цифры) [15; 130], началась серьёзная международная критика сельскохозяйственной политики ЕС, и произошёл сдвиг в сторону её либерализации. В 2004 г. датский политик Хенрик Дам Кристенсен, в прошлом министр сельского хозяйства, назвал ЕСХП «одним из худших примеров централизованных плановых экономик в мире» [15; 130].

В поле зрения датских исследователей также оказалась проблема, связанная с процессом рыночной интеграции вследствие образования общего внутреннего рынка. Авторы акцентируют внимание на амбивалентном подходе Северных стран (за исключением Финляндии) к европейской рыночной интеграции. Амбивалентность состоит в том, что с одной стороны, страны североευропейского региона поддерживают общий рынок и даже являются лидерами в оформлении законодательной базы, но с другой стороны, Северные страны придают очень много значения национальным интересам как фундаменту, на котором функционируют все социальные государства Северной Европы.

Анализируя позиции правительств Северных стран по вопросу присоединения к экономическому и валютному союзу (ЭВС), финский экономист Сикстен Коркман обращается к истории союза и его структуре. С. Коркман видит свою задачу в том, чтобы понять, почему политическая элита стран североευропейского региона принимала и продолжает принимать дифференцированные решения по проблемам, связанным с политикой ЭВС.

По мнению автора, одна и та же монетарная политика не может быть приемлемой для всех государств. Автор сообщает, что со временем ведущие экономисты осознали тот факт, что Евросоюз на деле не образовал оптимальной валютной зоны (optimum currency area): страны-члены ЕС не получили ни гарантий гибкой оплаты труда (wage flexibility), ни обеспечения трудовой мобильности и др. Вместо этого любая страна могла быть подвержена так называемым «асимметричным шокам» (asymmetric shocks). Это привело к тому, что каждое правительство стало, прежде всего, руководствоваться не экономическими, а политическими соображениями, когда дело касалось принятия ключевых решений в отношении политики ЭВС.

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергарда, А. Вивеля) // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 56–66.

Так, выбор в пользу единой валюты в Финляндии обеспечивался желанием финской политической элиты, бизнесменов и большинства населения видеть свою страну в качестве неотъемлемой части процесса европейской интеграции, что связано с развитием страны в предшествующий период. Для финнов чрезвычайно важным оказалось прояснение своего геополитического статуса, и, вместе с тем, укрепление национального суверенитета. В противоположность Финляндии, по мнению С. Коркмана, Дания прежде всего преследовала экономические интересы и своё членство в ЕС рассматривала как плату за получение экономических привилегий в обмен на утрату национального суверенитета.

В следующей части главы датский исследователь Ребекка Адлер-Ниссен выдвигает интересный тезис, согласно которому Норвегия, не входящая в ЕС, является более евроинтегрированной, чем Дания, входящая в состав ЕС. Автор отмечает, что зачастую участие этих стран в процессах евроинтеграции основывается на так называемом «избирательном подходе» («cherry-picking»), что вызывает критику со стороны некоторых стран-членов ЕС.

Сопоставляя достижения Норвегии и Дании в сотрудничестве с ЕС и анализируя различные соглашения для аргументации той или иной позиции, автор задумывается над «интеграционной дилеммой» («integration dilemma»), суть которой сводится к тому, что в каждом государстве по мере углубления интеграционных процессов в определённый момент возникает необходимость решать вопрос о наднациональной политической интеграции. В этот самый момент, по мнению датского учёного, государство может либо «увязнуть» («be entrapped») в процессе интеграции, делегируя существенную часть своих властных полномочий наднациональным структурам, либо может быть выброшено из процесса интеграции, сохраняя при этом национальный суверенитет.

Основная мысль автора заключается в том, что государство не может одновременно сохранять полную автономию и непосредственно влиять на положение дел в ЕС. Однако достижение компромисса, по мнению Р. Адлер-Ниссен, всё-таки возможно, что доказывается работой совместного органа (Joint Body) или смешанному комитету (mixed committee) по вопросам сотрудничества участников Шенгенской зоны, у каждого из которых есть право голоса. В то же время, отмечает исследователь, нужно иметь в виду, что вся деятельность смешанного комитета носит совещательный характер; последнее слово, как правило, остаётся за Советом и Европарламентом.

Датские исследователи Мартин Маркуссен и Андерс Вивель рассуждают о роли ЕС в скандинавской политике национальной безопасности и обороны, параллельно затрагивая проблему европеизации политики безопасности Северных стран. Авторы утверждают, что несмотря на все преимущества развития скандинавской политики безопасности в рамках ЕС, степень европеизации этой области по-прежнему мала и незначительна, поэтому Северные страны продолжают оставаться «в тени истории» («in the shadow of history»), отказываясь признавать достоинства ЕС как влиятельного постмодернистского актора в сфере политики безопасности (postmodern European security actor). Внешняя же политика, в целом, носит европеизированный характер, поскольку руководство ЕС оказывает существенное влияние на определение внешнеполитического курса правительств стран Северной Европы.

В данном случае, исследователи не сочли необходимым в достаточной мере разъяснить, в чём конкретно заключается процесс европеизации, на что он направлен и какие цели преследует. Скорее всего, авторы подразумевают заимствование общеевропейских образцов и их адаптирование в региональной среде Европейского Севера с целью выравнивания всех сфер жизни в соответствии с общеЕСовскими стандартами и критериями. И всё-таки понятие европеизации стоит рассматривать в культурном контексте, в связи с чем можно утверждать, что авторы достаточно вольно соотносят процесс европеизации, допустим, с оборонительной политикой. Хотя и здесь надо учитывать особенности английского и русского языков, принадлежащих к разным языковым семьям: русский лексикон более коннотирован по сравнению с английским.

Авторы утверждают, что в странах Северной Европы не сложилась традиция формирования военно-политической стратегии государства (grand strategy), цель которой — обеспечение безопасности границ и населения каждой отдельно взятой страны. На протяжении двух столетий Европа, по словам учёных, занимала позицию «дремлющего партнёра» («sleeping partner») и играла важную роль в формировании военно-политической стратегии стран североевропейского региона. Однако, её участие оставалось незаметным в связи с редким вмешательством в политику Северных государств.

Учитывая периферийное геополитическое положение стран Северной Европы и их ограниченный военный потенциал, М. Маркуссен и А. Вивель приходят к выводу, что, с одной стороны, страны региона не играли ведущей роли в международной политике во время создания европейского государственного порядка, а именно с момента подписания Вестфальского мира 1648 г. и вплоть до завершения Второй

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергаарда, А. Вивеля) // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 56–66.

мировой войны в 1945 г. Но с другой стороны, за весь этот продолжительный период страны региона не тратили время впустую: они создали собственное северное сообщество безопасности («Nordic security community»), которое, по мнению авторов, является своеобразной платформой для лоббирования либерально-эгалитарных ценностей социальных государств североευропейского региона на международной арене.

Подробно изучая североευропейское оборонное сотрудничество, исследователи смело заявляют, что несмотря на все усилия правительств Северных стран создать альтернативу европейской и североатлантической оборонным структурам, их попытки по-прежнему остаются безуспешными. Ещё одно важное наблюдение исследователей касается специфического восприятия Северными государствами европейской системы, весьма громоздкой и чрезвычайно медленной с точки зрения протекания процессов.

В данном случае можно добавить, что в рецензируемой монографии мало внимания уделяется глубинным, более масштабным причинам провала создания регионального оборонительного союза. Безусловно, разногласия по тем или иным вопросам и ограниченность ресурсов сыграли свою роль, но важно учитывать и то, что мировой порядок всегда определяли крупные державы, а небольшие государства всегда оказывались уязвимыми в плане стратегического планирования, предвидения кризисов и конфликтов с целью недопущения ошибок и своевременного их предотвращения. Иными словами, небольшим государствам не хватает широты мышления, их правительства не могут выйти за пределы регионального мировосприятия. И здесь мы наблюдаем не столько проблему периферийного геополитического положения североευропейских стран, к которой обращаются М. Маркуссен и А. Вивель, сколько проблему провинциализма, которая, по словам заведующего кафедрой европейской интеграции МГИМО Николая Юрьевича Кавешникова, является «не местом жительства, а состоянием ума» [4].

Авторы приходят к выводу, что несмотря на ограниченный характер европеизации стратегий национальной безопасности стран Европейского Севера, внешнеполитические позиции североευропейских правительств, в целом, европеизированы, поскольку руководство ЕС оказывает существенное влияние на определение внешнеполитической ориентации правительств стран Северной Европы. Но в то же время, политика ЕС играет второстепенную роль, когда предметом обсуждения являются вопросы, связанные с обеспечением обороны стран региона. В последнем случае, по мнению авторов, решения правительств региона зависят от позиций США и НАТО.

В заключительной **четвёртой главе** монографии подводятся итоги, авторы расставляют акценты своего исследования. Возвращаясь к вопросу о том, можно ли признать наличие альтернативной Европейскому союзу модели сообщества стран североευропейского региона, авторы не решаются ответить «да» или «нет».

Несмотря на то, что исторические судьбы народов, населяющих страны Европейского Севера, оказались тесно переплетены, авторы высказывают мысль, что, в действительности, за «сказкой о скандинавской самобытности» («tale of shared Nordic distinctiveness») есть скрытый подтекст, который усложняет реальную картину.

Следующий аспект, который рассматривают авторы монографии в заключительной главе, позволяет оценить степень солидарности Северных стран внутри ЕС. Если обратиться к процессу принятия решений правительствами стран Северной Европы в отношении ЕС, то правомернее сказать, что Северные страны представляют собой кластер, нежели модель или союз. Исследователи утверждают, что странам региона присущ набор общих характеристик, что собственно и позволяет выделить эти страны в отдельную группу, но поведение каждой из стран отличается от поведения всех остальных, когда ситуация требует решительных и согласованных действий по проблемам европейской интеграции. В этом случае важно помнить, что принятие ключевых решений напрямую зависит от национальных интересов страны.

Для понимания того, что лежит в основе сотрудничества Северных стран, исследователи используют метод прагматического функционализма. Благодаря этому методу становится ясно, по какой причине североευропейские страны заслужили репутацию «пассивных европейцев» («reluctant Europeans») в глазах всего мира. Суть такой нарицательной характеристики сводится к пониманию условного подхода «да, но...» («yes, but...») стран региона в отношении процессов европейской интеграции. Лучше всего такой поход удаётся проследить на примере экономической интеграции, когда Северные страны поощряют конкуренцию и свободную торговлю, с одной стороны, а с другой — они видят в этом опасность для функционирования своих социальных государств, главным образом, систем социального обеспечения.

Серова Е. Рецензия на кн.: The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p. (Страны Северной Европы и Европейский союз: к вопросу об альтернативном Европейском сообществе / под ред. К. Х. Грён, П. Недергарда, А. Вивеля) // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 56-66.

~~В завершении главы авторы еще раз указывают на комплекс причин, подтверждающих~~
необходимость укрепления связей между странами Северной Европы и ЕС и параллельно говорят о возрастающей роли США в изменении контуров европейской политики.

В рецензируемой монографии приводится множество таблиц, схем, графиков, диаграмм, наглядно демонстрирующих динамику развития Северных государств в зависимости от колебаний экономической и политической конъюнктуры. Несмотря на отмеченные положительные стороны монографии, она, тем не менее, не лишена недостатков.

Во-первых, когда авторы пишут об источниках доходов Северных государств, акцент делается на внешнюю торговлю, в то время как о налоговой политике совсем ничего не говорится. Во-вторых, рассуждая о северном сообществе безопасности, авторы монографии не сомневаются в том, что оно на самом деле существует и функционирует, хотя, как известно, уже после окончания холодной войны идея сообщества безопасности Северных стран была поставлена под сомнение. Более того, учитывая нынешнюю кризисную ситуацию в ЕС, политические круги выдвигают идею создания Европейского оборонительного союза, в связи с чем вновь актуализируется вопрос, разделяющий ЕС на лагеря «европеистов» и «атлантистов» [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Голубицкий С. Исландская тишина // Московский бизнес журнал // Google Books [Электронный ресурс]. 2011. URL: [http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1295#top-content](https://books.google.ru/books?id=K4nrAwAAQBAJ&pg=PA110&lpg=PA110&dq=D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B0+%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B+%D0%B2+%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8+%D0%B2+2008+%D0%B3.&source=bl&ots=Lu_dKPbPt&sig=5V-EMEOwCXr7X38F9wB28ZCVks&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj-6Onia3QAhVD_ywKHb0oBtcQ6AEIJDAC#v=onepage&q=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B0%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%202008%20%D0%B3.&f=false, свободный (Дата обращения 12.11.2016).2. Данилов Д. А. ЕС на пути к европейской обороне // РСМД [Электронный ресурс]. Россия, 2013. URL: <a href=), свободный (Дата обращения 12.11.2016).
3. Диалог афинян и мелосцев // История / Фукидид / пер. Г. А. Стратановского, А. А. Нейхарда, Я. М. Боровского. Кн. 5. // RoyalLib.com [Электронный ресурс]. Россия, 2016. URL: <http://royallib.com/read/fukidid/istoriya.html#0>, свободный (Дата обращения 14.11.2016).
4. Кавешников Н. Ю. Малые и вредные? // Международные процессы [Электронный ресурс]. Россия, 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/011.htm>, свободный (Дата обращения 14.11.2016).
5. Карпенко А. М. Калининград во внешнеполитическом дискурсе "новых регионов" // ПОЛИТЭКС [Электронный ресурс]. Россия, 2008. URL: <http://www.politex.info/content/view/506/30/>, свободный (Дата обращения 12.11.2016).
6. Кулик Д. Тресковая война // Русская Германия [Электронный ресурс]. Германия, 2010. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=2445&Itemid=0, свободный (Дата обращения 12.11.2016).
7. Browning C. S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association. 2007. Vol. 42 (1). P. 27—51.
8. European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States / ed. by L. Hansen, O. Wæver. London: Routledge, 2002. 232 p.
9. Ingebritsen C. The Nordic States and European Unity. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1998. 240 p.
10. Jacobsson B., Lægreid P., Pedersen O. K. Europeanization and Transnational States: Comparing Nordic Central Governments. London: Routledge, 2004. 191 p.
11. Miles L. The European Union and the Nordic Countries. London: Routledge, 1996. 310 p.
12. Pedersen O. K., Olsen T. V. Den Europæiske Skrue: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige, Copenhagen: DJØF Publishing, 2008. 219 p.
13. Peter Nedergaard // Wikipedia [Electronic resource]. USA, 2009. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Nedergaard, свободный (Дата обращения 12.11.2016).
14. Rieker P. Europeanization of National Security Identity: The EU and the Changing Security Identities of the Nordic States. London: Routledge, 2009. 226 p.
15. The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p.
16. Treaty on European Union. Protocol on certain provisions relating to Denmark (1992) // Wikisource [Electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_on_European_Union/Protocol_on_certain_provisions_relating_to_Denmark, свободный (Дата обращения 15.11.2016).

REFERENCES

1. Golubitskiy S. Icelandic silence [Golubitskiy S. Islandskaya tishina] // Moscow Business Journal [Moskovskiy biznes zhurnal] // Google Books [Electronic resource]. 2011. Available at: https://books.google.ru/books?id=K4nrAwAAQBAJ&pg=PA110&lpg=PA110&dq=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B0+%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B+%D0%B2+%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8+%D0%B2+2008+%D0%B3.&source=bl&ots=Lu_dKPbPt&sig=5V-EMEOwCXr7X38F9wB28ZCVks&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj-6Onia3QAhVD_ywKHb0oBtcQ6AEIJDAC#v=onepage&q=%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B0%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%2008%20%D0%B3.&f=false (accessed 12 November 2016).
2. Danilov D. A. EU on the way to European defense [ES na puti k evropeyskoy oborone] // Russian Council on International Affairs [Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnyim delam]. [Electronic resource]. Russia, 2013. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1295#top-content (accessed 12 November 2016).
3. Athenians and Melosians Dialogue [Dialog afinyan i melostsev] // History / Thucydides / Trans. by G. A. Stratanovskiy, A. A. Neyhard, Y. M. Borovsky. V. 5. RoyalLib.com [Electronic resource]. Russia, 2016. Available at: <http://royallib.com/read/fukidid/istoriya.html#0> (accessed 14 November 2016).
4. Kaveshnikov N. Y. Small and harmful? [Malye i vrednyie?] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy] [Electronic resource]. Russia, 2008. Available at: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/011.htm> (accessed 14 November 2016).
5. Karpenko A. M. Kaliningrad in the foreign policy discourse of "new regions" [Kaliningrad vo vneshnepoliticheskom diskurse "novykh regionov"] // POLITEKS [Electronic resource]. Russia, 2008. Available at: <http://www.politex.info/content/view/506/30/> (accessed 12 November 2016).
6. Kulik D. Cod Wars [Treskovaya voyna] // Russian Germany [Russkaya Germaniya]. [Electronic resource]. Germany, 2010. Available at: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=2445&Itemid=0 (accessed 12 November 2016).
7. Browning C. S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association. 2007. Vol. 42 (1). P. 27—51.
8. European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States / ed. by L. Hansen, O. Wæver. London: Routledge, 2002. 232 p.
9. Ingebritsen C. The Nordic States and European Unity. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1998. 240 p.
10. Jacobsson B., Lægreid P., Pedersen O. K. Europeanization and Transnational States: Comparing Nordic Central Governments. London: Routledge, 2004. 191 p.
11. Miles L. The European Union and the Nordic Countries. London: Routledge, 1996. 310 p.
12. Pedersen O. K., Olsen T. V. Den Europæiske Skrue: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige, Copenhagen: DJØF Publishing, 2008. 219 p.
13. Peter Nedergaard // Wikipedia [Electronic resource]. USA, 2009. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Nedergaard (accessed 12 November 2016).
14. Rieker P. Europeanization of National Security Identity: The EU and the Changing Security Identities of the Nordic States. London: Routledge, 2009. 226 p.
15. The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015.
16. Treaty on European Union. Protocol on certain provisions relating to Denmark (1992) // Wikisource [Electronic resource] USA, 2016. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_on_European_Union/Protocol_on_certain_provisions_relating_to_Denmark (accessed 15 November 2016).

[1] В общей сложности насчитывается 558 наименований использованных в исследовании источников и литературы на английском, датском, норвежском, финском и шведском языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В общей сложности насчитывается 558 наименований использованных в исследовании источников и литературы на английском, датском, норвежском, финском и шведском языках.

Review of the book The Nordic Countries and the European Union: Still the other European community / Ed. by C. H. Grøn, P. Nedergaard, A. Wivel. London, New York: Routledge, 2015. 318 p.

**SEROVA
Ekaterina**

Petrozavodsk State University, Department of World History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk, Russia, midav1996@mail.ru